

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГЕНЕАЛОГИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск VIII

Владикавказ 2016

ББК 63.214(531)

*Печатается по решению
Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН*

Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск VIII: сборник статей. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. – 276 с.

ISBN 978-5-91480-255-1

Редакционная коллегия:

*И. Т. Марзоев, доктор исторических наук
М. И. Барзбиев, кандидат исторических наук
Р. М. Абрамян, кандидат педагогических наук
К. Р. Дзалаева, кандидат исторических наук
Н. Г. Джавахишвили, доктор исторических наук*

*В оформлении обложки использовано фото
Старого Тбилиси Роберта Хардинга*

ISBN 978-5-91480-255-1

ББК 63.214(531)

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016

© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЕЙ

Абрамян Р. М.

МАТЕРИАЛЫ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ДВОРЯНСКИХ
РОДОВ КАРАБАХА (ИЗ ДЕЛ ЛИЧНОГО ФОНДА
ВАРДАПЕТА ХАЧИКА ДАДЯНА)7

Асадов Ю. А.

ИГДЫРСКИЕ КОРНИ РОДА ИСАБЕКЯНОВ 13

Гусейнов Г.-Р. А.-К.

ГУСЕЙНОВЫ И МИРЗОЕВЫ: К ГЕНЕАЛОГИИ
ДВУХ КУПЕЧЕСКИХ ДИНАСТИЙ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
(НОВЫЕ ФОТОМАТЕРИАЛЫ)30

Духаев А. И.

ГЕНЕАЛОГИЯ КНЯЗЕЙ ТУРЛОВЫХ35

Идрисов Ю. М.

МЛАДШИЕ ВЕТВИ РОДА ТАРКОВСКИХ:
НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ДРЕВА81

Кулиев М. Р.

НАХИЧЕВАНСКИЕ ЗУЛЬФУГАРХАНОВЫ 88

Цагараев М. А.

В ПОИСКАХ ЗАКАВКАЗСКОЙ ВЕТВИ ОСЕТИНСКОЙ
ФАМИЛИИ ЦÆГÆРАТÆ 93

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**Гарсаев Л. М., Гарсаев А. М., Шаипова Т. С., Гарсаева М. М.**

ТАЙП ПЕШХОЙ (ИСТОРИЯ, ВЕТВИ,
ЮМОР, РАССКАЗЫ, РАССЕЛЕНИЕ) 96

Григорян С. Л.

ОШИН ИЗ СТРАНЫ АРМЯНСКОЙ:
О ЛОКАЛИЗАЦИИ МАЙРЕАЦ ДЖУРКА,
ВОСТОЧНО-АРМЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ ГЕТУМЯНОВ 109

Джавахишвили Н. Г.

ИЗ ИСТОРИИ БРАКОВ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
ГРУЗИНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЗНАТНЫХ РОДОВ
(С XVIII –ДО 40-Х ГОДОВ XX ВВ.) 120

Дзагалов А. С.

ОСЕТИНЫ-ПАРТИЗАНЫ ОТРЯДА ИМЕНИ
Н. С. ХРУЩЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГАОО УКРАИНЫ) 142

Дзалаева К. Р.

ВОВЛЕЧЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННО-
АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
И ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 152

Кафар-заде Л. Р.

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ
ИСКАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДИНАСТИИ СЕФЕВИДОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 160

Магалян А. В.

ВОЙСКО АРЦАХСКИХ МЕЛИКСТВ 170

Матвеев О. В., Сухачева Е. М.

СЛУЖИЛЫЕ СОСЛОВИЯ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В ЗЕРКАЛЕ КРЫМСКО-КАВКАЗСКИХ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ 179

Мусаева С. И.

СТЕПЕНИ РОДСТВА В УРАХИНСКОМ СЕЛЬСКОМ
ОБЩЕСТВЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 187

Тезиева М. Х.

К ВОПРОСУ О «ТАВРСКОМ» КОРПУСЕ
ОСЕТИНСКИХ ФАМИЛИЙ 195

БИОГРАФИИ**Арсанукаева М. С.**

ТАШТЕМИР ЭЛЬДАРХАНОВ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.) 201

Брацун Е. В.

ЛИЧНОСТЬ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА КОЗЬМЫ (ГУЙМАНА)
ИВАНОВИЧА ЗАНКИСОВА (1823–1885 ГГ.) 218

Киреев Ф. С.

АТАМАН ТЕРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
ГЕРАСИМ АНДРЕЕВИЧ ВДОВЕНКО 233

Марзоев И. Т.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗМАИЛА
ХАКЯССОВИЧА КАРАБУГАЕВА244

Тахушева И. С.

ВКЛАД ЕВГЕНИИ ДЖАМУРЗОВНЫ НАЛОЕВОЙ
В РЕКОНСТРУКЦИЮ ГЕНЕАЛОГИИ КАБАРДИНСКИХ
КНЯЗЕЙ: К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ248

БИБЛИОГРАФИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ**Абрамян Р. М.**

ИЗДАНИЯ ПО ГЕНЕАЛОГИИ КАРАЧАЕВЦЕВ
И БАЛКАРЦЕВ (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)253

Кармов Р. К.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В АРХИВАХ
НЕИСЧЕРПАЕМЫ270

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ274

ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЕЙ

Р. М. Абрамян
(г. Москва, Россия)

МАТЕРИАЛЫ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ КАРАБАХА (ИЗ ДЕЛ ЛИЧНОГО ФОНДА ВАРДАПЕТА ХАЧИКА ДАДЯНА)

Хачик вардапет Дадян (в миру Вахан Григорьевич Тер-Григорян) родился в 1863 г., в семье потомственных священников в карабахском селе Верхний Тагавард. После окончания Шушинской епархиальной школы работал учителем в учебных заведениях Арцахской епархии. В 1889 г. принимает духовное звание. Служил на различных должностях в Карабахе, населенных пунктах Ирана (Маку, Салмаст, Хой) и Эриванской губернии. В 1895 г. возведен в сан вардапета (архимандрита).

В 1899 г. назначен заведующим новообразованного музея Эчмиадзинского католикосата. Эту должность он занимал вплоть до 1920 г.

На протяжении всей своей жизни Хачик вардапет Дадян активно занимался исследованиями различных аспектов истории и культуры армянского народа.

Им собраны богатейшие этнографические и фольклорные материалы в Арцахе (Дизак, Варанда, Хачен, город Шуши), Парскахайке, Васпуракане, частично Айрарате (Егвард).

Велики заслуги вардапета в области армянской археологии. Ему принадлежит заслуга проведения первых раскопок знаменитого монастыря Звартноц. Также им организованы раскопки в Гарни, Армавире, Двине, Егварде.

Им собрано большое количество эпиграфических надписей. Следует отметить, что многие из описанных им объектов ныне не существуют.

Как историк вардапет Хачик известен своими исследованиями в области древней и средневековой истории Кавказской Албании, Арцаха, отдельных армянских монастырей и т. д.

До наших дней научное наследие Хачика вардапета Дадяна в полной мере не введено в научный оборот. Большинство его исследований осталось неопубликованными.

Анализ материалов личного фонда Дадяна в Национальном архиве Армении (Ф. 319) свидетельствует о глубоком интересе исследователя к генеалогии.

В указанном фонде хранится большое количество черновых материалов (иногда в нескольких вариантах), посвященных истории отдельных аристократических родов.

Представлены исследования по генеалогии древних и средневековых династий Кавказской Албании (Агванка) (Араншахики, Михраняны), Арцаха (Хаченские князья, Дюпяны и др.), ряда исторических областей Армении (цари Сюника, Вачутяны и др.).

Дадяном собраны ценные материалы о большинстве меликских (Хасан-Джалаляны, Мелик-Шахназаряны, Мелик-Еганяны, Мелик-Израеляны, Мелик-Пашаяны и др.) и ряде бекских (Баатурияны, Долуханяны, Лазаряны и др.) фамилий Карабаха.

Также им подготовлены родословные отдельных священнических и крестьянских фамилий (Ерицанцы из Арачадзора, потомки махтеси Арутюна, Мамиконяны из Джраберда, Марданяны из Дизака и др.).

Основной формой фиксации генеалогического материала являются составленные автором родословные росписи и генеа-

логические таблицы (как отдельных ветвей рода, так и сводные, включающие порой сотни имен). К ним прилагаются выписки из научных публикаций, исторических источников, фамильных документов, колофонов рукописей, копии эпиграфических надписей, переписка с информаторами, записи устных сообщений.

Также значительный интерес для генеалогов представляют списки родов (азгов), проживавших в том или ином населенном пункте, сопровождаемые краткой информацией об их происхождении и сословной принадлежности.

Учитывая состояние источниковой базы генеалогии армянского дворянства Арцаха и постоянно растущий интерес к данной тематике, крайне важным представляется подробное изучение и публикация собранных Хачиком вардапетом Дадяном материалов.

В качестве иллюстрации представлены родословные росписи Мамиконянов из Джраберда и рода махтеси Арутюна из Арчадзора, составленные по материалам дел 45 и 51 из фонда Х. Дадяна.

Род махтеси Арутюна из села Арчадзор

- 1 Анан юзбаши
- 1/1 Тархан юзбаши.
- 2/1 Киракос юзбаши
- 3/2 Арутюн махтеси. Жена Анна Закарянц. Бездетны.
- 4/2 Габриэл
- 5/4 Егисабет. Муж N Мирзабекянц
- 6/4 Аллахверди. Жена Тагухи, дочь Георга Айрумянц.
- 7/4 Назлу. Муж Саргис Тер-Ованнесянц.
- 8/4 Аствацатур. Жена Нахшун Григорянц.
- 9/6 Мариам. Муж Саргис N.
- 10/6 Хачатур. Жена Сопия, дочь Балас-бека Пирумянц из села Нахичеваник.
- 11/6 Рипсимэ. Муж Абраам-бек Джалалян (племянник по брату Гачи Погоса)
- 12/6 Сандухт. Муж Апет Апресянц.
- 13/6 Катаринэ. Муж Арутюн Богданянц.

- 14/6 Марта. Муж Ованнес-бек Тер-Гаспарянц.
15/8 Епрем. Жена Сона, дочь Тер-Арутюна Амунц из Нахичеваника.
16/8 Аванес. Жена Аннушка, дочь Аванес Арзманбекянц.
17/8 Джаваир. Муж Аветис Даниэльбекянц.
18/15 Аствацатур
19/16 Миша
20/16 Саша

Мамиконяны из Джраберда

- 1 Тер-Барсег. Жена Хюризат, дочь Мелик-Бархударянца из Теха.
2/1 Тер-Оган. Жена Варварэ.
3/2 Тер-Григор. Жена Тагухи Ханкеалдянц.
4/2 Тер-Оваким. Жена Малак-Тамар.
5/2 Тер-Нахапет. Жена Салбиназ Агапаронян.
6/2 Тер-Абраам. Жена Мариам.
7/2 Габриэл, учитель
8/2 Давид-бек. Жена Мариам.
9/2 Нана
10/2 Манишак
11/2 Реан
12/3 Исраэл, учитель. Жены: 1) Маргарит; 2) Цови
13/3 Саргис-бек. Бездетен.
14/3 Барсег-бек. Жена Катаринэ.
15/3 Тер-Микаэл. Жена Коли.
16/3 Симеон. Жены: 1) Анна; 2) Катаринэ
17/4 Овсеп-бек. Жена Шамам.
18/4 Сахак-бек. Жена Рипсимэ.
19/4 Тер-Алексан. Жена Санам.
20/4 Есаи. Жена Шушаник.
21/4 Н. Жена Лусик.
22/5 Николай-бек. Жена Майко.
23/5 Епрем-бек. Жена Лиза.
24/5 Артем.

-
- 25/5 Аршак
26/6 Тер-Нерсес
27/6 Геворг
28/6 Мушег
29/6 Вахан
30/8 Шушаник
31/12 (1) Костанд. Жена София.
32/12 (1) Ованнес. Жена София.
33/12 (2) Амазасп
34/12 (2) Вахан
35/12 (2) Србухи
36/14 Вардан
37/14 Григор
38/15 Вардан
39/15 Вахан
40/15 Хорен
41/15 Арташес
42/16 (1) Григор
43/16 (2) Шушаник
44/16 (2) Тагухи
45/16 (2) Ашхен
46/16 (2) Мушег
47/17 Оваким
48/17 Арташес
49/17 Врамшапух
50/17 Астхик
51/17 Анахит
52/18 Антик
53/18 Микаэл
54/18 Григор
55/18 Овсеп
56/18 Абраам
57/19 Вардан
58/19 Григор
59/19 Мартирос
60/19 Варсеник

-
- 61/20 Христапор
62/20 Степанос
63/20 Арменак
64/20 Саргис
65/20 Левон
66/20 Григор
67/20 Тамар
68/20 Овсанна
69/21 Хайк
70/21 Рубен
71/21 Мариам
72/21 Нунэ
73/21 Ашхен
74/21 Егинэ
75/22 Рубен
76/22 Сурен
77/22 Григор
78/23 Левон
79/23 Вардан
80/23 Хайк
81/24 Арам
82/31 Тедос
83/31 Исраэл
84/31 Мкртыч
85/31 Маргарит
86/31 Тамара
87/31 Натали
88/32 Мариам
89/32 Мкртыч
90/32 Григор
Ю. А. Асадов
(г. Балашиха, Россия).

Ю.А. Асадов
(г. Балашиха, Россия)

ИГДЫРСКИЕ КОРНИ РОДА ИСАБЕКЯНОВ

Российская история известного армянского рода Исабекянов началась в 1828 году в бывшем турецком городке Игдыре, который после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. вместе с некоторыми другими восточными населенными пунктами и деревнями Османской империи перешел под владычество и управление царской России.

Именно тогда один из предков старинного знатного армянского рода – Исабек-старший Хойлунц – приехал из иранского города Хой в городок Игдыр Сурмалинского уезда вновь созданной Эриванской области, расположенный в 35 верстах к юго-западу от Эривани, на правом берегу реки Аракс (Араз), чтобы обосноваться по соседству с легендарной армянской библейской горой Арарат, освоиться на новом месте и перевезти сюда из Персии всю свою семью.

Границы Турции с ССР Армении и другими закавказскими республиками по Московскому русско-турецкому договору (16. III. 1921 г.)

Спустя некоторое время, призвал Исабек-старший к себе жену и троих сыновей – Айваза, Йордухана (Ордухана) и Амбарцума, родившихся в Хое, – со всем движимым и недвижимым имуществом и скарбом. «И прибыв к отцу, открыли они хурджины, достали привезённые из Хоя черенки виноградной лозы, граната, кизила, инжира и тутовника и посадили их в новую землю» [1].

«Игдырцы, пришедшие в ту пору из Хоя, в большинстве своем (как, впрочем, и выходцы из Салмаста, Маку и других населенных пунктов Персии – *ред.*) носили иранские имена, и особенно удивляться тут не приходится, особенно если вспомнить присущую нам, армянам, безалаберность в отношении имен, которую мы по сей день свято бережём. Только в нашем роду были Йордухан, Айваз, Исабек, бабушки Банавша и Мехрибар, что означало «фиалка» и «добрый плод», – писал в своей книге, изданной уже после смерти, уроженец Игдыра, народный художник Армении Эдуард Амаякович Исабекян (1914–2007) [2].

Что же представляло собой в ту пору маленькое поселение Игдыр, населенное в конце XIX века большей частью армянами?

Из исторической хроники испанца Руи Гонсалеса де Клавихо, рассказывающей о среднеазиатском полководце Тимура, известно, что 30 мая 1404 года кастильско-леонские (испанские) послы,

следуя в г. Самарканд к Тимуру для передачи дружественного письма от короля (Кастилии и Леона) Генриха III де Трастамары и переговоров через восточно-византийские, турко-османские, армянские, персидские и туркменские земли, посетили после путешествия морем города Трапезунд, Эрзиджан, Эрзерум, Пагаррикс, Сюрмари (Сурмалу), и достигли замка Игдир (Игдыр) к югу от горы Арарат, в котором послы пробыли одни сутки [3]. Это и было в 1404 году первое известное упоминание поселения Игдыр в исторической хронике.

Далее путь послов в Самарканд лежал через замки-крепости Маку, Алинджа, Хой, в последнем их ожидало и присоединилось посольство мамелюкского султана Насир-эд-дина Фараджа к Тимуру, затем были города-крепости Тавриз, Султания, Нишапур, Мешхед, Термез и другие населенные пункты, прежде чем послы преклонили колени перед могущественным завоевателем Азии.

К моменту переселения семьи Исабека Хойлунца в Игдыр этот древний городок, населенный преимущественно армянами, уже имел русского губернатора, полицейского пристава, почту, телеграф, театр, три армянские церкви и русскую церковь на дороге в Эчмиадзин на углу бульвара и площади, выстроенную из гладкотесанного черного туфа и оснащенную звонкими колоколами. Имелось в поселении и две русские школы – женская и мужская.

Город был полон русских чиновников и, поскольку он уже считался пограничным, многие из них были воинского звания, а часть военных и казаков жили даже с семьями.

По периметру Игдыр был окружен частными виноградниками и высокими тополями. По улочкам ездили фаэтоны, а в магазинах можно было найти все, что душе было угодно, – от «русской икры и копченостей до севанской форели, ванского тареха и кохака». А еще были амстердамские ликеры, пирожные и торты фирмы «Жорж Борман», отборнейшие коньяки Шустова и Сараджева и многое другое [4].

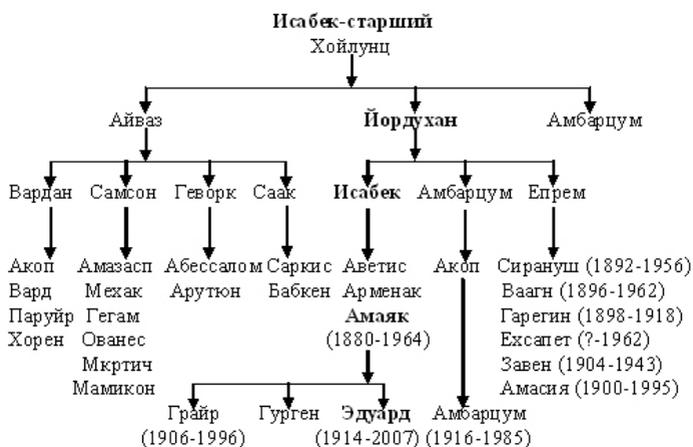
Игдыр, как утверждал армянин-летописец, имел в 1900 году 266 домов и 2912 жителей, чьи предки переселились, в основном, из Персии [5]. Насколько верны были эти данные можно судить

по тому, что на основе архивных документов Первой всеобщей переписи населения Российской Империи электронная энциклопедия «Википедия» привела другие цифры, что «в 1897 году в Игдыре жило 4680 человек, из которых 3934 было армян, 559 – русских, 82 кавказских татарина, 72 курда и некоторые другие» [6].

В начале XX века городок славился своими ремесленниками, замечательными портными и сапожниками. За сшитыми ими каракулевыми папахами, парадными черкесками, «венгерскими» полушубками и высокими сапогами приезжали из самой Эривани и других городов. Оружейников тоже было немало, поскольку каждый второй житель имел оружие – время было такое [7].

Не удивительно, что некоторые уроженцы Игдыры стали знаменитыми людьми – глава Первой Республики Армения Аветис Аракелович Агаронян (1886–1948), заместитель командующего Армянским национальным корпусом, генерал Драстамат Мартиросович Канаян (1883–1956), народный художник Армении Эдуард Амаякович Исабекян (1914–2007), народная артистка Армянской ССР Верджалуйс Карповна Мириджанян (1916–1992), народный артист СССР, фокусник и непревзойденный артист советской эстрады Арутюн Амаякович Акопян (1918–2005) и многие другие.

Родословная схема игдырских Исабекаев

У всех троих сыновей Исабека-старшего Хойлунца и его жены, прабабушки Банавши-ханум из рода Ордуенц, в Игдыре в середине XIX века родились дети.

У старшего сына – Айваза Исабекяна – родились Вардан, Самсон, Геворк и Саак Айвазенки, не считая дочерей. Далее от сыновей у Айваза появились внуки от каждой ветви – 1) Акоп, Вард, Паруйр и Хорен Варданяны; 2) Амазасп, Мехак, Гегам, Ованес, Мкртич и Мамикон Самсоняны; 3) Абессалом и Арутюн Геворгяны; 4) Саркис и Бабкен Саакяны.

У среднего сына – Йордухана Исабекяна – в Игдыре родились, не считая дочерей, сыновья – первенец Исабек-младший, средний сын Амбарцум и младший Епрем Йордуханяны, а также внуки – 1) Аветис, Арменак и Амаяк Исабекяны; 2) Акоп Амбарцумян [у него позже родился сын, которого он назвал в честь отца – Амбарцум-младший (1916–1985)]; 3) Сирануш, Ваган, Гарегин, Ехсапет (Елизавета), Амасия и Завен Епремяны.

Потомки Исабека-старшего оказались на редкость людьми трудолюбивыми и способными.

Дети и внуки его старшего сына Айваза – Айвазенки – занялись разведением скота, пастбищами, а также торговлей мясом и широким ассортиментом прочих продовольственных товаров в Игдыре и Сурмалу. У них были собственные мясные лавки и покупатели не только в Игдыре, но и в Эривани, и в некоторых других населенных пунктах региона.

Информацией о судьбе и потомках младшего сына Исабека-старшего – Амбарцума Исабекяна, мы, к сожалению, мало чем располагаем. А вот о ветви среднего сына – Йордухана Исабекяна – известно многое.

Фруктовые сады, которым положили начало основатель рода Исабек-старший и его средний сын Йордухан, были поделены между двумя из трех сыновей Йордухана – Исабеком-младшим и Епремом Исабекянами (средний сын Амбарцум избрал, по-видимому, другое ремесло), но забора между садами братьев не было, и в пору сбора урожая в обеих семьях все от мала до велика пропадали в саду и трудились, не покладая сил,

как и остальные жители Игдыра, у которых имелись свои фруктовые сады.

Выращивание фруктов, сбор орехов, хранение и сушка урожая, транспортировка и продажа плодов – стали основой существования детей и внуков Йордухана Исабекяна и их «Торгового дома Исабекянов «ИгдырЪ» во 2-й половине XIX – начале XX века. По меткому определению одного из потомков, «генеральным директором» этого Торгового дома был Исабек-младший, а «управляющим» – младший из его сыновей, отец будущего народного художника Армении Амаяк Исабекян.

По семейным преданиям, у Исабека-младшего Йордухановича было трое сыновей – Аветис, Арменак и Амаяк, и три дочери – Овсанна, Нуне и Мане.

Старший из сыновей – Аветис Исабекян – стал почетным и уважаемым человеком в Игдыре, а затем и в Эривани. Он освоил престижную профессию портного, стал уста-баши, приобрел импортные швейные машинки, помощников-учеников и открыл собственное ателье. Женившись на знатной армянке по имени Вардуи-дзало из рода Атоенц, он имел от нее сына и дочь.

Аветис Исабекян прославился как лучший в области мастер по пошиву мужской и военной одежды. Он «наряжал» чиновников, генералов, полковников, им подчиненных младших офицеров, адъютантов, денщиков, телохранителей, а также все прочее местное общество из числа зажиточных граждан – жителей Игдыра и соседних населенных пунктов, которое, что скрывать, любило хорошо приодеться.

Приезжали в Игдыр издалека даже турецкие и курдские беки, люди из Сурмалу, Карса, Эривани и других мест.

Известен был случай, когда «какой-то высокопоставленный военный из Эривани примерял заказанную им роскошную кавказскую парадную форму. Это была черкеска из белого шёлка, тёмно-красный бешмет, белая косматая папаха, жилет и «чакмы» – их принёс сапожник из мастерской по соседству. По гордому, довольному лицу заказчика можно было догадаться, что, глядясь в большое зеркало магазина, он сам себе очень нравился. Надо

думать, что и портным он тоже был чрезвычайно доволен, так как щедро наградил его и подмастерьев».

Особенно хороши были так называемые «шубы», сшитые Аветисом из местного сырья «по венгерской моде» и заменявшие богатым игдырцам зимние пальто. Красивые, сильно зауженные в талии и не требующие пояса, они были оторочены тёмным каракулем. В такой одежде человек волей-неволей подтягивался, выпячивал грудь и ступал горделиво, степенно, как «индюк».

Пожилые игдырцы носили длинную чёрную чуху с синим бешметом, подвязанную тонким кожаным пояском, инкрустированным серебром, с непременно кинжалом в дорогих ножнах. А каретные кучера наряжались в щегольскую униформу, суженную в поясе, с роскошными фалдами и широкими рукавами, и выглядели не менее импозантно, чем и остальные клиенты Аветиса Исабекяна [8].

В преклонные годы, уже переселившись в Эривань, Аветис вынужден был вначале свернуть свою бурную портняжную деятельность до размеров фанерной будки на площади напротив Эриванской Гёй-мечети, в которой могли поместиться только швейная машинка, клиент и сам мастер-портной. А позже и вовсе перебрался со своим ремеслом к себе в дом, поскольку клиентов в то смутное время было очень мало...

Единственный сын Аветиса Исабекяна и его жены Вардудизало по имени Айрапет (Айро) блестяще, на одни пятерки, окончил Эриванскую классическую гимназию, знал латынь, немецкий и французский языки, высшую математику и физику и устроился работать бухгалтером в недавно открывшийся в городе государственный театр.

Айрапет женился, произвел в браке на свет своего первенца Рубена, приобрел авторитет, участвовал в городской общественно-политической жизни, но в смутные предреволюционные годы, отмеченные геноцидом армян в Османской Турции, не смог остаться в стороне от происходящего, что и привело к его аресту и ссылке.

Из ссылки вернулся уже больной, но не сломленный. Успел поучаствовать в исторических Сардарпатском и Баш-Апаранском сражениях с турками под началом национальных генералов Фомы Ивановича Назарбекова (Товмаса Назарбеяна) и Дро (Драстамата) Мартиросовича Канаяна. В 1921 году перед самым вступлением большевистской 11-й Красной армии в Эривань, не приняв итогов Октябрьской революции и Гражданской войны, Айрапет Аветисович, вместе с двоюродным братом Амасией и некоторыми своими сверстниками, вынужден был уйти на некоторое время в Иран. А когда вернулся вместе с другими, прижиться в городе не сумел, и его, как неблагонадежного «опасного политического преступника», вновь арестовали и сослали – на этот раз уже в советский лагерь в Сибири.

Рубен Айрапетович Исабекян, сын Айро, стал участником Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и погиб осенью 1943 года, освобождая город Киев и правобережье реки Днепр от немецко-фашистских захватчиков.

Информацией о судьбе и потомках среднего сына Йордухана Исабекяна и брата Исабека-младшего – Амбарцума Йордухановича – мы, к сожалению, не располагаем. Зато есть достаточно сведений о ветви младшего сына Йордухана – Епрема Йордухановича Исабекяна.

Епрем-како был полной противоположностью своего старшего брата Исабека-младшего. Он не только был достаточно образован и воспитан, но и «возделывал в Игдыре землю, уважал порядок, соблюдал законы, был честен со всеми и почитал старших». Вот как о нем писал один из его потомков: *«Про него говорили «русакан», то есть сторонник русской государственности, «консерватор», сторонник порядка, а для такого городка, как Игдыр, кишащего партиями и кланами, «порядок» означал необходимость противопоставить себя всем кланам и партиям, и в первую очередь «крайним революционерам» [9].*

Именно по этой причине местные активисты армянской политической партии «Гнчак» решили выдвинуть авторитетного

и справедливого игдырца на пост городского головы Игдыра в смутное время Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Город кишел в ту пору партиями и кланами, революционерами и контрреволюционерами, монархистами и националистами. Навести в нем «порядок» – означало противопоставить себя всем этим темным силам, чтобы обеспечить гарантии безопасности местным жителям.

После избрания Епрема-како городским головой споры и ссоры между игдырцами, а также – с соседними курдскими и турецкими деревнями утихли.

Но конкурирующая с партией «Гнчак» партия «Дашнакцутюн», возглавляемая в Игдыре кандидатом на пост главы города, отцом местного уроженца, известного террориста-«маузериста», будущего генерала Драстамата (Дро) Канаяна – Мартиросом, никак не могла смириться с новой городской властью и ее прорусской ориентацией.

Однажды Епрем Исабекян [10] отправил своих телохранителей, живших в отдельной комнате в его доме, в соседнее село Синчанлу Сурмалинского уезда с важным заданием. Дашнаки каким-то образом проведали об этом и поздно вечером двое маузеристов забрались с закрытыми лицами в дом Епрема. От их выстрелов в спину городской голова повалился на стол, за которым пил чай вместе со своими пятью детьми. Через мгновение он тяжело поднялся, выхватил кинжал и сделал попытку догнать убийц. Но их и след простыл. А Епрем Йордуханович упал и распростерся на земле у своего дома...

Епрем Исабекян

Мы уже писали в данной статье о том, что у Епрема-како и его

супруги Маин-дзало было четверо сыновей – Ваган Епремович (1896–1962), Гарегин Епремович (1898/99–1918), Амасия Епремович (1900–1995), Завен Епремович (1914–1943) Исабекяны, и две дочери – Сирануш (1892–1956) и Ехсапет, она же – Елизавета (? – 1962).

Все дети устроили свою жизнь уже после гибели отца – Епрема Йордухановича. Сирануш Епремовна окончила школу для девиц и вышла замуж за вернувшегося из Баку с заработков игдырца Оганеса Меликяна (1892–1961), и в советские годы жила с детьми в Ереване.

Ваган Епремович Исабекян принял участие в Первой мировой войне 1914–1918 гг. на Кавказском (Турецком) фронте вместе со своим средним братом Гарегиним. Вместе с ним же он воевал и в Вооруженных силах Первой Республики Армения в 1918 году под Караклисом и в некоторых других местах, а под Сардарapatом был ранен. О Вагане Епремовиче было еще известно, что после Гражданской войны он женился на некоей армянке по имени Ермония Татевосян, от которой родился сын-первенец Гарегин, названный в честь погибшего под Сардарapatом брата.

Безвременно погибший Гарегин Епремович Исабекян наследников не оставил. В 17 лет он окончил Краснодарскую школу прапорщиков и в чине подпоручика был мобилизован в 1916 году на фронт Первой мировой войны под Карсом. Был награжден орденом св. Анны 4-й степени «За храбрость». В 1918 году в составе Армянского национального корпуса Первой Республики Армения под командованием генерала Ф. И. Назарбекова принял в чине поручика участие в жестоких и кровопролитных боях с турецкими регулярными войсками и геройски погиб в том же году в сражении у деревни Айтахт под Сардарapatом.

Амасия Епремович Исабекян, по воспоминаниям родственников, был женат на некоей Нелли Карповой, от которой имел двух сыновей – Рубена и Артавазда Амасиевичей, а возможно и дочерей. Их судьба автору неизвестна.

Завен Епремович Исабекян стал участником Великой Оте-

чественной войны 1941–1945 гг. и погиб, согласно похоронке, в 1943 году в битве под Днепром, освобождая столицу Украины – город Киев.

Наконец, вторая из сестер – Ехсапет (Елизавета) Епремовна – вышла замуж за учителя духовной семинарии Аршавира Тер-Месроповича Шаваршяна, который в советские годы стал в Ереване преподавателем вуза и профессором.

Сведениями о судьбе среднего сына Исабека-младшего – Арменаке Исабекяне – мы не располагаем, а вот о младшем сыне – Амаяке Исабекяне – знаем следующее.

Родился Амаяк в 1880 году в Игдыре. С юных лет, помогая родителям в собственном фруктовом саду, стал земледельцем. Затем освоил профессию возчика воловьей упряжки и занимался транспортировкой фруктов к местам реализации. Позже успешно торговал ими и мануфактурой через «Торговый домъ Исабекянов «ИгдырЪ», в котором позднее стал управляющим по Игдыру и Эривани. В 1918 году семья Амаяка Исабекяна вынужденно покидает Игдыр, захваченный турецкими аскерами, и переезжает на постоянное жительство в Эривань, где их «Торговый домъ» продолжал свою успешную деятельность.

Женившись однажды на некоей Сатеник-дзало из зажиточной армянской семьи Казарян, Амаяк произвел на свет трех сыновей, продолживших фамилию Исабекянов и прославивших род далеко за пределами республики, – Грайра Амаяковича (Игдыр, 04.01.1906-Киев, 1996), Гургена Амаяковича (? – ?) и Эдуарда-Эдварда Амаяковича (Игдыр, 8 ноября 1914-Аштарак, 17 августа 2007) Исабекянов, а также двух дочерей – Карине и Рузан. Все они чудом избежали в советское время репрессий. Но что нам известно про них?

Заслуженный строитель Армянской ССР, почетный архитектор Грайр Амаякович Исабекян родился в Игдыре 4 января 1906 года. Окончил в 1932 году в Москве Московский архитектурный институт и в том же году вступил в Союз архитекторов СССР.

В 1936 году работал в мастерской по разработке Генераль-

ного плана строительства г. Москвы. Участвовал в разработке проекта генплана столицы, проектов Таганской площади и столичного стадиона «Измайлово». Переехав в 1937 году в Ереван, преподавал с 1937 года в Ереванском политехническом институте. Руководил в 1945–1956 гг. архитектурно-планировочной мастерской научно-исследовательского института «Армгоспроект».

Грайр Амаякович Исабекян – автор архитектурных проектов застройки городов Дилижана, Алаверди, Берда, Кафана, Ленинка (Гюмри), Ноемберяна, Эчмиадзина.

Лично проектировал застройку всемирно известного армянского горного курорта Арзни, ряда социально значимых объектов и жилых кварталов многих населенных пунктов республики.

Грайр Амаякович Исабекян

В 1958 году Грайр Амаякович Исабекян был награжден почетным званием заслуженного строителя Армянской ССР. В 1975 году защитил кандидатскую диссертацию по архитектуре. Являлся профессором Ереванского политехнического и Ереванского архитектурно-строительного институтов. В 1987 году за заслуги в деле проектирования особо значимых социальных объектов был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Армянской ССР. Автор ряда научных работ и монографий в области архитекту-

ры и градостроительства. В 1990 году в Ереване вышла его книга «Архитектура армянского Ренессанса». После распада СССР, в преклонном возрасте, он переехал на Украину, в город Киев, где и скончался в 1996 году в возрасте 90 лет [11].

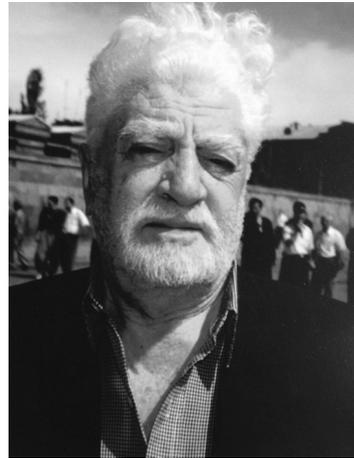
О среднем из братьев – Гургене Амаяковиче – автор статьи сведениями не располагает. А вот о младшем – народном художнике Армении – можно рассказать подробнее.

Родился Эдуард Амаякович Исабемян, как уже говорилось, 8 ноября 1914 года в Игдыре. Первое образование получил в Ереванском художественном техникуме «Гегард» (1931), в котором преподавали такие известные мастера национального искусства, как Седрак Аракелян, Ваграм Гайфеджян (живопись), Гоар Ферманиян (графика), последней художник был обязан полученными навыками мастерства в области графики.

После окончания техникума Эдуард Амаякович несколько лет работал в качестве художника в ереванских газетах «Пионер канч», «Авангард», «Советская Армения» и др. Перед самой войной, в 1941 году, вступил в члены Союза художников Армении и СССР. Получил бронь, освобождавшую его от отправки на фронт. С 1943 года преподавал в Ереванском художественном техникуме им. П. Терлемезяна. В том же году вместе с другими деятелями искусств республики командирован в 89-ю Армянскую Таманскую стрелковую дивизию, дошедшую в 1945 году до Берлина, для проведения пропагандистско-воспитательной работы с военнослужащими.

С 1945 года преподает в Ереванском художественно-театральном институте. В 1953 году избирается депутатом Ереванского городского Совета депутатов трудящихся, а в 1954 году – секретарем Союза художников Армянской ССР. С 1965 года заведует кафедрой в Ереванском педагогическом институте им. Х. Абовяна. А в 1967 году становится директором Государственной картинной галереи Армении, создавая филиалы галереи во всех больших и малых городах республики.

Блестящий живописец и рисовальщик, десятки лет отдавший национальной культуре, Эдуард Исабемян создал большие многоплановые картины, портреты, пейзажи, проиллюстрировал книги,

Эдуард Амаякович Исабемян

сделал сотни эскизов и великолепных рисунков. Многие его работы стали классикой армянского искусства. По сей день Эдуард Амаякович считается непревзойденным мастером – основоположником тематико-композиционного жанра в армянской живописи. В 1985 году за картины «Аварайрская битва», «Свадебное шествие», «Утро старика» и три работы из цикла «Беспокойные кони» ему была присвоена Государственная премия. Премий удостоены были также его картины «Саят-Нова» и «Портрет Х. Абовяна». Эти и другие полотна принесли художнику мировую славу.

В 1939 году Эдуард Исабекян женился на выпускнице Тбилисской академии художеств, сестре народного художника СССР Дмитрия Налбандяна – Арпеник Аршаковне Налбандян (23 декабря 1916–17 мая 1964), ставшей профессором Ереванского театрального института и заслуженной художницей Армянской ССР, которая родила мужу двух сыновей – Мгера Эдуардовича и Арама Эдуардовича Исабекянов, пошедших по стопам отца и ставших художниками-живописцами.

После смерти первой жены Эдуард Амаякович женился во второй раз на сестре народного художника Армянской ССР Саркиса Мамбреевича Мурадяна – Розе Мурадян. Брак был бездетным.

Эдуарду Исабекяну посвящено множество статей, исследований и монографий. В Национальной картинной галерее Армении, в фондах которой хранится более 120 работ Исабекяна, отведен специальный зал для произведений художника. Его картины экспонировались и приобретались многими музеями мира и частными коллекционерами. Снято более десятка фильмов, посвященных его жизни и творчеству. В 2004 году мэрия г. Еревана постановила создать выставочный зал для постоянного показа произведений художника.

С 2005 года Эдуард Исабекян проживал в Аштараке, где и скончался 17 августа 2007 года. Для организации траурных мероприятий была создана специальная правительственная комиссия под руководством вице-премьера Овика Абрамяна. А премьер-министр Армении того времени Серж Саркисян от имени правительства республики направил телеграмму соболезнования родным и близким покойного.

Мгер Эдуардович Исабекян [12]. (род. 9 января 1944 года) – старший сын Эдуарда Амаяковича и один из соавторов статьи – окончил в Ереване в 1968 году государственную художественную академию, стал профессиональным живописцем, членом Союза художников СССР. Женился в 1965 году на уроженке Еревана, выпускнице Московского историко-архивного института Жоржетте Бабкеновне Агаджанян. Жена родила 7 июня 1966 года мужу дочь Анну (Арпеник) Мгеровну, окончившую факультет искусствоведения Ереванского художественно-театрального института, а 9 апреля 1969 года – сына Эдуарда Мгеровича Исабекяна, названного в честь деда.

Супруги Мгер и Жоржетта Исабекяны уехали с детьми в 1991 году из Армении в США, где поселились в г. Лос-Анджелесе в штате Калифорния и по сей день живут, общаясь с дочерью и внуками.

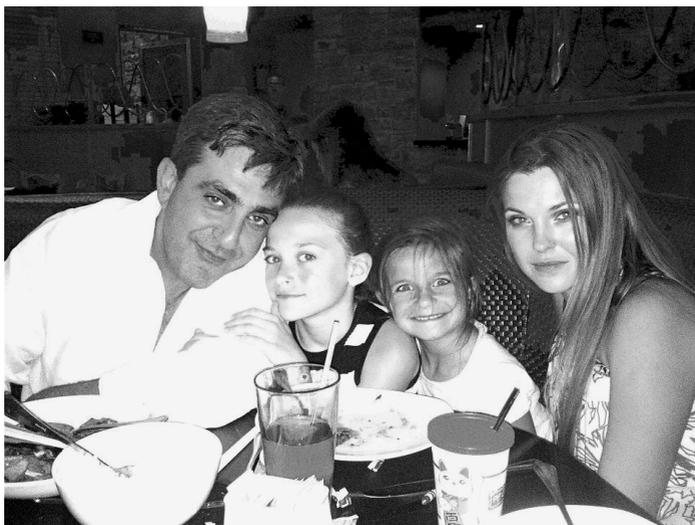

*Супруги Мгер и Жоржетта Исабекяны
накануне золотой свадьбы*

Дочь – Анна Мгеровна – 6 июня 2005 года вышла замуж в США за итальянца Майкла Ардизоне (в 1994 году у них родился сын Эдуард, названный в честь прадеда).

А сын – Эдуард Мгерович Исабекян с женой Анной Радимо-

вич (род. 3 июня 1979 г. во Владивостоке), дочерьми Жаннет и Мишель обосновался в г. Владивостоке, на родине жены.

Эдуард Мгерович Исабекян с женой Анной Радимович и дочерьми Жаннет и Мишель

Арам Эдуардович Исабекян

Младший сын Эдуарда Амаяковича – Арам Эдуардович Исабекян (род. 26 сентября 1952 года) и сам заслуженный деятель искусств Армении, профессор и ректор Ереванской государственной художественной академии. Общественный деятель, член национальной партии «Прцветающая Армения».

Награжден Правительством РА за большой вклад в дело развития национального искусства медалью «Святого Месропа Маштоца». Женат на Ирине Багян, кото-

рая родила ему сына Мгера Арамовича и дочь Анну Арамовну (в замужестве – Англарет).

Внуки, правнуки и праправнуки основателей известного армянского игдырского рода Исабебянов продолжают нести эстафету, завещанную им далекими предками.

Использованные источники и литература

1. *Исабебян Э. А.* Игдыр./Пер. с арм. – Гоар Гарибян/. – Ереван, 2010, с.55.
2. *Исабебян Э. А.* Игдыр./Пер. с арм. – Гоар Гарибян/. – Ереван, 2010, с.29.
3. *Клавихо, Руи Гонсалес де.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). – М. Наука. 1990.
4. *Исабебян Э. А.* Указ. соч., сс.47–48, 58.
5. *Еприкян С.* Иллюстрированный географический словарь. – Венеция, 1900, с.66.
6. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ыгдыр>.
7. *Еприкян С.* Указ. соч., с.66.
8. *Исабебян Э. А.* Указ. соч., сс.159–160.
9. *Исабебян Э. А.* Указ. соч., сс.104–106.
10. Фото из семейного альбома правнука Епрема Исабебяна – жителя г. Калининграда Ашота Гарегиновича Исабебяна (род. 30 мая 1952 г.).
11. *Ширинян С.* Армяне – народ-созидатель чужих цивилизаций: 1000 известных армян в мировой истории. – Ереван, 2014.
12. РГАЛИ. Ф.2082, оп.11, ед. хр. 1064 (Личное дело Исабебяна Мгера Эдуардовича, 1944 г.р., живописца. Крайние даты: 13–29 ноября 1974).

Гусейнов Г.-Р. А.-К.
(г. Махачкала, Россия)

ГУСЕЙНОВЫ И МИРЗОЕВЫ: К ГЕНЕАЛОГИИ ДВУХ КУПЕЧЕСКИХ ДИНАСТИЙ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (НОВЫЕ ФОТОМАТЕРИАЛЫ)

Сравнительно недавно в распоряжении автора оказался ряд фотоматериалов из семейного альбома Чуликовых, состоящих в близком родстве с Гусейновыми и Мирзоевыми [1, с.43]. Автор выражает самую искреннюю признательность тем лицам, усилиями которых фотокопии материалов этого альбома, имеющие отношение к рассматриваемому вопросу, стали доступными с целью дальнейшей их интерпретации.

Фото 1

Фото 2

Особую ценность представляют первое (см. выше) свадебное фото Хабибуллы Гусейнова и Вазипат Мирзоевой с девочкой – дочерью Хабибуллы от первого брака – Зарафшан. На втором, по всей видимости, отец Сапият Мирзоевой Тарам – старший из братьев Мирзоевых. (Фото 1 и фото 2).

Фото 3

Фото 4

Здесь на первом снимке (фото 3) Исмаил Мирзоев (1909 г., Нижний Новгород). На втором (фото 4): справа – его дочь Яха, слева – дочь Тарама Миспах, сидит Абу – сын Абубакара Мирзоева от первого брака. Яха Мирзоева была замужем за Туганом Чермоевым – сыном Даниэльсултана, который был братом Тапы (Абдулмажида) Чермоева. На следующих двух фото Кабахан (Нанаш) – дочь Абубакара Мирзоева и старшая сестра Вазипат.

Возможно, что на правом фото (1911 г.) (фото 6) она снята со своим мужем – племянником Тапы Чермоева Магомедом – сыном Арсмика. Еще одно фото уже упоминавшегося в прошлой публикации Джабраила – сына Абубакара Мирзоева и детская фотография (1906 г.) его дочери Джугират (Зины) в замужестве Чуликовой, а также детское его младших братьев Туту и Юны (Юнуса), репрессированных в 1937 г.

Фото 5

Фото 6

Он был в очень близких отношениях со своим зятем Хабибуллой Гусейновым, вместе с которым ездили по России с целью оптовых закупок мануфактуры, в том числе на Макарьевскую ярмарку в Нижнем Новгороде. Фото другого его брата Исмаила, постоянно проживавшего в Урус-Мартане, говорит о том, что в подобных поездках участвовал и он.

Одна из дочерей Джабраила и Джугират (Зины) – Медина вышла замуж за Курумова Айдамира – потомка, по всей видимости, кумыкского узденя генерал-майора Курумова Касима из кумыкского селения Бекиш-юрт (Малая Ка-

барда), который после отставки жил в крепости Грозной и умер после 1867 г. [2].

Курумовым вместе с Чермоевыми, которые, по данным М. Вачагаева, были выходцами не из тейпа Чермой, как обычно полагают, а из ичкеринских Бильтой, единственным в Чечне в виде исключения было пожаловано в конце XIX века звание потомственных дворян. Причем, Абдул Меджид (Тапа) Чермоев, прозванный «нефтяным королем Чечни» (см. фото), неизменно возглавлял список крупных предпринимателей и самых богатых представителей кавказского делового мира, куда входили «хлебный король» Баширов, заводчики Цутиев, Мациев, владельцы фирмы «Старо-Юртовская нефть» Бадуев, Батукаев, Мирзоев, Шаптукаев [3].

В заключение, за неимением прочих свидетельств, фото рекламных «проспектов», как исторических раритетов того времени (см. ниже), которые наглядно демонстрируют вышеупомянутый статус Цутиевых (их зятем (жена Аминат) стал один из сыновей

Абубакара Мирзоева), и преимущественный характер занятий купцов первой гильдии Мациевых, с которыми породнились Гусейновы [см. 1, с.43].

Использованные источники и литература

1. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Гусейновы и Мирзоевы: краткий иллюстрированный исторический очерк генеалогии двух несостоявшихся купеческих династий Дагестана и Чечни // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2014. Вып. VI. С.38–47.
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Курумов>
3. *Натаев С.* Тапа Чермоев//Молодежная смена, №98. 9 декабря 2009 г.

А. И. Духаев
(г. Грозный, Россия)

ГЕНЕАЛОГИЯ КНЯЗЕЙ ТУРЛОВЫХ

Происхождение князей Турловых уходит вглубь веков. Их прародителем был Каракиши («Чёрный князь»), сын Турурава (чеч. – Тiурло) Безумного. Впервые он упоминается в документе 1588 года. В феврале 1615 года в «Отписке терского воеводы Петрушки Головина в Посольский приказ о походе терских ратных людей и терских очокан по просьбе кумыкских князей и мурз против эндерейского владельца Салтан-Магмута и соединившихся с ним людей окоцких и мичкизских кабаков» впервые упоминается сын Каракиши – «Турлов князь». Документ рассказывает о том, что стрелецкий голова Лукьян (Лука) Вышеславцов с терскими ратными людьми ходил в поход на горцев. 4 февраля 1615 года он вернулся в Терский городок и доложил Головину, что у них был бой с Салтан-Магмутом и его союзниками мичкизами, «окотцкими людьми» и Турловым. У горцев в том бою «побили до смерти 140 человек». Там же сказано: «И на том де, государь, бою твои государевы ратные люди убили горсково Турлова князя сына...».

В 1616 году Чёрного князя сын Турлов-мурза был уже на Российской службе и получал «государево жалованье». В 1620 году «уварский» Нуцал князь, брат его Сулеман-мурза и Чёрного князя сын Турлов «челом били» государю царю и великому князю «всеа Русии» Михаилу Фёдоровичу Романову.

Дети Турло Каракишиева упоминаются в документе от 1658 года: «Из горские де земли били челом великому государю на ево государево имя три брата Загастунка, да Алибечко, да Ал-

ханко, да племянник их Кучбарка: аманаты де их взяты на Терек, а ныне де они живут великого государя на земле на Чачане. И о той земле били челом они великому государю, чтоб тое землю ево государевы люди у них не отымали и не обижали и рыбу б им всякую ловить. И как и иные черкасы и казаки великому государю служат, так бы им государеву службу служить. И великий государь пожаловал, велел им дать свою государеву грамоту, чтоб их никто не избижал, и рыба им ловить».

В письме чеченских владельцев – братьев Арсланбека, Бартыхана и Магомета Айдемировых кизлярскому коменданту генерал-майору Ивану Львовичу фон Фрауендорфу от 27 мая 1756 года приводится любопытная история из родословной князей Турловых: «Наш предок Каракиши вышел из Авара, он пришел и поселился в Гюнбете. Он отделился от князя Авара. Его сын – Турлав. От Турлава – Загашдук, Алибек, Алхан. Загашдук является дедом алдинского бека Турлава. Алибек является нашим дедом. Алхан является дедом Алибека и Алисултана. С тех пор мы разделились...».

Далее в документе рассказывается, как Алибек Турлов с несколькими своими узденями отправился на охоту и нашёл поляну Чачан-тала. Посоветовавшись с братьями, он вскоре переселился на эту поляну, но у него случилась стычка с казаками из Ораз-кала (А. Д. – «Оърза-Гала», чеченское название станицы Червлённой), которая располагалась на той же поляне. Алибек с несколькими ранеными подданными спасся бегством и поехал в Эндирей. В то время селение Бораган (Брагуны) располагалось рядом с Эндиреем. Совместно с брагунским беком, Алибек написал прошение на имя Российского царя, с просьбой принять их в подданство и наделить землёй. «После того Его величество падишах, оказав милость, отдал Алибеку ту поляну, назначил ему жалование в триста рублей, взял аманата, – пишут братья Айдемировы. – Когда ту поляну передали нашему деду, Ораз-кала перенесли на берег Терека. После этого он пошёл туда и поселился там. С той поры с нас брали аманатов...».

Согласно Тимирлану Магомедовичу Айтберову, князь Турурав (Турло) имел кроме Загаштука, Алибека и Алихана, ещё одного сына, неизвестного по имени, который был убит в 1615 году.

Возможно сыном убитого был Кучбарка (Хучбар), упоминаемый в документе 1658 года как племянник Загаштука, Алибека и Алхана. У Загаштука было два сына: Сурхай и Турурав.

У Алибека Турлова пошло следующее потомство: Бартихан (Бардыхан), Айдемир, Шавкал (Шамхал), Султан-Ахмат, Уцмий (Мамадуцман), Магмед (Махьмуд). У Бартихана был сын Айдемир (умер в 1746 г.), женившийся на Кистаман, дочери Мухаммада. У него родилось трое сыновей: Расланбек (варианты: Арсламбек и производное от этого чеченское сокращённое – «Аьрсмак»), Батырхан (Бартихан; род. 1731 г.) и Мухаммад (варианты: Бамат, Мамаш; род. 1734 г.). Все три брата известны в истории под фамилией Айдемировых. Арсемик (Арсламбек) Айдемиров родился по разным данным в 1713 или 1727 году, умер – в июне 1784 года. Был женат на Крымхан, дочери Мухаммеда. У него было двое сыновей: Муса (род. 1768 г.) и Магомед (род. 1774 г.), носившие фамилию Турловых.

У Бартыхана Айдемирова был сын – Алибек Бартыханов (ум. в 1800 г.). У Мамаша Айдемирова – Нурмамат (Нурмохьмад), владевший селом Чахкери. Сын Нурмамата – Алхан Нурмаматов в 1782 году основал село Алхан-Юрт. Сына Алхана (Алха) звали Леча. У Лечи было два сына: Тутгира и Солангира. Сыновей Тутгиры звали Абдулсубур (Абдуссубур), Абдулкутуз (Абдулкьудоз) и Абдулсалам (Абдуссалам). Последний – Абдуссалам Тутгиреев-Мелардоев из Алхан-Юрта (род. 1844 г.) стал ближайшим соратником и писарем шайха Кунта-Хаджи Кишиева. В 1864 году вместе с другими «зикристами» был сослан. Отбывал срок сначала в г. Смоленске, а затем в г. Вязьме Смоленской губернии. Автор религиозных трактатов об учении шайха Кунта-Хаджи Кишиева на арабском языке. У брата Тутгиры – Солангиры, было два сына: Яхья и Дуда (Члудла). От сына Яхья – Межеда, пошла фамилия Межидовых, представителей тайпа мелардой.

Князь Алихан Турлов был женат на Пахай, дочери кумыкского князя Хана Казаналипова из Эндери. У него было два сына: Турурав и Бамат (Мухаммад). Сын Бамата – Хасбулат, был женат на Ханзе Бардыхановой, сестре Айдемира Бардыханова. Стал отцом Алибека (ум. 1759 г.), Алисултана (ум. 1770 г.) и Баммада (Му-

хаммада) Хазбулатовых (Казбулатовых). Убит чеченцами 7 июля 1732 г. в Чечен-Ауле, в ходе междоусобицы с Айдемиром Бардыхановым. У Алибека Хазбулатова было трое сыновей: Хазбулат (Казбулат), Хамзакай (Амзакай; ум. 1772 г.) и Алихан (Алхан), носившие фамилию Алибековых. У Алисултана Хазбулатова – Ахматхан, Татархан, Азамат, Ханамат (чеч. Хан-Ахьмад), Алакуат и Шашака (Шахшабек) Алисултановы. В 1770 году князя Алибековы и Алисултановы присягнули на верность России и дали следующих аманатов: «Большого Чечня чеченского владельца Алисолтана Казбулатова внук – Аллакуат (А. Д. – чеч. «Алхот») Ахматханов. Отец у него чеченского владельца Алисолтана Казбулатова сын Ахматхан Алисолтанов, мать у него умершего г-дина генерал-майора князя Эльмурзы Черкасского дочь Девлетхан Эльмурзина, у отца ево имеетца узденских двести, холопьев шесдесят дворов, сын у него Ахкубек одного года, почему он пред протчими силу и власть имеет.

Чеченского владельца Хамзакай Алибекова родной брат Алихан Алибеков. Отец у него чеченской владелец Алибек Казбулатов, а мать чеченского владельца Турлова дочь Пери Турлова. У отца его имеетца узденских дватцать, холопьев двенацать дворов, также и знатных родственников». В 1771 году аманату Аллакуату Ахматханову было 10 лет, а Алихану Алибекову – 14 лет. Оба получали по 72 рубля в год кормовых денег. В списках аманатов от 1775 года Аллакуат уже не числится, а в 1777 году выбыл также Алихан Алибеков.

Согласно Иоганну Антону Гильденштедту, «Алисултан со своим взрослым сыном Ахматханом беспокоил русские границы Терека в [17] 69 и [17] 70 гг. Оба они умерли еще в этом году, после того как признали русскую верховную власть и послали одного из двух малолетних сыновей Ахметхана в Кизляр в качестве заложника...».

В 1769 году левый берег Терека вновь заселяется казачьими станицами, которые называются «по урочищам, начиная от Червленного, первой Калиновскою, второй Мекенскою, третьей Наурскою, четвертой Ишорскою, пятой Галюгаевскою, ис которых в средней, то есть в Наурской, поселится и жить полковнику, а в протчие по несколько разделить из войсковых старшин».

Правобережье Терека тоже начало заселяться мирными чеченцами. В трудах П. Г. Буткова находим сведения об этом процессе освоения Надтеречной Чечни: «Чеченцы, ... которые имели у себя владельцев, паки их от себя изгнали и лишили их господства. Тогда сии владельцы одни возвратились в Аксай и Эндери, откуда пришли; другие, с позволения российского начальства, основали новые селения на плоскости между Сунжи и правого берега Терека, в противоположности гребенских и моздокских казачьих станиц; как то: Дивлетгиреевцы, изгнанные из Герменчика и Шали, имели в 1784 году до 400 дворов; Расламбековцы, при Расламбеке Айдемирове, выгнанные из Большой Атаги, из Большой Чечни и из Топли, в двух селениях, 400 дворов; Кайтуковцы; Терловы, выгнанные из Топли же, против Наура основали два селения, одно – Верхний Наур, другое – Нижний Наур, ибо лежат в урочище сего же имени; Казбулатовцы... выгнанные из Топли, основали селение около Наура, близ Терловых. Сии селения основаны меньше из их природных холопов, как из присоединившихся к ним добровольно чеченцов; владельцы стараются жить в согласии с чеченцами, чтоб не терпеть от их хищений».

Если Бутков считает дату переселения Турловых в Притеречье и основание ими селений Верхнего-Наура и Нижнего-Наура – 1784 год, то в комментариях академика З. М. Буниятова к книге Аббаса-Кули-Ага Бакиханова «Гюлистан-и Ирам» читаем: «В 1782 г. Турловы переселились в основанное ими напротив Науровой станции село на правом берегу Терека».

Георгий Ткачёв слово в слово придерживается мнения Буткова: «В 1760 году Девлет-Гиреевцам, изгнанным из Герменчука и Шали, правительство разрешило занять «Старый-юрт» червленских казаков у Горячеводских теплых вод, и они положили основание нынешнему огромному аулу Старому-Юрту. В 1783 г. за ними последовали Расламбековцы, Кайтуковцы, Турловы и т. п.

Кайтуковцы и Турловы, выгнанные из Топли, заселили, с разрешения русских, Нижний и Верхний Наур, против Наурской казачьей станицы; Казбулатовцы основались близ Турловых. Расламбековцы, выгнанные из Атаги и Большого Чечня, основали по Тереку также два аула».

Известный дагестанский этнограф Башир Керимович Далгат (1870–1934) пишет: «В 1783 г. Потёмкин наказал чеченцев и они все (плоскостные) признали подданство. Изгнанные князья вновь возвращены по воле русских, но держались недолго; в конце концов все они покинули Чечню и ушли на левый берег Сунжи и между Сунжею и Терекom основали аулы Верхний и Нижний Наур и др.; за ними добровольно последовали и несколько сот чеченцев, получивших название мирных». Дочь Далгата – Уздият Башировна, вторит отцу: «Такие крупные аулы, как Верхний и Нижний Наур, основаны чеченцами между реками Сунжей и Терекom после столкновения с русскими в 1783 г.».

Ссылаясь на П. Г. Буткова, видный чеченский историк Шарпудин Бачуевич Ахмадов приводит свою версию: «Местные князья Кайтуков и Турлов, изгнанные в 1784 г. из сел. Топли, также основали два селения против Наура: одно село – Верхний Наур; другое – Нижний Наур».

Ещё один корифей чеченской истории, Явус Зайндиевич Ахмадов, глубже копнул архивные летописи. Ссылаясь на документы Центрального государственного архива Республики Дагестан, из фонда «Кизлярский комендант», он пишет: «Когда в 1782 г. более сотни гехинских семей во главе с старшинами «Казия, Канбулата, Нулука, Буртакая, Козламата и Пуча» переселялись на левый берег Сунжи «против станицы Наурской», то аманатов (заложников) в знак соблюдения «верности к России» было решено отдать «в руки кабардинского владельца Девлет-Гирея Касаева» подданного России, а для «наблюдения порядка» в новом поселении вызывался быть представитель другого князя – «владельца Навруза сына Дохшуки». Далее Ахмадов поясняет, что в последней четверти XVIII в. выходцы из Гехов во главе со старшиной Кайтукой закладывают новый аул «Кулары».

Князья Казбулат Топлинский и Алибек Батырханов в марте 1783 года направили прошение на имя генерала Текелли о своём желании переселиться на Терек. В донесении князю Г. А. Потёмкину, Текелли предложил переселить этих князей по Тереку, ниже Моздока, напротив станиц «Моздоцкого казачьего полку».

Князь Алибек Батырханов – племянник Арсламбека Айде-

мирова, в 1784 году осел напротив станицы Наурской и завладел старым чеченским селением Невре (Старонаурская деревня). Аул этот в честь нового хозяина стал носить название Алибеково. Вполне возможно, что Невре существовало ещё ранее, так как в 1781 году «чрез реку Терик противу Науру» была паромная переправа – сообщение с правым берегом. Вряд ли возникла бы необходимость в пароме, если бы напротив станицы Наурской уже не существовало чеченское селение, с жителями которой казаки вели меновую торговлю.

В 1800 году Алибек Батырханов скончался без наследника. Этим воспользовались его двоюродные братья Муса и Магомед Арсемиковичи Турловы, проживавшие в это время в деревне Ачехи на р. Сунже. Они написали прошение инспектору Кавказской Инспекции генерал-лейтенанту Кноррингу передать им во владение по праву наследства аул, после смерти их родственника Алибека оставшийся без хозяина. 6 марта 1801 года Кнорринг дал Турловым акт следующего содержания: «Его Императорского Величества Всемилостивейшего государя моего генерал-лейтенант Кавказской Инспекции инспектор Астраханский военный губернатор, начальствующий и по гражданской в губернии Астраханской части, управляющий пограничными здешнего края делами и мушкетерского полка шеф и орденов Российских Императорских: святого Александра Невского, святых Анны первого класса, державного святого Иоанна Иерусалимского большого креста и святого великомученика и победоносца Георгия кавалер.

Заречным владельцам Мусе и брату его Магомету Турлову.

Деревня заречных народов, состоящая на правой стороне реки Терика противу здешней казачей Наурской станицы, оставшаяся по смерти владельца Алибекова по правам горского здесь народа и наследству их Турловых, кои двоюродные братья умершему владельцу Алибекову, досталась во владение им, на что было и есть собственное желание и самых деревни сей жителей. Что я сим по начальству моему в здешнем краю и свидетельствую. Благополучная станица Наурская Моздокского казачьего полка, на Кавказской линии, марта 6-го дня 1801-го года, подлинный подписал Кнорринг».

После передачи им имени Алибека, братья Турловы основали на месте бывшего селения Невре две деревни: хутор Мусы Турлова (на месте нынешнего Нижнего-Наура; Надтеречное) и хутор Магомата Турлова (на месте нынешнего Верхнего-Наура). Даже на карте 1807 года одна из них по традиции составления карт в прошлые годы, названо «аулом Мусы Алибекова». Но название это перечёркнуто и сверху коричневыми чернилами исправлено на аул Мусы Турлова.

Муса Турлов впервые упоминается в дневниковых записках И. А. Гильденштедта от 1 мая 1773 года. Исследователь пишет: «Семейство чеченских князей именуется Турлау, они состоят в родственных отношениях с семейством Анарлханов». Далее учёный приводит генеалогию: 1. Хазбулат, его сыновья: 2. Алибек; 3. Алисултан; сыновья Алибека: 4. Хазбулат; 5. Альхан; сыновья Алисултана: 6. Ахматхан; 7. Татархан; 8. Ханамат. Затем приводит родословную другой ветки: 1. Эйдемир; 2. Арсланбек; 3. Муса. Подводя итог, Гильденштедт пишет: «Ныне живущий старший князь Арсланбек, человек около 60 лет, и у него только пятилетний сын Муса. Ему принадлежат находящиеся на западной стороне Аргуна деревни. Хазбулат убит самими чеченцами. Его внуки Хазбулат, Альхан, Татархан и Канамат ныне живущие юноши». Следует поправить, что вряд ли Арсланбеку Айдемирову в 1773 году было 60 лет, так как по другим данным он родился в 1727 году. Кроме того, в 1774 году у него родился второй сын Магомед.

Т. М. Айтберов утверждает, что согласно арабоязычным и грузинским источникам, в начале 80-х годов XVIII века Муса Турлов княжил в гумбетовском селе Мехельта. Грузины считали его одним из опасных противников, который мог поставить под ружьё 300 воинов.

По Явусу Ахмадову читаем: «Где-то в 1782 г., Алихан Алибеков, владея совместно с братом Казбулатом аулом Топли, пытался распространить свою власть над новым аулом Амирханов Брод на Сунже, утверждая: «Тут де есть мое место»; однако жители аула приглашали на княжение то сына Расланбека – Мусу Расланбекова, то Аллакуата и Шашакана. Племянник Расланбека Айдемирова – Алибек Батырханов, оказался в то же время владельцем

другого нового аула «Сунженской деревни»... «Чеченский князь Муса Расланбеков» последний раз встречается на переправе через Терек в январе 1790 г., когда он с одним узденем направлялся в Кизляр... «В 1800 г. было сих владельцев Магамет и Муса и двоюродный брат их Алибек».

В рапорте подполковника Беллика от 30 января 1857 года, на имя генерал-лейтенанта Евдокимова, находим уникальную историю фамилии Турловых. Поэтому приводим документ без сокращений:

«Я приглашал к себе из чеченцов давно живущих стариков и забирал от них справки относительно прав фамилии Алхановых на землю чеченцов, по которой оказалось:

Более 200 лет прошло, как князья Турловы поселились на правом берегу Аргуна в ауле Озек-Юрт (против аула Чахири) и оттоль в Гажен-аул (что противу Большого Чечня), а в последствии жили уже в самом ауле Большом Чечне.

Князья Турловы переселились в Чечню по своему произволу, а не по приглашению народа, в следствие чего и были беспрестанно теснимы чеченцами, что и заставляло их беспрестанно менять места жительства.

Большой Чечень заключал в себе немного семейств, а потому князья Турловы и успели склонить их платить им ясак, что впрочем продолжалось очень недолго. Когда же Большой Чечень увеличился народонаселением и когда князья Турловы начали требовать от народа ясак, употребляя при этом уже меры строгие – то народ отказался от платежа ясака и выгнал князей Турловых из дер. Большой Чечень, тогда князья Турловы переселились в аул Ачахи (что на левой стороне Сунжи), где они прожили лет 30. Семейство князей Турловых в это время заключалось из членов: Мусса, Магомат, Алгот и Алгот, первые три были князья, а последний Алгот сын чанка, из них Мусса и Магомат переселились из Ачахов на правый берег Терека (что противу станицы Наура), а последние два: князь Алгот и чанка Алгот переселились на Чертугай. Муссе и Магомету вносили ясак аулы: Ачахи и Старосунженский, а князю Алготу вносили ясак Чертугай, Гордель-Юрт и Топли.

Лет 50 тому назад чанка Алгот, чтобы жениться на жене князя Алгота, убил князя Алгота и бежал в Топли, но как жена князя Алгота не изъявила желаний выйти в замужество за чанку Алгота, то и чеченцы Чертугая, Гордель-Юрта и Топли платившие ясак князю Алготу не стали признавать над собою власти чанка, и ясака никому уже не платили; аулы же Ачахи и Старосунженский продолжали платить князьям ясак до постройки крепости Грозной – с постройкою же Грозной генерал Ермолов отменил взнос ясака князьям, на том основании, что из этих деревень начали брать аманатов и ясаком вообще стали пользоваться только те люди, которые отдавали детей своих в аманаты.

Чанка Алгот жил в Топлях и как сын его постоянно находился аманатом, то и пользовался ясаком в пропорции не княжеской, а аманатской, потом чанка Алгот переселился в аул Дахин-Ирзу (что при слиянии Аргуна с Сунжей), где до смерти своей также пользовался аманатским ясаком, а после него, правом этим пользовался сын его Алхан, до времени возмущения Чечни, т.е. до 1840 года, в этом годе Алхан в числе прочих чеченцов остался непокорным, прожив в горах некоторое время, потом вышел с своим семейством в Умахан-Юрт, а оттоль в Ойсунгур».

Дознание это производилось в связи с прошением сына Алхана Алхотова – корнета Турло Алханова о наделении его землёй. За него ходатайствует князь Барятинский, который воспитывал Турло Алханова в своём доме. Чеченский офицер, несмотря на своё происхождение от чанки, был наделён землёй.

Один из вышеуказанных Алготов упоминается в документе 1807 года. В рапорте генерал-майора графа Ивелича 3-го графу Гудовичу, писанного от 30 марта 1807 года в кр. Владикавказ, сообщается: «Большая Чеченская Атага, которая отрядом ген. от инф. Булгакова предана огню, ныне-ж оставшиеся жители сделали между собою согласие войти в покровительство России и дать от себя аманатов и на верность учинить присягу, на что выбрали от себя почетного мирного владельца Алгота Алханова, сел. Чортугагай, кой приехал от них ко мне обще с Цуцу Женбатыревым с помянутым изъяснением просить, с тем если будут в. с. приняты в подданство Российское, то помянутый владелец утверждает, что

все остальные чеченцы, которых селения их истреблены огнем, отдадут тож от себя аманатов и учинят на верность присягу и будут жить впредь спокойно». Гудович 6 апреля 1807 года отвечает старшинам и народу Большой Чеченской Атаги: «Узнав чрез избранного вами почетного владельца Алгота Алханова, присланного от общества ко мне с просьбою, что вы приносите чистосердечное раскаяние в ваших проступках, объявляю чрез сие вам, почетные старшины и народ Большой Чеченской Атаги, что я приемлю ваше раскаяние, если оно искренно, прощаю вас во всех проступках, когда дадите лучших и почетных из среды себя аманатов, учините присягу на вечную верность Е. И. В. и обяжетесь ни под каким видом не только сами не делать хищничества и набеги, но и не принимать к себе известного Кабардинского хищника владельца Канчокина...».

В документе скорее всего упоминается князь Алгот, который проживал в селении Чертугай (Чертойн-тоги). Согласно предыдущему документу, чанка Алгот убил его в том же 1807 году.

Братья-князя Муса и Магомед Турловы тоже упоминаются в документах 1809 года. В секретном предписании генерала от инфантерии Булгакова генерал-майору Дельпоцо от 14 мая 1809 года, писанном из Георгиевска под №2350, находим: «Кордонный командир полк [овник] Тарасов доносит мне, что чеченские старшины Муса и Мухаммед Турловы, противу Наура живущие, объявили ему, что кабардинцы сделали в дружбе с чеченцами присягу и какое-то тайное условие, к чему сих владельцев и Бамата Бековича принуждают и в верном исполнении требуют от них аманатов, а если они не согласятся, то вооружённо рукою хотят их принудить то сделать. Кучук Джанхотов первенствует в тайных условиях; Турловы и Бекович, будучи преданными нам, подозревают поведение кабардинцев по связям с чеченцами. Я, дав о сем в. пр. знать, предлагаю всемерно стараться разведать прямые их соглашения, и вызвав владельца Кучука Джанхотова к карантину, скажите ему, что если он имеет какие-либо требования на Турловых и Бековича, то может их чрез Российское начальство изъяснить, которое ему, конечно, всю справедливость окажет; а разорвать тех владельцев, равно ему подданных всемилоостивейше-

му нашему Государю, не должен и что таковой поступок оскорбит верноподданные обязанности».

Один из владельцев Малой Кабарды князь Альмаксид (Альмакъсуд) Мударов со всеми своими подвластными «в 1800-м году по утеснению его с подвластными его братьями Малой же Кабарды владельцами, кои уже померли», бежал вместе со своими подвластными в Чечню. Там вокруг него собралась значительная партия сочувствующих чеченцев, которые под руководством князя чинили набеги на русскую линию. Генерал Гормасов 17 мая 1809 года велел управляющему калмыками, кумыками и мирными чеченцами полковнику Ахвердову: «...Я поручаю вам войти в тайные сношения с Алмаксидом чрез верных людей, так чтобы чеченцы не могли сего заметить, воспрепятствовать ему в переселении с его подвластными в Малую Кабарду».

Одним из верных людей, пользовавшимся авторитетом в народе и посредничавшим между царской администрацией и непокорными чеченцами был чеченский уздень Ханакай-Хаджи Сантуров, житель селения Нижний Наур, старший брат Мамакай Сантурова из тайпа чартой, основателя селения Мамакай-Юрт (ныне станица Первомайская). В ответ на секретное предписание от генерала Булгакова, 19 мая 1809 года генерал-майор Дельпоцо пишет ему: «Получа повеление в. выс-а, от 14-го мая с №2350, я в тот же день отправился в г. Моздок, и призвав туда нарочно живущего против Наура в деревне владельца Турлова чеченца Ханакай и прочих с ним, также верных 2-х человек, о обстоятельствах и условиях, каковы кабардинцами с чеченцами заключены и от чеченских старшин Мусы и Мухаммеда Турловых и Бамата Бековича требованы, спрашивал, которые по самой истине условия между ими бывшие и пересказали мне в следующих словах: когда кабардинцы прибыли на р. Сунжу, выше Козачьего Брода, и вступили с чеченцами в переговоры относительно удовлетворения их выдачею укрывающихся беглых подвластных людей и прочими претензиями, тогда находился при том случае и один владелец Турлов, которому равномерно кабардинцами было сделано предложение, чтобы и они также сделали с своей стороны по тому-же предмету в укрывательстве у себя беглых их людей и прочия во-

ровства удовлетворение. Между-же тем кабардинцы, ведя переговоры с чеченцами в своем требовании и не получив никакого от них на свои претензии удовлетворения, рассорившись с ними и возвратясь, не доезжая прежде бывшей Малой Кабарды, на ближнем к Тереку гребне остановились, отколь посылали своих нарочных к владельцам Турловым и Бамату Бековичу, чтобы приехали к ним для переговоров и решения дела до них касающегося, – по прибытии которых требовали от них: 1) чтобы они отдали беглых их холопьев; 2) возвратили украденных у них лошадей и рогатый скот; 3) с кабардинцев проезжающих чрез их землю в кумыкские владения пошлины не брали; 4) с бараньих табунов, пасущихся по близости их владений, не брали насильно баранов, и 5) чтобы впредь во всех сих статьях с обеих сторон соблюдено было исполнение и прекращены всякие неудовольствия, могущие возродить взаимное огорчение. А дабы все сии статьи были совершенно означенными Турловыми приведены по времени в исполнение, для того кабардинцы требовали от них в поручительство верности 2-х аманатов и таковых же дать им с своей стороны. По сему условию владельцы Бамат и Кучук Бековичи, будучи однородцы с кабардинцами, согласились исполнить и дали аманатов; владельцы же Турловы к сему не приступили и, рассорясь с кабардинцами, возвратились и что Турловы затем не сделали кабардинцам удовлетворения, чтобы они насильным образом взяли оное от их подданных невинных людей барантою; но кабардинцы, как видно, будучи на сие не покусились, оставили искать свое право по начальству».

Далее Дельпоцо, узнав, что кабардинцы, возвращающиеся из Чечни после неудачных переговоров, недалеко от Моздока разбили стан и остановились на привал, послал нарочного из близлежащей деревни Бекичевой позвать на встречу их старшего князя подполковника Кучука Джанхотова. Встречались они на берегу Терека против Моздока. На расспросы Дельпоцо Кучук ответил: «1) что от чеченцев не получили они на свои претензии никакого удовлетворения, почему с сего времени и начнут с ними поступать во всяких случаях как с неприятелями; 2) с беглыми своими людьми и узденями, находящимися в Чечнях абреками (кроме владель-

цов Алмаксида Мурадова и Атажуко Адиль-гиреева, который и находится у Турловых в деревне) со всеми около 160 дворов, простив их в содеянных преступлениях, помирились, которые к 1-му числу будущего июня и переселятся паки по прежнему в Кабарду; 3) относительно владельцев Турловых и Бекичев он, Джанхотов, объявил мне точно те же слова, что и чеченец Ханакай обо всех вышеписанных обстоятельствах».

Кучук Джанхотов просил Дельпоцо склонить князей Турловых выполнить их условия, а также прогнать скрывающегося в их деревне князя Атажуко Адиль-Гиреева, который вместе с подвластными ему людьми и абреками делают беспрестанные воровства в Кабарде. В свою очередь, Турловы и Девлетгиреевы пожаловались на кабардинского князя Кучука, что мол он, «с толпами кабардинцев хочет их разорить». В связи с этим, генерал Булгаков предписал полковнику Тарасову наблюдать за движением тех и других и «в случае нужды прикрыть воинскими командами Девлет-гиреевскую деревню и владельцев Турловых, как преданных нам».

По поводу разрешения споров, возникших между кабардинскими и чеченскими владельцами, 13 октября 1809 года генерал Тормасов пишет предписание генералу Булгакову, в котором говорит: «Ген.-м. Дельпоцо при рапорте ко мне представил копию с такового же рапорта его к в. выс-у о том, что чеченские старшины Муса и Мухаммед Турловы и Бамат Бекович по требованию кабардинцев не согласились сделать им удовлетворение... Почему предписываю в. выс-у склонить чеченских старшин Турловых к удовлетворению справедливых требований кабардинцев и стараться всемерно, чтобы жители Малой Кабарды поселились в прежних своих местах, к чему склонить Алмаксида и Адиль-Гирея, ныне находящихся с своими людьми в деревне, владельцам Турловым принадлежащей, но с тем условием, чтобы вновь учинили присягу на верность России и дали верных аманатов, стараясь при том, чтобы сии кабардинцы никаких дружественных связей и переговоров с чеченцами не имели, а напротив того содержать сколько можно их во вражде между собою».

Между тем, насчёт своих попыток склонить князя Алмакси-

да Мударова вернуться на свою родину в Малую Кабарду, ещё 19 июля 1809 года за №224 управляющий калмыками, трухменами, кумыками и мирными чеченцами полковник Ахвердов писал рапорт главнокомандующему войсками на Кавказской линии, в Грузии и Дагестане, управляющему гражданской частью в губерниях Астраханской, Кавказской и в Грузии генералу Александру Петровичу Тормасову: «На повеление Вашего высокопревосходительства, последовавшее ко мне истекшего мая от 17-го числа с №107-м касательное, чтобы я чрез вернейшего мне человека сделал тайные мои сношения с владельцем Малой Кабарды Альмахсутом, живущим ныне в Чечнях со всеми своими подвластными, и желающем переселиться на первое свое жилище... по получении повеления Вашего Высокопревосходительства посылал к нему вернейшего и опытного узденя чеченского, получающего от Высочайших щедрот за верные его услуги пансионное жалованье Ханакая аджия Сантурова с предложением ему моего ходатайства и прошения у Вашего высокопревосходительства прощения и милости, прописав ему все термины, в повелении вашем ко мне прописанные, сколь выгодно с подвластными своими может он на отчизне своей жить – а при том приказал я узденю Сантурову, чтобы он тайно разведал, сколько действительно находится с ним его подвластных, и естли он вздумал переселиться на прежнее свое жилище, то не будет ли со стороны чеченцов в том препятствия – и какое имеют чеченские народы об нем Альмахсуте влияние?»

Мой посланной вручив ему мое письмо, возвратился ко мне без письма с словестным ответом следующего содержания: неизвестно де полковнику Ахвердову, что я был гоним от двоюродных братьев своих Малой Кабарды владельцев, которые уже умерли, и что он испросил у бывшего в здешнем краю главнокомандующим господина генерал-лейтенанта Кнорринга позволение въехать мне в Малую Кабарду, уверив меня, что впредь братья мои теснить меня и народ мой не будут; но чрез несколько месяцев братья мои более прежнего начали меня теснить, и принудили со всеми подвластными выехать в Чечни; ныне за память его обо мне и за то желание мне добра благодарю его и сердечно

желаю быть по прежнему в своей отчизне со всеми подвластными; но как много было делаемо мною российскому народу злодеяния, то никак увериться не могу. – А естли полковник Ахвердов по приказанию главнокомандующего уверит меня в безопасности моей с подвластным народом как самих нас, так и имения нашего ручательством Шамхала Тарковского, хана Дербентского господина генерал-лейтенанта Махтия, тогда Алмахсут переселится на прежнее свое жилище со всеми ему подвластными, и будет стараться заслужить все свои злодеяния противу России делаемые, а сверх того вызывается совершенно обезопасить всем проезжающим россиянам дорогу, ведущую от Малой Кабарды до Владыкавказа и все прочие услуги к пользе России клонящиеся будет оказывать.

Я на сей его ответ послал сказать ему, не желает ли он от стороны России в заверении его в безопасности самого его и его подвластных избрать кого либо из ближайших мест владельцев кумыкских от одного до трех человек, кого как ему угодно будет назначить, на что вторично отвечал мне, что он сам собою ничего не делает и не может; потому что с ним находится собственных его подвластных Малой Кабарды более тритцати семей, да карабулаков, ингуш и самых чеченцов до 300 домов, с стариками коих во всех случаях он советуется – и они иначе не согласны на переселение с ним в Малую Кабарду, как со всем сим народом, которой и на второе Альмахсутом объявление отвечал ему так же, что без ручательства Шемхала Тарковского он не может быть уверенным.

Почему самому и вторично с тем же посланной мой уздень Сантуров возвратился ко мне, как и прежде без письма. Но как таковые словестные его ко мне отношения почитал непрочным для донесения к Вашему высокопревосходительству и без основания, третично послав узденя Сантурова просил его Альмахсута, чтобы он таковое свое словестное двоекратное сообщение доставил ко мне на бумаге, дабы почему мне можно было сделать мое донесение вышнему начальству – и третично возвратя уздень Сантуров объявил мне, что владелец Альмахсут сказал ему в ответ, что писать ему ко мне не о чем, прибавя к первым двоекратным от-

ношениям своим словестным ко мне. Первое, естли начальство российское желает действительно его переселение со всеми его людьми в Малую Кабарду, то чтобы снести крепость на его земле построенную, – второе, возвратили б ему Россию у него отнятое имение и третье, чтобы Шемхал поручился ему в безопасности его с подвластными и всего их имения от России; тогда согласен он переселиться на прежнее свое жилище – без чего ничему поверить он не может – говоря узденю Ханакаю Сантурову, что из Большой Кабарды присланы были к нему владелец и узденья лучших родов с уверением его, что естли он послушает и выедит на прежнее свое жилище со всеми подвластными в Малую Кабарду, тогда они ручаются ему испросить у Российского Государя Императора и главного здешнего начальства во всех его злодеяниях прощение, на которых предложение он не согласился, а сказал им, что он виноват противу России и от них будет искать прощения, а с ними и чрез них никакого дела ни с кем иметь не хочет, после чего приезжие из Большой Кабарды владелец и узденья, узденя его Альмахсута Эльжаруку уговорив с несколькими семьями и уверив в безопасности, вывезли в Большую Кабарду. – Но третичный ответ его ко мне и требование почитаю я подстреканием чрез чеченцов от владельцев чеченских же Турловых, от Бамата Бекича и Брагунского Ахтолы Куденетова наученными. Но как мне неизвестно какое имение у него отнято российским начальством и где крепость, которую он требует снести – а наконец не знаю Вашего высокопревосходительства намерения, угодно ли будет принять в резон его требованию; то и посылаю к нему владельцу, Альмахсуту спросить 1-е – какое именно имение россиянами взято у него, кем именно, и когда и в чем то имение состояло, и какая крепость, которую он просит снять? И какой получу ответ немедленно Вашему высокопревосходительству донесу – и угодно ли будет чрез Шемхала заверить владельца сего Альмахсута в безопасности его с подвластными и имения, буду иметь честь ожидать Вашего высокопревосходительства повеления».

Князя Альмахсута, скрывавшегося в чеченской деревушке Кала, принадлежащей Алдынцам, так и не удалось склонить к возвращению из Чечни в Малую Кабарду. 4 июня 1810 года он и

его уздень Эльжеруко Абаев во главе отряда чеченцев и карабулаков, состоящего из 600 человек, совершили неудачный набег на крепость Владикавказ. На обратном пути в Чечню, 5 июня по приказу генерал-майора графа Ивелича на них напали ингуши. Князь Альмахсут, его уздень Эльжеруко и 50 чеченских абреков погибли в этом бою, 23 человека попало в плен и захвачено до 100 лошадей.

В Чечне стали собираться силы для отмщения ингушам за нападение на отряд чеченцев и убийство князя Альмахсута. В связи с этим, по просьбе ингушей, 21 июня 1810 года генерал Ивелич направил ласковые обращения к «Большой Сунже мулле Мустафе Брагунскому, князьям Ильдигирию, Наурскому Мухаммеду и Бахмету Девлет-гирееву, на татарском диалекте, чтобы они с подданными своими чеченских немирных хищников не усиливали и партии не собирали противу ингуш».

Согласно рапорту Ахвердова № 263 от 16 августа 1809 года, написанного в Кизляре, братья Турловы были «всегда нарушителями своих присяг к Российскому престолу». Он даёт им такую характеристику: «Турловы же владельцы сами в неоднократных воровствах как то лошадей у Моздокских жителей украденных двенадцати и прочих шалостях обличенные, не быв мною трактованы как благородные владельцы, не находя способов принуждены были прибегнуть к сотнику Чернову». Войдя в сговор с сотником Черновым, они, якобы совместно с князьями Ахтоллой и Баматом Бековичами-Черкасскими, не выполняли указаний и распоряжений Ахвердова. В связи с такой обстановкой, генерал Сергей Алексеевич Булгаков вызвал к себе «некоторых ближайших к Науру старшин чеченских». Пользуясь случаем, каждый из них подал на его имя просьбы. От жителей деревень близ Наура поступила просьба освободить «одного из них почетного», которого «взяв под стражу, содержат без всякой причины».

Несмотря на мнение полковника Ахвердова, документы тех лет наоборот свидетельствуют о том, что князья Муса и Мухаммед Турловы были ревностными проводниками пророссийской ориентации в Чечне. Всё дело в том, что действия братьев Турловых шли вразрез с интересами местных российских чиновников, и

они любыми путями пытались очернить и отстранить владельцев со своего пути. К примеру, в марте 1811 года русское командование на Кавказе распорядилось отпускать соль мирным чеченцам «через владельца Мухаммеда Турлова, как преданного и верного» России. Однако уже в мае того же года есаул Чернов жаловался «на делаемое ему препятствие со стороны владельца Мухаммеда Турлова». Последний выступал против задуманных Черновым поборов для сбора 1400 рублей с деревень, поселённых по правому берегу реки Терека, «по случаю тому, что жители сии обязаны ответствовать за все похищенное хищниками, чрез их землю проезжавшими». Сумма эта предназначалась для подкупа духовенства и старшин, чтобы склонить их к подданству Российскому императору. Видя, что Чернов злоупотребляет данными ему полномочиями для «приведения чеченского народа к нашим пользам», командование решило отозвать есаула из Чечни.

Ещё один штрих из жизни князя Мухаммеда Турлова мы находим в рапорте смотрителя Наурского карантина есаула Галяховского 3-го от 20 ноября 1812 года на имя правящего должность Кавказского гражданского губернатора, вице-губернатора Петра Карловича Врангеля: «Заграничные жители... порутчик князь Магомет Турлов на берегу реки Терика, порутчик Цуцу Жанбатыров в селениях чеченских известили, что горских жителей чеченцов и аксаевцов разной сволочи до десяти тысяч собрались, имеют намерение впасть в российские пределы для воровства и грабежа, посему известию мена с заграничными жителями по предписанию Суздальского пехотного полка господина майора Угоницелова преостановлена». Поручик Цуцу Джанбатыров, старшина Большой Атаги, упоминается в документах 1807 года как соратник Бейбулата Таймиева и Чулика Сайкаева (Кендиргеева). В том же году присягал на верность России. В 20-е годы XIX века был обвинён в укрывательстве абреков и арестован царским командованием. До 1827 года содержался в заточении в крепости Грозной. В феврале 1829 года он «в кругу своего семейства волею Божию умер».

О преданности России князя Мусы Турлова свидетельствует другой документ. 21 октября 1811 года Суздальского пехотного

полка майор Угоницелов пишет рапорт управляющему Астраханской и Кавказской губерниями генерал-лейтенанту Николаю Фёдоровичу Ртищеву: «Чеченской владелец князь Муса Турлов, в ночи на 20-е число сего месяца известил меня, что большая партия немирных чеченцев, собравшаяся на Сунже, имеет намерение в пасть в границы наши и стремится на Червленскую или Калиновскую станицы, я получа таковое уведомление тот час предварил дистанчного командира господина войскового старшину Фролова 1-го с подтверждением о принятии предосторожности и всех мер к отвращению неприятеля, между тем не упустил из виду подкрепить и Калиновскую станицу; 21-гож числа получил рапорт от войскового старшины Фролова 1-го коим доносит, что неприятельская партия конных и пеших тысяч до двух, 20-го числа поутру в шесть часов действительно приближась к Терику вознамеривалась переправитца на нашу сторону между постов: Прогонного и Ламакинского и прямо на Червленскую станицу; но господин Фролов не упустил из вида занять нужных мест между упомянутых постов; кои занимали с командами есаул Фролов 2-й и командир конноартиллерийской 2-й казачей роты есаул Фролов 3-й с одною орудиею; при чем со всяким успехом и мужеством отражали неприятеля бывшие там все чиновники, в подкрепление которых находилась рота Суздальского пехотного полка и еще одно орудие 2-й конно-артиллерийской роты; быстрота и деятельность в точных выполнениях всякого чиновника своей обязанности, по долговременном сражении продолжающемся от шестого до десятого часу, заставило неприятеля отступить, которой прогнат с значительною для себя потерею убитыми и ранеными от пушечных выстрелов, с нашей же стороны урону никакого не последовало; о чем Вашему Превосходительству донести честь имею.

Майор Угоницелов. Наур, октября 21-го дня 1811-го года, № 189».

Братья Муса и Магомет Турловы владели обширными землями в Надтеречной Чечне, начиная с востока от границ Галне (Кейн-Юрт, Кень-Юрт) на юге – по гребню Терского хребта, включая деревню Пановую, расположенную на речке Пановка,

на западе – до урочища Эмасуле, на севере – по реке Терек. В документах 1811 года упоминается о нефтяных колодцах, принадлежавших братьям Турловым. Владельцы отдавали их на откуп терским казакам. Царское командование приказало проверить, «не кроется ли тут какого злоупотребления со стороны владельцев Турловых и отставного корнета Дикова, взявшего те колодцы на откуп». Было решено: «Торговлю черною нефтью, вывозимую из гор мирными чеченцами, отставному корнету Дикову (как не приносящему полку никаких доходов, которые в содержание артиллерии, больничных изб, одеяния и проч. необходимо нужны) запретить, а обратить оную в полковую продажу». В 1812 году в Надтеречной Чечне обнаружилась вспышка моровой язвы, распространившейся от двух гостей, приехавших в гости в Чуликову деревню из Кабарды. 25 ноября 1812 года майор Угоницелов пишет Наурскому меновому двору предписание: «Заречные владельцы князя Муса и Магомат Турловы и владелец Мулдар уведомили меня первые что в подвлас [т] ной им деревне Пановой, а последней что в Чуликовой ныне ему подвлас [т] ной открылась в некоторых семьях на людях заразительная болезнь и что в деревне Пановой в течение шести дней померло обоего пола семнадцать душ, а потому предписываю оному меновому двору вовсе прекратить сатовку и всякое с заречными сношения впредь до повеления». Из военно-топографического описания Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, составленного в 1812 году, читаем любопытное сообщение о князьях Турловых и чеченцах: «Весь участок между правым берегом Сунджи и подошвою Черных гор (нынешняя Большая Чечня) принадлежал прежде Аварского происхождения князьям Турловым, ныне в числе мирных чеченцев напротив Наура живущим; но лет около 80-ти, как жившие до того в горах чеченцы, размножившись, по недостатку земель и междоусобиям, вышли из гор на понизовия Аргуна и Сунджи, вытеснив с сих мест упомянутых князей Турловых, с обещанием однакож некоторой за земли сии им платы, но вскоре толико усилились, что и сию повинность с себя сложили. Сии то чеченцы суть первейшие в Кавказе разбойники, и производят ремесло сие с полною откровенностию, не отпираясь в учиняе-

мых ими хищничествах. Большая часть чеченцов при выходе из гор были язычники, но побуждениями Порты Оттоманской, равно как и личными видами шатавшихся в горах моллов, обращены и по сие время обращаются в магометанское исповедание Омаровой сект». Несмотря на преданность правительству Турловых и других владельцев Надтеречной Чечни, власти не до конца доверяли им. Поэтому 30 мая 1818 года наместник Кавказа Ермолов, обращаясь к чеченскому народу, писал: «В посредниках нет нужды и потому не спрошу я ни Турловых, ни Бамат Девлет-Гирея, ни Адиль-Гирея Таймазова. Довольно одному мне знать, что я имею дело с злодеями». 24 июля того же года Ермолов повторяет: «Отныне впредь ни Турлов, никто другой не будет допущен к посредничеству при делах, кои деревни сии будут иметь с местным начальством. Ни чье ручательство, кроме аманатов, не будет принято». 8 сентября 1818 года в обращении к «владельцам селений, по берегу Терека лежащим» Ермолов не менее строг: «...Все владельцы отвечают за земли, которыми пользуются, не делая прежних мошеннических отговорок, как например в рассуждении земли между Калиновскою и Мекенскою станицами, которую пользуются лезгинские выходцы Турловы».

С приходом Ермолова на Кавказ началась эпоха государственного террора против горских племён. С постройкой крепости Грозной в 1818 году и передвижением южной границы России на реку Сунжу, вся Надтеречная Чечня автоматически была включена в состав империи. В этой ситуации притеречные князья поневоле оказались меж двух огней: с одной стороны – равноправный, далёкий от раболепства чеченский народ, с другой – злостно ненавидевшая свободолюбивых горцев царская администрация.

Князь Муса Турлов в 1810 году женился на кабардинской княгине, а позже взял вторую жену – Кихили (Кахили) Алиханову из Костека. Кабардинка родила Мусе сына Манту (возможно, это кличка Айдемира Мусаева-Турлова, родившегося в 1815 году), а сын, рождённый Кихили, умер ещё в младенчестве. Кабардинка однажды упрекнула кумычку Кихили, что мол она оказалась неспособной родить здорового наследника для князя. Оттого между жёнами Мусы Турлова началась вражда и князю в итоге при-

шлось развестись с княгиней Алихановой. После развода Муса Турлов дал Кихили расписку, что он вернёт ей калым, но, не успев сделать это, скоропостижно скончался в 1818 году. Похоронен на «Старинном кладбище» («Шира кешнаш») на западной окраине с. Нижний-Наур. Сегодня имя князя Мусы Турлова сохранилось в названии лесного массива «Мусин-хъун» («Лес Мусы») к западу от с. Надтеречное, в пойме реки Терека. В «Топонимии Чечни» А. Сулейманов ошибочно поместил этот лес «на восточной стороне села».

В марте 1824 года княгиня Кихили Алиханова подала жалобу генерал-майору Грекову на покойного Мусу Турлова, с просьбой рассмотреть дело и за счёт наследников князя возместить ей калым. Прочитав документ, свидетельствующий об этом случае. 27 января 1825 года из крепости Прочный-Окоп начальник Штаба Кавказского отдельного корпуса, командующий войсками на Кавказской линии генерал-майор Вельяминов шлёт рапорт генералу Ермолову: «Генерал-майор Греков представляет мне, что Костекская княгиня Кихили Алиханова дочь, бывшая в замужестве за умершим владельцем Мусою Турловым, в бытность его в Костеке в марте месяце минувшего года, подала ему прошение на Мусу Турлова, что он прогнавши ее без причин, не возвратив следуемого ей кебена, уверяя, что она имеет на сие доказательство. Приказал чрез пристава чеченского народа капитана Чернова собрать в Наурскую Турлова деревню, Мусинов и почетных стариков и предоставить им разобрать сие дело на основании их обрядов, по которому и открылось следующее:

Назат тому 15 лет, как Муса Турлов женился на кабардинской княгине, и после того женился также на помянутой княгине Кахили, и будучи обе жены по прошествии времени родили сыновей: первая Манту, доньне находящегося в живе, – а у последней после рождения вскоре умер, отчего возродилась между женами вражда, и Муса Турлов жену свою – ныне просительницу, без всякой причины от себя прогнал, не отдавши ей следуемого по их правам калыму. По положению женитьбы кумыкских князей, калыма следует 12 душ холопов, и каждая душа полагается в 60 руб. серебром, и деньгами 300 рублей серебром же. Кабар-

динских князей положение гораздо более. В доказательство чего, представила княгиня Кахили свидетельство от кумыкских князей, почему и требует все сполна. Владельцы и муллы, основываясь на вышепоясненном кумыкском положении, определили ей посредственное положение, калыма 720 руб. серебром вместо 12 душ и 300 рублей особо. А что действительно княгиня Кахили жена его Мусы Турлова, и прогнана им без всякой причины, в том дали на своем деалекте свидетельство. Наурской деревни 10 человек почетных стариков, и вся деревня утверждает тоже. На что действительно не отдан ей калым, в том представила княгиня Кихили на татарском диалекте данную в 1818 году от Мусы Турлова расписку, в коей обяывается, что он удовлетворит ее со вторицею без всякой жалобы; на чем основываясь Кихили была в ожидании, после чего Муса Турлов не удовлетворяя ее скоропостижно помер. Противу сего хотя дочь Турлова и вызывалась представить свидетелей, что отец ее удовлетворил просительницу, но она их доставить не могла.

В разрешение сего иска я предписал генерал-майору Грекову естли просительница княгиня Кихили Алиханова согласится на половинную сумму, то немедленно удовлетворить ее; естли же потребует сполна всю сумму назначенную старшинами, то рассрочить удовлетворение на пять лет. В следствие чего генерал-майор Греков от 5 числа сего генваря доносит мне, что просительница на получение половинного калыма следующего ей с владельца Мусы Турлова бывшего ее мужа, изъявила согласие, но как сумма принадлежащая Турловым по прежним откупам нефтяных колодцев подполковником Петровым доставлена к покойному генерал-майору Сталю, а потому и просит удовлетворить княгиню Алиханову из оной; ибо наследники Турловых совершенно не в состоянии сего сделать.

Не решаясь сделать сего удовлетворения сам собою, – имею честь обстоятельствы дела сего представить на благорассмотрение Вашего Высокопревосходительства, и разрешение испрашивать предписание.

Генерал-майор Вельяминов. № 146, 27 генваря 1825 г. Прочный-Окоп».

Князь Магомет Турлов, помимо своего знатного происхождения, наверное был ещё и духовным лицом. Согласно документам, в 1823 году за возмутительные речи в мечети был взят под арест по приказанию пристава надтеречных чеченцев А. Л. Чернова. Тут сказалась давнишняя вражда между князем и Черновым, возникшая ещё в 1811 году. Магомет Турлов был заключен под стражу в Темнолесскую крепость. Умер мученической смертью в октябре 1823 года. Это вероятно тот самый кадий Магома Турлов, о котором упоминает Василий Потто в «Кавказской войне». Историк пишет: «Все знавшие Чернова говорят, что он был непомерно строг: за одну попытку к хищничеству он накладывал на чеченцев громадные штрафы, вконец разорявшие семьи, а сопротивлявшихся закапывал в землю по пояс. Особенно замечателен случай исчезновения одного из членов влиятельнейшей фамилии Турловых – кадия Магомы, наделавший на Кавказе в свое время большого шума. Куда он девался – неизвестно, но чеченцы рассказывали, что Чернов приказал зарыть его живого в могилу за одну попытку сказать в мечети возмутительную речь. Магома Турлов был знаменит укрывательством и покровительством всякому хищничеству, но слухи и говор, вызванные расправой с ним Чернова, выставляли его, разумеется, невиннейшей жертвой и мучеником. Слухи эти держались так долго и упорно, что даже дошли до императора Николая, вызвав переписку, весьма неприятную для Ермолова».

Князя Магомета Турлова похоронили рядом с могилой старшего брата Мусы Турлова на «Старинном кладбище» («Ширакешнаш»), в черте нынешнего с. Надтеречное. На этом кладбище, ещё в памяти старцев, находится старинная почитаемая могила одного праведника («зиярат»), которая активно посещалась верующими до самого выселения в Казахстан. Но в годы ссылки чеченцев, все надгробные памятники («чурты») с кладбищ были расхищены новыми поселенцами и использованы в строительстве. После возвращения из ссылки, надтеречные чеченцы нашли могилы своих предков без надгробий. Тем не менее, место, где на «Старинном кладбище» стоял зиярат, хорошо запомнили. Но только 13 декабря 2001 года, над могилой праведника вновь появилась памятная стела. Её поставил житель с. Надтеречное,

Сайд-Ахмед Адаевич Асхабов (1947 г.р.). Весьма вероятно, что указанная могила праведника принадлежит кадию Магоме Турлову, с которым так бесчеловечно расправился пристав Чернов и которого после смерти стали почитать как великомученика.

Извергу и мошеннику Артамону Лазаревичу Чернову недолго пришлось дожидаться кары небесной за свои преступления. В конце января 1825 года он совершил последний поход против карабулакского аула Чуруч-Арешты, где сильно простудился в ходе карательной экспедиции и вскоре умер.

Скорее всего, князь Магомет Турлов был устранён по заговору царской администрации на Кавказе с тем, чтобы полностью взять под свой контроль принадлежавшие ему нефтяные колодцы на Терском хребте, неподалеку от крепости Грозной. Документ, проливающий свет на это злодеяние, гласит: «По учреждении крепости Грозной и других военных постов по реке Сунже, между оною и рекою Тереком находящиеся нефтяные источники, бывшие во владении поручика Турлова до его смерти, взяты... в военное управление».

С 30 декабря 1820 года по 30 декабря 1823 года нефтяные колодцы, принадлежавшие Магомету Турлову, находились в откупном содержании у есаула Старицкого. Контроль за колодцами царская администрация на Кавказе передала генерал-майору Грекову 1-му, который на последующие три года, с 06.01.1824 г. по 06.01.1827 г., заключил условие аренды колодцев с Нахичеванским армянином Михайло Айвазовым на 45007 рублей серебром за весь срок пользования. Нефть, получаемая в источниках близ крепости Грозной, обоими откупщиками через Наурскую карантинную заставу без пошлины развозилась для продажи по уездам: Моздокскому, Георгиевскому, в Новочеркасск и Черноморию. Однако в 1824 году Кизлярская пограничная таможня потребовала пошлину 25 копеек серебром с пуда нефти. Царское командование ходатайствовало об отмене этой пошлины в силу неудобств возить нефть из Чечни сначала в Кизляр, а потом обратно по пунктам продажи.

1 октября 1823 года есаул Старицкий в рапорте подполковнику Петрову 3-му сообщал, что от владельцев Турловых с 7 июня 1822 года по настоящее число (т. е. 1 октября 1823 г.) им получено

246 бочек нефти ценой «по 6 монетов» (т. е. по 6 рублей серебром) и 46 полубочек по 4 рубля. Всего за нефть Старицкий должен был заплатить Магомету Турлову 1660 рублей. Из них в 1822 году князь забрал у него 194 рубля 40 копеек. Остальные 1465 рублей 60 копеек, после смерти князя Турлова, были высланы подполковнику Петрову 3-му. Следующим рапортом от 24 ноября 1823 г. Старицкий ставит в известность Петрова 3-го, что с 1 октября по 15 ноября 1823 года он вывез из колодцев Турловых 15 бочек и 13 полубочек нефти по той же цене. Деньги в сумме 142 рубля, причитающиеся за них, по аресту Магомета Турлова тоже были высланы в кассу командира Моздокского казачьего полка подполковника Петрова 3-го.

14 марта 1824 года, командир Моздокского казачьего полка подполковник Петров 3-й в рапорте докладывает командиру отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии Ермолову: «В бытность Вашего Высокопревосходительства минувшего 1823 года в крепости Грозной я имел честь докладывать вам, что со времени взятия под арест владельца Магомата Турлова откупщик нефтяных источников вверенного мне полка есаул Старицкий, не зная кому платить следующие по условию деньги, сохранял их до разрешения начальства у себя. Ваше Высокопревосходительство изволили сказать, что сумма сия должна быть выдана малолетним наследникам Турловых и приказали мне, приведя оную в известность, предварительно вам о том донести. Во исполнение чего есаул Старицкий, по требованию моему, при двух рапортах № 14 и 21, которые у себя в оригиналах представить честь имею, взнес тысячу шестьсот семь рублей шездесят копеек серебром.

Из числа сих денег, с приказания господина генерал-майора Грекова, сто рублей серебром отправлены к его превосходительству для содержания малолетних Турловых и тридцать рублей серебром отданы вдове майорше Савельевой за взятых у ней Магоматом 2-х буйволов. Остальные тысяча четыреста семьдесят семь рублей шездесят копеек серебром хранится у меня до получения от Вашего высокопревосходительства в разрешение о них предписания».

Другой документ тоже сообщает, что «следующие владельцу

Магомету Турлову 1607 руб. 60 коп. серебром за выдачею из них по распоряжению генерал-майора Грекова вдове майорши Савельевой за взятые у нее владельцем Турловым, ныне умершим, разные вещи пистолет, панцырь и двух буйволов всего двухсот пятидесяти двух рублей, да взятых им же генерал-майором Грековым на содержание двух малолетних детей Магомета Турлова 100 рублей, затем остальных состоит налицо – тысяча двести шездесят два рубли шездесят копеек». Деньги эти по приказу Ермолова были переправлены командующему войсками на Кавказской линии генералу Сталю. После его смерти, они поступили в распоряжение генерал-майора Вельяминова, назначенного на должность покойного Сталя. Из этой суммы, по разрешению Ермолова, Вельяминов выплачивает 510 рублей княгине Кихили Алихановой, возмещая ей, как условились, половину калыма обещанного покойным князем Мусой Турловым.

Вот так закончилась жизнь братьев Турловых, поселившихся напротив станицы Наурской. У них остались наследники: у Мусы Турлова – Айдемир Мусаев (род. в 1815 г.), у Магомета Турлова – Кучук (чеч. Гуьчка) Турлов (род. в 1808 г.). Князь Кучук Турлов упоминается в документах от 1828 года. Его пригласили в Хунзах, на церемонию принятия присяги на подданство России у правителя Аварского ханства Абу-Султан-Нусал-хана, как одного из родственников последнего. 4 апреля 1829 года князь Кучук Турлов был произведён в прапорщики российской армии, с жалованием в размере 142 руб. 7 коп. серебром в год.

Среди документов, выявленных в Российском государственном военно-историческом архиве, в «Родословном списке князей, узденей и старшин», датированном примерно 1833–1835 годами, мы находим: «Деревни Старонаурской князь прапорщик Кучук Магоматов-Турлов – 25 лет. Детей не имеет. Из фамилии Турловой, сын поручика князя Магомата, которой произошел от такового же Арсемика, фамилии той же.

Деревни Мусиной не имеющий чина князь Айдемир Мусин-Турлов – 18 лет. Детей не имеет. Из фамилии Турловой, сын князя Мусы, которой произошел от такового же Арсемика, фамилии той же».

Князя Кучук и Айдемир Турловы до 1840 года успешно управляли своими именениями в Притеречье. Первый из них получал даже знаки отличия по службе в российской армии. 14 мая 1836 года за отличие в делах против горцев Кучук Турлов был награждён орденом Святого Станислава 4-ой степени. В 1838 году произведён в чин подпоручика. В 1839 году награждён серебряной медалью «За взятие штурмом Ахульго». 17 февраля 1840 года приказом по военному ведомству №13 князю Кучуку Турлову был пожалован чин поручика.

В ночь с 27 на 28 июня 1840 года надтеречные чеченцы из деревень Старого-Наура, Нового-Наура, Эминсуловской, Мундарова, Бено-Юрта, Кагерман-Юрта, Ганжуева, Ногай-Мирзин-Юрта, Мижи-Юрта, Кожак, Джамбекова, Калаузова, Мамакай-Юрта, Гунешки, Ачкишк, Киевской (Кейн-Юрт) и Чанти-Юрта, доведённые до отчаяния произволом и поборами царского генерала Александра Пулло, подняли антиколониальное восстание. Забрав своё имущество, они сожгли дома, ограбили князей и бежали в засунженские леса. Князя из Надтеречной Чечни Кагерман Алхазов, Мундар Эльдаров, Кучук и Айдемир Турловы спаслись от расправы разъяренной толпы повстанцев бегством. Они вплавь переправились на левый берег Терека и укрылись в казачьих станциях.

Во время восстания надтеречных чеченцев верными российскому правительству осталось 15 семей (по другой версии – 30 семей) из «деревни поручика князя Кучука Турлова». Сами князя Кучук и Айдемир Турловы, в качестве поощрения за верность России, в 1842 году были представлены к пенсии по 300 рублей в год, но император соизволил наградить их в 1844 году единовременным пособием по 300 рублей каждому. Князьям Кагерману Алхазову и Мундару Эльдарову выдали по 500 рублей.

8 июня 1842 года поручик, князь Кучук Турлов, временно проживающий в деревне князя Бековича-Черкасского, пишет докладную записку на имя Военного министра России генерала от кавалерии князя Чернышёва: «Родители мои и двоюродного брата моего корнета Айдемира Мусаева, до 1801-го года имели во владении своем в земле Гумбетовской на реке Койсу 17 деревень, а

постоянное свое место пребывания и дом (который и поныне существует) в деревне Мьяларда, и как гумбетовцы народ кичливый и склонный к частым изменам законному своему Государю, то родитель мой желая постоянно остат [ь] ся преданным Российскому Правительству, просил бывшего Кавказской Инспекции инспектора генерал-лейтенанта Кнорринга, отдать во владение его два аула, лежащие на правом берегу реки Терика, противу Моздокского казачьего полка станицы Наурской, кои после смерти владельца оных двоюродного брата родителя моего Алибекова, как по правам народным, наследству и желанию самих жителей тех аулов, должны были перейти во владение родителя моего князя Турлова.

В последствии чего генерал-лейтенант Кнорринг, актом данным родителю моему в 6-й день марта 1801 года (с коего точную копию у сего представляю) признал родителя моего законным наследником и владельцем упомянутых двух аулов, а именовались с того времени аулами Турлова; после же смерти родителя моего и дяди Мусаева, остались единственными наследниками сказанных двух аулов я и двоюродный брат мой корнет Айдемир Мусаев, с коим и управляли сим именем до 1840-го года покойно, а в этом году бунтовщик Шемиль, при возмущении жителей за Теричных аулов, взбунтовал и аулы имени моего так, что успел удержать за собою только тридцать семейств, и как эта горсть людей не в состоянии владений моих защитить от многолюдных бунтовщиков, то я принужденным нашелся с родственником моим Мусаевым и 30-ю удержанными семействами просить родственника же моего владельца Малой Кабарды подполковника князя Бековича-Черкасского, дозволения остат [ь] ся во владении его до водворения на Кавказе спокойствия (где и ныне нахожусь), оставив до времени владение мое на произвол судьбы, в чаянии, что с усмирением бунтующих, изменившие правительству мои подвластные возвратятся в место своей родины с покорностию, а если бы правительство им этого, как не чувствующим его благоденствия не дозволило, то я всемерно постараюсь земли мне по наследству доставшиеся населить людьми, более чес [т] ности и нравственности имеющими. А потому, Ваше Сиятельство, осмеливаюсь всенижайше про-

сать, не оставить предстательством Вашим у Всемилостивейшего Государя Императора, дабы земли во владении моем бывшие, как ныне никем не заселенные, не были до времени покорения бунтовщиков отбираемы ни в казну, ни передаваемы во владение других, а оставались бы по прежнему за мною, на что и буду иметь счастье ожидать разрешения Вашего Сиятельства». Подпись по-арабски.

В ходе рассмотрения прошения князя Кучука Турлова, начальник Штаба войск на Кавказской линии и Черномории полковник Норденстам, в отзыве начальнику Левого фланга от 15 сентября 1843 года, заметил: «...Из представленной поручиком Турловым копии с акта, данном в 1801 году предкам его генералом Кнорринг [ом], видно, что им предоставлена во владение одна только деревня заречных народов, состоящая на правом берегу Терики, близ Наурской станицы, а не два аула, как проситель в докладной записке объяснил.

В следствие сего и по поручению Г-на командующего войсками, представляя при сем к Вашему Превосходительству означенную докладную записку князя Турлова с приложением, имею честь покорнейше просить с возвращением их почтить меня уведомлением, точно ли проситель с корнетом Айдемир Мусаевым владели до 1840 года двумя аулами на правой стороне Терики и какими именно и представляется ли возможность оставить за ними те земли, которыми они прежде пользовались».

Начальник Левого фланга Кавказской линии Роберт Карлович Фрейтаг в октябре 1843 года отвечает на запрос Норденстама: «Поручик князь Кучук Турлов с братом Айдамиром до возмущения бывшего в 1840 году, управляли действительно двумя деревнями Теречных чеченцов, находившимися против Наурской станицы, деревни те назывались Старыми Наурскими.

О чем Ваше Высокоблагородие на отзыв 15 сентября с № 2492 уведомить честь имею, и возвращая обратно докладную записку, поданную поручиком Турловым, присовокупляю, что на оставление за ними тех земель, которыми они владели, препятствий никаких не имеется. Генерал-майор (подпись Фрейтага)». Внизу документа поставлена резолюция, сообщенная командующим

войсками через подполковника Бибикова: «До времени оставить без всякого исполнения».

В 1847 году, спустя семь лет после восстания надтеречных чеченцев, вместо бывших двух аулов Мусин и Старонаурский, по разрешению властей было восстановлено только одно селение – Ново-Мусин, куда заселилось 690 душ населения, в числе которых 390 – мужского пола и 300 – женского. Аул лежал напротив станицы Наурской, на месте нынешнего с. Надтеречное. В число жителей селения была включена княжеская фамилия Турловых. Позже часть жителей Ново-Мусина восстановили бывший аул Верхний Наур и переселились туда.

20 июля 1848 года приказом № 139 князь Кучук Турлов был произведен в штабс-капитаны, а 14 октября 1860 года – в капитаны. В мае 1864 года князь Кучук (в документах Кючюк или Кючук) Турлов, бывший в должности старшины селения Верхний-Наур, совместно с землемерным помощником Межевой комиссии Терского казачьего войска П. Густафьевым, депутатом от Надтеречного наместничества прапорщиком князем Карасай Алхазовым, депутатом от Моздокского казачьего полка хорунжием Негодновым, помощником старшины Верхнего-Наура Магомедом Чурукаевым, почётными стариками того же аула Саит Магомедовым, Вагап Аджиевым, поверенным от станицы Наурской Уваром Дубровиным участвует в работе формального обмежевания участков земли селений Верхний-Наур и дачи князей Турловых в Надтеречном наместничестве. Во время определения границы между Верхним-Науrom и Нижним-Науrom, к работе подключились мулла Верхнего-Наура Ази, мулла Нижнего-Наура Кадии и старшина Нижнего-Наура Цуцу Булатханов (позже переселился в Али-Юрт). Князь Кучук Турлов везде вместо подписи «по безграмотству приложил именную свою печать».

В указанных документах 1864 года нигде не упоминается Айдемир Мусаев-Турлов. Возможно, к этому времени его уже не было в живых. Так как князь Айдемир не имел наследника, его имение в Нижнем-Науре перешло во владение Кучука Турлова, который позже передал эту вотчину в наследство своему младшему сыну Хамзатхану (чеч. Хьамстхан).

Отмежёванная в 1864 году Кучуку Турлову земля была утверждена в Санкт-Петербурге 13 июля 1868 года. В Российском государственном архиве древних актов хранится цветной план дачи князей Турловых площадью 2001 десятина 125 квадратных сажень или, говоря современным языком – 2456 гектаров. Эти обширные земли со временем были распроданы Турловыми и к 1904 году за князьями Таймасханом и Хамзатханом Кучуковичами осталось всего 288 десятин 21322/3 квадратных сажень.

В марте 1872 года капитан князь Кучук (в документе – Гучук) Турлов, житель аула Верхний-Наур, пишет докладную записку: «Происходя от предков князей, считая себя потому князем, и в следствие отзыва Комиссии по разбору сословных прав горцов Терской и Кубанской областей к Вашему Высокоблагородию от 5 ноября 1871 года за № 398, докладывая об этом Вашему Высокоблагородию, честь имею покорнейше просить ходатайствовать о признании потомственными князьями меня и моих сыновей. Список моему семейству прилагаю у сего на обороте. Житель Верхне-Наурского аула князь Гучук Турлов за неграмотности приложил печать». Докладная записка заверена оттиском квадратной печати, в которой по-русски написано: «Князя Кучука Турлова печать», а также имя князя на арабском языке. На обороте докладной записки Гучук Турлов приводит список своего семейства, состоящего из сыновей Арслан-Хана, Таймаз-Хана и Хамзат-Хана.

Далее, 4 августа 1872 года, капитан князь Кучук Турлов пишет рапорт № 101 приставу 1-го участка Грозненского округа следующего содержания: «Согласно препровожденной ко мне при надписи от июля сего 1872 года за № 542 переписки в копии, представляю при сем удостоверение, выданное мне членами горского общества в доказательство родового княжеского происхождения моего. При этом докладываю, что документы о происхождении моем, правах и преимуществах уничтожены у меня вместе с имуществом моим во время возмущения Шамилем в 1840 году всех горцев и жителей надтеречных деревень, в которое время я едва сам мог спастись с семейством и с несколькими приверженцами через р. Терек, в станицу Наурскую, оттоль по неимению средств

к жизни, переехал к родным матери и жены моей князьям Бекovichам-Черкасским и содерживался средствами их до наделения меня правительством землею. Родство же я имею с кабардинскими князьями Мусостовыми, князьями Бекovichами-Черкасскими, кумыцкими Алибековыми. Капитан князь Кучук Турлов, за неумением русской грамоте прилагаю именную мою печать и подписуюсь на арабском языке».

Солта и Ахмад Алхановы-Турловы

Удостоверение о происхождении князей Турловых из того же дела, написанное жителями Верхнего-Наура 1 августа 1872 года, тоже даёт нам ценные этнографические сведения об этой фамилии из первых рук. Предлагаю читателю ознакомиться с его текстом: «Вследствие просьбы состоящего по армейской кавалерии капитана князя Кучука Турлова, основанной на отношении Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей, начальнику Грозненского округа, от 8 июля сего 1872 года, за № 140, переданного ему в копии приставом 1-го участка при

надписи за № 542, для доставления изъяснения о правах своих и преимуществах в среде своего населения, которое по отсутствию документов, могло бы служить доказательством родового княжеского происхождения его, – мы, нижеподписавшиеся члены горского общества Верхне-Наурского аула, сим удостоверяем: что предки князя Кучука Турлова, происходя от аварских князей, ведут свое начало с самой глубокой древности, владея подвластным им народом и обширными землями в земле Гумбетовской, отсюда были вызваны обитавшими в то время в окрестности Аргунского ущелья, в горах, горскими племенами, для управления оными, которых они, выселив на плоскость р. Аргуна, основали первое чеченское население, называемое деревнею Нижеле, вели самостоятельную войну с известным Шамхалом и пользовались независимостью до занятия российскими войсками Кавказской Линии, а с этого времени, приняв покорность русскому правительству, переселились сначала на р. Сунжу, а потом на правый берег р. Терка с холопами своими и другими подвластными им людьми, кои со своими оставшимися на местах первого поселения горцами, с поколениями их, платили ежегодную дань, не менее 1000 голов разного рода скота, как предкам князя Турлова, так равно и ему, настоящему потомку их князю Кучуку Турлову, до 1840 года, т. е. до возмущения Шамилем всех горцев и жителей Надтеречных деревень. В удостоверении чего свидетельствуем нашим подписом и приложением именных печатей 1872 года августа 1 дня. (всего 25 подписей на арабском языке)».

Согласно представленным документам, Турловы были признаны потомственными князьями и занесены в реестр российских дворянских фамилий.

В марте 1875 года капитан князь Кучук Турлов скончался. Высочайшим приказом от 11 апреля 1875 года он был исключен из реестра российских офицеров. У него осталось три наследника: Арслахан (род. в 1851 г.), Таймасхан (род. в 1860 г.) и Хамзатхан (род. в 1863/65 г.). В посемейном списке селения Верхне-Наурского, 1-го участка Грозненского округа Терской области, составленном в июне 1886 года приставом 1-го участка Грозненского округа А. А. Спиридоновым, братья Турловы приведены под но-

мером 10. Глава семейства – Турлов Арслахан, лета к 1 января 1886 г. – 34 года, народность аварец, вероисповедание – суннит, язык домашний – чеченский, сословие – князь, собственник 2001 десятин, 125 квадратных саженой земли, имеет 2 дома, 7 лошадей, 4 быка, 10 коров, 6 телят, 3 буйвола, 100 овец, 50 коз. Сыну Арслахана Шамсаду к 1 января 1886 года – 7 лет, братьям: Таймасхану – 25 лет (знает русский язык, обучался в Ставропольской гимназии), Хамзатхану – 20 лет (знает русский язык, обучался в русской домашней школе). Женщин в семье – 4.

С 1871 по 1881 год Таймасхан Турлов обучался в Ставропольской гимназии. Вместе с ним там же училась горская молодёжь, будущая кавказская интеллигенция: Коста Хетагуров, Эдин Баймурзаев, Пшемах Дахкильгов, Магомед Кадиев, Саи и Кураз Мальсаговы, Танта Укуров, Абдул-Керим Ахтаханов, Ярыч Хантаггов, Асланбек Котиев и др. Князь Таймасхан Турлов владел землями вокруг нынешнего села Подгорное. Он продал их животноводу Минай Коневу, который основал на этом месте Конев-хутор (позже – Таврический). Хутор был заселён чеченцами из Кень-Юрта и Мекень-Юрта и в первые годы советской власти относился к Мекен-Юртовскому сельскому совету. С тех пор в народе Конев-хутор стал называться Мекенским хутором (Макан-отар). В 1943 году переименован в с. Подгорное.

Князь Таймасхан Кучукович Турлов был женат на образованной княгине Джанитхан Казиевне, окончившей гимназию. Они вырастили пятерых детей: дочь Селехат (1885 г.р.), сын Айдамир (1887 г.р.), дочь Хажири (1889 г.р.), сын Алсултан (1890 г.р.), сын Алихан (1892 г.р.). Семья Таймасхана проживала в Верхнем-Нануре. Селехат первый раз вышла замуж в 16 лет. Она вопреки воле своих родителей стала четвёртой женой царского офицера Юсупа Ульбиевича Чуликова. Из-за непослушания дочери, родители не пускали её в свой дом в течение 5 лет. Селехат родила Чуликову дочь Аллу (Аллочка). После смерти Юсупа Чуликова, Селехат во втором замужестве была за князем Пашей Казиевичем Алхазовым из Али-Юрта. Князь Айдамир Таймасханович Турлов женился на княгине Рашья Умалатовне Таймазовой из Брагуны. У них родились две дочери: Айшат (1926 г.р.) и Медина (1928 г.р.). Княгиня

Хажири Таймасхановна Турлова в марте 1908 года вышла замуж за князя Берсана Карасаевича Алхазова из Али-Юрта. Князь Алсултан Таймасханович Турлов женился на дочери знаменитого грозненского купца Абубакара Мирзоева – Кабахан (Нанаш). У этой супружеской четы не было детей. Младший сын Таймасхана – Алихан, женился на княгине Айхоле Казиевне Алхазовой. У них было двое детей: сын Расламбек (Руслан, 1923 г.р.) и дочь Эмни (Эмила, по паспорту – Эма, 1924 г.р.).

Княгиня Селехат Таймасхановна Турлова

Князь Хамзатхан Кучукович Турлов был женат на старшей сестре своей снохи Джанитхан – Супухан (Супу). У них было двое детей: сын Бийсултан (1897 г.р.) и дочь Забия-Ханум (Забаш, род. 1902 г.). Дочь была тощая и болезненная, а сын вырос образованным интеллигентным человеком.

В 1904–1909 гг. князь Хамзатхан Турлов был старшиной села Нижний-Наур. Получал оклад в размере 400 рублей в год. Сельский писарь Иван Рассказов получал 240 рублей. Хамзатхан был обвинён в растрате общественных сумм с. Нижний-Наур и арестован. С просьбой о его помилованию, супруга обратилась с прошением в адрес императора:

«Ваше Императорское Величество, Всепресветлейший, Державнейший, Великий Государь Император Николай Александрович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловитивейший.

Верноподданно просит жительница селения Верхний Наур Терской области Супухан Казиевна Турлова, жительство имеющая в названном селении.

Приговором Владикавказского окружного суда от 18 ноября 1909 г., утвержденным Тифлисской судебной палатой 31 мая 1910 года, муж мой Хамзатхан Кучукович Турлов, признанный виновным по 354 ст. Ул. о наказ., приговорен к арестантским отделениям на один год.

Преклоняясь перед приговором Суда, объявленным от имени Вашего Императорского Величества, я всеподданнейше прошу и умоляю, Великий Государь, о милости, о прощении моего мужа. Он – человек старый, больной. Тяжелое горе, постигшее его и нас, окончательно подорвало его здоровье. Горе это увеличивается тем, что у нас двое детей: Бийсултан 13 л. и Забия-Ханум 9 л. Никогда за всю свою 55-летнюю жизнь мой муж ничем себя не порочил. Всегда он считался лучшим членом общества. Все спорные дела, все недоразумения разрешались всегда при его участии. Неоднократно в тяжелые минуты для общества, он ссужал его деньгами. Заботясь о просвещении, он платил жалование учителю из личных средств. Редкий человек не состоит ему должным и он никого не теснит. Никогда он не употреблял на свои нужды общественных денег. Все несчастье произошло вследствие того, что он вообще малограмотный человек, совершенно не владел языком арабским, а все денежные книги велись казначеем и писарем на арабском языке. Памятуя, что он никому не причинил никогда вреда, а наоборот делал всем добро, мой муж никогда не думал, что его подведут и вовлекут в неприятность. Пусть Бог

будет справедливым судьей тем лицам, которые погубили моего мужа и опорочили его доброе, незапятнанное имя, я же умоляю Ваше Императорское Величество откликнуться на наше тяжелое горе и облегчить страдания всей семьи. Вся жизнь семьи нашей принадлежит Тебе, Великий Государь и мы все умоляем Своего Дорогого отца помочь нам в день Великой радости для всей Руси, ради блеска и величия Царской Власти, ради выздоровления обожаемого Наследника Цесаревича.

Внемли нашей мольбе, смягчи тяжелый приговор, мы же верные твои сыны положим за Тебя и Твой Царственный Дом свои души, жизнь и денно и ночью будем молить Господа Бога о даровании Тебе и всему Твоему семейству долгоденствия и неувядаемой славы.

К сему прошению руку приложила Супухан Казиевна Турлова. 1913 года января 24 дня, г. Владикавказ».

10 апреля 1913 года Товарищ Министра Юстиции приказал: ходатайство Супухан Турловой оставить без последствий. Однако, вскоре Хамзатхана Турлова освободили и в конце 1914 года он поступил на службу в Кавказскую конную кавалерийскую дивизию. Согласно послужного списка «на младшего урядника Чеченского конного полка князь Хамзат-Хан Турлова», составленного в 1915 году, он «из чеченцев Терской области, Грозненского округа, Надтеречинского участка, сел. Нижний-Наур». Возраст – 52 года. Вероисповедания магометанского. Женат на Супу. Имеет сына Бийсултана 18 лет и дочь Забаш 15 лет. Учился во Владикавказском реальном училище, но не окончил курса. Землевладелец. На службу поступил 10 ноября 1914 года охотником в Чеченский конный полк, зачислен во 2-ю сотню. 30 марта 1915 года получил чин младшего урядника. На фронтах Первой мировой войны 27 мая 1915 года был ранен.

В июле 1915 года князь Хамзатхан Турлов дал подписку о непринадлежности к тайным обществам. Ознакомимся с текстом этого любопытного документа: «Я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что ни к каким тайным обществам, думам, управам и прочим, под какими бы они названиями не существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду и что не

только членом этих обществ, по обязательству через клятву или честное слово, не был, да и не посещал и даже не знал о них, и через подговоры как об обществах, так и членах, тоже ничего не знал и обязательств без форм и клятв никаких не давал. Младший урядник Хамзатхан князь Турлов».

Приказом по 9-й армии от 1 сентября 1915 года № 1027 урядник князь Хамзат-Хан Турлов награждён званием юнкера милиции.

Вместе с Хамзатханом Турловым в составе Кавказской туземной конной дивизии в Первой мировой войне участвовали: его сын Бийсултан и брат Таймасхан, со своими сыновьями Айдамиром и Алсултаном. По преданиям, Таймасхан Турлов был контужен в ходе боевых действий и оглох до такой степени, что не слышал выстрела из ружья, произведённого рядом с ухом.

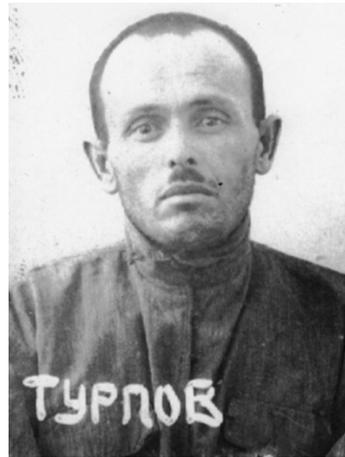

Князь Хамид Алханов-Турлов

20 декабря 1914 года сын Таймасхана – младший урядник Алсултан Турлов награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 159415. За отличие в боях во время «Брусиловского прорыва» с 22 мая по 31 июля 1916 года подпоручик князь Алсултан Турлов был награждён орденом святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. 9 мая 1917 года он произведён в поручики.

24 мая 1915 г. всадник 2-й сотни Чеченского конного полка Гамзатхан князь Турлов был включён в список представленных штабом Кавказской туземной конной дивизии к награждению Георгиевскими медалями 4-й степени. В списке нижних чинов служащих в Чеченском полку «Дикой дивизии» в 1914 году находим всадников Хамзатхана и его сына Бейсултана Хамзатхановича Турловых, а также младшего урядника Алсултана Таймасхановича Турлова. К 15 июня 1916 года князья Хамзатхан и Алсултан Турловы были прапорщиками.

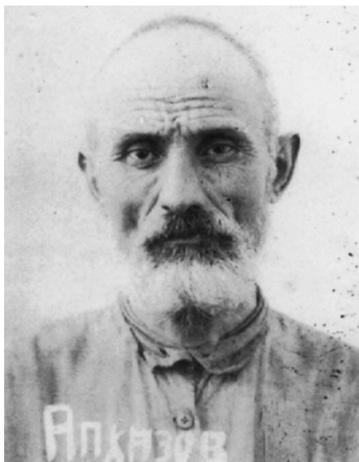
По рассказам ныне покойных жителей с. Надтеречное Бозы Хакимова, Абу Дакалова и Нурди Хусиева, жена князя Хамзатхана Турлова – Супу, до конца дней своих ухаживала за больной дочерью Забаш. Сын его – князь Бийсултан Турлов (чеч. – Хьамстхан Бийсолта), запомнился указанным выше старцам очень умным, смелым и принципиальным человеком. В приходом советской власти он не эмигрировал, как многие представители привилегированных сословий. Всегда носил на поясе маузер. Никогда не лобызался с представителями новой власти. 20–30-е годы XX века прокатились по нашей стране волной чудовищных репрессий. В эти годы, наряду с князьями и кулаками, были расстреляны или сосланы практически все духовные авторитеты чеченского народа. В 1929 году Бийсултан Турлов тоже стал жертвой

*Князь
Бийсултан Хамзатханович
Турлов*

государственного террора. Дом князя был конфискован и передан под контору Уполкомзага (Заготскот), а сам он арестован.

Согласно коллективному архивному уголовному делу, Паша Алхазов, 1879 года рождения, уроженец с. Али-Юрт, Надтеречного округа, кумык, из дворян-князей, беспартийный, а так же Бийсултан Турлов, 1899 года рождения, уроженец с. Нижний-Наур, Надтеречного округа, чеченец, из дворян-князей, беспартийный – постановлением крайполиттройки при ПП ОГПУ СКК от 14 августа 1929 года по статье 58, пункты 2 и 11 Уголовного Кодекса, «как активные члены контрреволюционной организации из казачества ст. Терской и чеченцев Надтеречного округа, в целях поднятия вооруженного восстания против Советской власти», осуждены к высшей мере наказания (ВМН) – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 20 ноября 1929 года.

*Князь
Паша Казиевич
Алхазов*

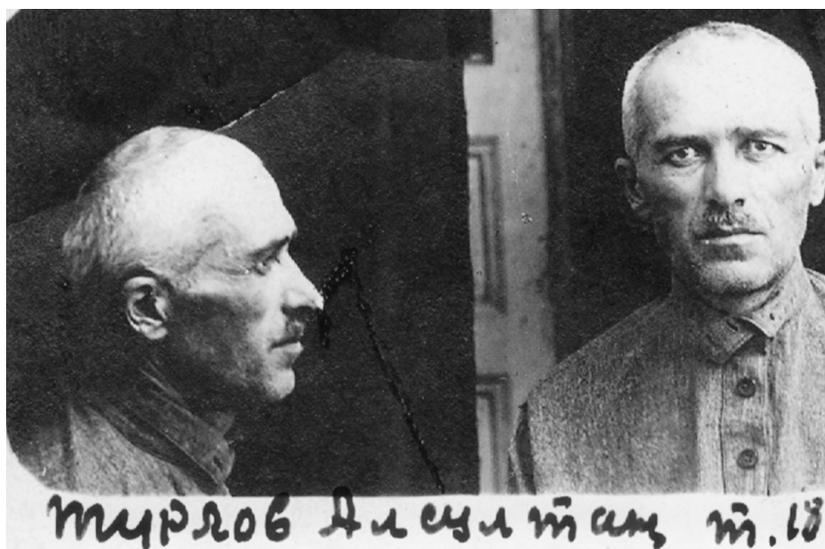
Когда его ставили к стенке, последняя просьба князя Бийсултана была – не завязывать ему глаза и не поворачивать спиной во время расстрела. По преданиям, князь Бийсултан Хамзатханович Турлов ушёл из жизни, бесстрашно глядя смерти в глаза. По древнему горскому обычаю, настоящий князь не имеет права терять обладания духа, даже перед верной смертью. Иначе он потеряет княжеское достоинство (по-чеченски – «олалла духу»).

Постановлением Президиума Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР от 8 июля 1991 года, Алхазов Паша и Турлов Бийсултан реабилитированы.

После смерти князя Таймасхана Турлова, его жена Джанитхан с детьми переселилась в село Алхазурово Урус-Мартанов-

ского района Чечни, где она владела землёй, называемой её именем «Джанитханан-мохк» (чеч. «Джаьнтхан-мохк»). Во время раскулачивания, эта земля была отобрана у Турловых и «национализирована». В конце 20-х годов XX века, до того, как родилась Медина Турлова, ее отец Айдамир Турлов был арестован и приговорен к расстрелу (чеч. – «тоьпаш туху суд»). Джанитхан вместе с внучкой Аллой (дочерью Селехат), поехала в Москву, на приём к председателю ЦИК СССР Михаилу Ивановичу Калинин. Ходатайствуя о помиловании своего сына, княгиня рассказала о заслугах Айдамира. Она заметила, что какая бы тогда ни была власть в стране, её сын защищал Отечество и в любой момент, даже сейчас, при советской власти, не задумываясь сложит голову за Родину. Поэтому жалко, если такой патриот своей страны будет лишен жизни бесславно и без пользы. Такие убедительные доводы матери заставили Калинина написать записку руководству ОГПУ Чечни, чтобы высшая мера наказания в отношении Айдамира Турлова была отменена. Джанитхан спросила: «А что, если до моего возвращения домой его уже расстреляют?» Тогда Калинин тут же отправил телеграмму в Грозный с директивой о смягчении меры наказания по отношению к Турлову.

Вскоре группе заключенных удалось совершить побег из тюрьмы. Среди них бежал и Айдамир Турлов. Он решил эмигрировать из страны. Айдамир предсказывал брату Алсултану, что советская власть не оставит его в живых, упрасивал его уехать с ним за границу, но тот не согласился покинуть землю отцов, какая бы судьба ему ни была уготована. Так же покинуть родину отказалась его беременная жена Рашья. Айдамир Турлов через Грузию эмигрировал во Францию. Позже, желая жить среди мусульман, оттуда он якобы переселился в Египет. На память с собой он взял фотографию своей малолетней дочери Айшат. После его бегства из страны у него родилась вторая дочь Медина. С трёхлетнего возраста Медина Турлова выросла в доме дяди Алихана в г. Грозном, по улице Сельской. Алсултан Турлов тоже проживал в Грозном, рядом с Бароновским мостом.

Князь Алсултан Таймасханович Турлов

Из газетной публикации 1990 года мы получаем информацию, что Турлов Алисултан Таймасханович был осужден советской властью к 5 годам. Из материалов архивного уголовного дела видно, что Алсултан Таймасханович Турлов, 1890 года рождения, уроженец с. Верхний-Наур, из дворян-князей, чеченец, гражданин СССР, беспартийный, служил в белой армии ротмистром, в момент задержания без определенных занятий, арестован 10 марта 1935 года. По постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 9 октября 1935 года, «как социально опасный элемент» был приговорен к 3 годам высылки в г. Астрахань, откуда бежал и проживал на нелегальном положении в г. Грозном. 23 апреля 1938 года Алсултана Турлова повторно арестовали по ордеру НКВД ЧИАССР. На основании ст. 58 п. 1 «а» Уголовного Кодекса, он был обвинён в участии в «буржуазно-националистической организации» и, якобы «в период 1933–1935 гг. передавал контрреволюционные шпионские сведения в пользу турецкой и иранской разведок». Осуждён Особым Совещанием при НКВД СССР от 23 декабря 1939 г. на 5 лет ссылки в исправительно-трудовой лагерь

(ИТЛ). Отбывал срок наказания в г. Ирбит Свердловской области, где скончался 2 июля 1941 года в застенках Севураллага НКВД СССР. Заключением Прокуратуры Чечено-Ингушской АССР от 21 июня 1989 г. Турлов А. Т. реабилитирован. По первому обвинению реабилитирован Заключением Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 29 сентября 2003 г.

В адрес родственников Алсултана Турлова с выражением соболезнования пришло письмо от одного азербайджанца, тоже отбывавшего срок ссылки вместе с чеченским князем. Он писал: «Я потерял не товарища, не друга. Я родного брата потерял». Из письма родственники узнали, что Алсултан лёжа читал газету. Но затем как бы заснул, оставив газету на груди. Азербайджанец заподозрил, что Турлов слишком долго спит и стал его будить. Но князь уже не проснулся.

После расстрела в 1929 году мужа князя Паши Алхазова, Селехат Турлова со своей дочерью Аллой Чуликовой проживала в доставшемся ей по наследству доме в Али-Юрте. Примерно в 1940 году она привела в Грозный, в дом младшего брата Алихана, скрывавшегося от властей абрека Токи (Токи) из Али-Юрта и попросила дать ему отсидеться. Где-то месяц Токи скрывался в доме Алихана по улице Сельской. Однажды, выйдя на прогулку по городу, он зашёл в магазин и тут же был схвачен органами правопорядка. На допросе Токи дал показания, что тайно проживал в доме Алихана Турлова. Княгиня Джанитхан в меховой перине на кровати прятала серебряную саблю, которой за боевые отличия был награждён эмигрировавший Айдамир Турлов. Токи указал также место, где была запрятана эта сабля. Милиция нагрянула в дом Турловых с обыском, конфисковала саблю и арестовала Алихана Турлова за «пособничество бандитам». Таким образом, младший из братьев Турловых тоже был сослан в ссылку, где вскоре скончался. В последнем своём письме домой Алихан предупреждал свою семью, что он сильно заболел и, быть может, это последняя весточка от него.

В начале 40-х годов XX века Супухан и Джанитхан скончались. Сестры были похоронены в Невре, рядом с могилами остальных Турловых. После смерти Супу, Айхола Турлова забра-

ла к себе в дом осиротевшую Забаш. В 1944 году из Грозного в Казахстан были высланы: Айхола, Забаш, Расламбек, Эмни и Медина Турловы, а Селехат депортировали из Али-Юрта. В Казахстане с 1937 года в ссылке в колхозе «Моюнкум» на станции Чу Джамбульской области находилась семья раскулаченных Берсана Алхазова и Хажири Турловой. Последняя встретила поезд со своими родственниками и приютила их у себя. Несмотря на то, что к спецпереселенцам относились с особым недоверием, Расламбеку Турлову удалось устроиться машинистом на станции Чу. Он получил хорошую квартиру и переселил туда свою семью. В колхозе «Моюнкум» нашли своё последнее пристанище князь Берсан Алхазов и княгиня Забаш Турлова. Вскоре семья Турловых переехала на жительство в г. Чимкент. Там похоронена княгиня Селехат.

Айхола и Хажири скончались после возвращения из ссылки, в Чечне. Похоронены в Али-Юрте. Рашья Умалатовна Турлова-Таймазова скончалась в сентябре 1978 года. Её отец – князь Умалат Таймазов из с. Брагуны, скончался задолго до прихода советской власти. После его смерти, вдова Абаш Таймазова проживала в Караногае (чеч. – «НогИийн мохк»). У неё кроме дочери Рашья было ещё трое детей: сыновья Эдельгири, Мутак (чеч. Мутакх) и дочь Забия.

После возвращения из Казахстана, Руслан (Расламбек) Алиханович Турлов был назначен на должность заместителя председателя Совета Министров ЧИАССР. На таком ответственном посту он внёс свою посильную лепту в дело возрождения чечено-ингушской автономии. Он скончался 24 января 2010 года, а его сестра Эма (Эмни) Алихановна Турлова (1924 г.р.) – 3 марта 2014 года.

Ю. М. Идрисов
(г. Махачкала, Россия)

МЛАДШИЕ ВЕТВИ РОДА ТАРКОВСКИХ: НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ДРЕВА

Шамхалы Тарковские являлись одним из самых многочисленных, если не самым многочисленным княжеским кланом на Северном Кавказе. О них уже немало написано. Имеются и отдельные монографии по их родословной [1]. Вместе с тем, остаются не до конца прояснёнными некоторые её детали. В своей статье, мы в частности затронем тему образования младших ветвей рода Тарковских.

Образование младших ветвей Тарковских, как и ветвей, практически любых, иных княжеских родов в эпоху феодализма, тесно переплеталось с образованием уделов. Известно, что одним из первых из Шамхальства выделился Эндиреевский удел, где стали править потомки Султан-Мута (Султан-Махмуда) I (ок. 1560 г. – после 1642 г.).

В своей богатой интересным фактическим материалом монографии «Шаухалы Тарковские» К. М. Алиев даёт вполне аутентичную и подкреплённую источниками родословие северо-кумыкских княжеских фамилий. Вместе с тем им были опущены некоторые детали. В частности, не сказано о причинах разветвления потомков сына Султан-Мута Айдемира на разные фамилии, из которых только одна сохранила фамилию Айдемировых, да и то ни в честь первопредка, а по имени его правнука – Айдемира

II Хамзина. Айдемир Хамзин был потомком старшего сына Солтан-Мута по имени Чопалау. От родных братьев Айдемира Алиша и Темира берут начало фамилии Хамзаевых и Темировых. К Чопалау через его сына Чопана восходит ещё одна княжеская фамилия Муртузали-Аджиёвы [2]. Пять других фамилий северокумыкских князей берёт начало от младшего сына Айдемира I Алибека. У Алибека было два сына: Ахмат-Хан и Султан-Мут II. Ахмат-Хан из-за междоусобиц переселился в горное селение Анди, где выстроил мечеть «Джума-межгит» и занимался обучением детей. После смерти Ахмат-Хана жена его, имея одного сына Каплана, оставив его на попечении аталыка в Анди, вышла замуж за брата своего покойного мужа аксаевского князя Султан-Мута II, который имел от первой жены двух сыновей: Алибека II и Уцму и от второй (матери Каплана) также двух сыновей Арслан-Бека и Эльдара. После смерти отца Алибек и Уцму Султанмутов намерились убить Каплана, дабы присвоить положенную ему часть наследства, но Арсланбек и Эльдар (братья Каплана по матери) не допустили их к тому и привели Каплана из Анди в Аксай и дали ему часть имения. Из преданий известно что, Арсланбек Султанмутов отличался воинственностью, а Эльдар Султанмутов был аманатом у русских в крепости Святой Крест (Сулак-Кала) [3]. От Каплана пошёл княжеский род Каплановых, от Эльдара берут своё начало княжеские фамилии Эльдаровых и Махтиевых, от их брата Арсланбекова происходят князья Арсланбековы, а Алибек и Уцму положили соответственно начало фамилиям Алибековых и Уцмиевых.

К младшему сыну Султан-Муту Казан-Алпу восходит княжеская фамилия: Казаналиповых, управлявшие селениями Султан-Янги-Юрт и Чонт-Аул. также Алхасовы, История рода Казаналиповых разбиралась К.М. Алиевым. К Казана-Алпу также возводили свой род проживавшие в Эндирее чанки Албору-Аджиёвы [4], а также чанки Алхасовы управлявшие деревней Алхасовой (ныне с. Гвардейское Надтеречного района Чечни) и прилегающими окрестностями [5]. Из рода Алхасовых известны подполковник князь Кагерман Алиевич Алхасов, живший в середине XIX столетия, его сыновья Адиль-Султан и Карасай, но особенно

сын последнего Туган. Туган Карасаевич Алхасов занимал пост министра внутренних дел Терско-Дагестанского правительства, а после гибели его первого главы М. А. Караулова, некоторый период исполнял обязанности председателя Терско-Дагестанского правительства [6].

Серьёзной ошибкой К. М. Алиева является отнесение к потомкам Султан-Мута известного рода Асев-Аджиевых [7]. Несмотря на свою известность, этот род, из которого вышли, например проректор Бакинского государственного университета Абдурахман Асев-Аджиев, писатель Мурад Аджи и министр печати РД в 2013–2016 Азнаур Аджиев, происходит из почётных узденей.

Немногим позднее северо-кумыкских князей обособили князья кумторкалинские – Мирзоевы. Согласно родословной кумторкалинских беков основателем их ветви рода Тарковских являлся умерший в 1640 году Магомед-Шамхал. Его сына звали Умалат, сына Умалата звали Мирза и за их потомками закрепилась фамилия Мирзаевы (Мирзоевы). У Мирзы был сын Герей, а у Герея было трое сыновей: Султан-Ахмед, Халид и Умалат. К концу XIX века в Кумторкале жили сыновья Халида Абуталиб, Ибрагим, Хасбулат и Абдул-Меджид [8]. Не сомневаясь в приведённой родословной, начиная с Умалата, известного по русским источникам, однако-же отметим, что в материалах Посольского приказа сохранилась информация о кумторкалинском князе Магомете, жившем ещё в 1670-е годы. Учитывая, что Мирза Умалатов упоминается в 1732 году, то практически исключается вероятность того, что его отец Умалат родился до 1640 года, то можно утверждать, что Умалат приходится сыном вышеуказанному князю Магомету из документов Посольского приказа, а Магомед-Шамхал является его более отдалённым предком (вероятно дедом Магомеда). При этом, нет полной ясности, о каком именно Магомед-Шамхале идёт речь. Был ли это влиятельный кумторкалинский удельный князь Мамет-Хан, хорошо известный русским источникам или Баммат (Бий-Багомет), родоначальник той ветви Тарковских, что удерживала шамхальский трон, или же сын шамхала Эльдар, также Бий-Баммат?

В середине XVII века выделилась бамматулинская ветвь рода

Тарковских. Основателем ветви являлся Баммат (Бий-Багомет) сын Андия-Шамхала [9]. К. М. Алиев считает его сыном Сурхая и братом шамхалов Герей и Эльдара, но этому противоречит, например, тот факт, что будущий шамхал Будаи в 1655 году являлся удельным казанищенским князем [10], то есть бамматулинским владельцем, что было бы невозможно, будь он сыном Сурхая. Второй факт, опровергающий построения К. М. Алиева – наличие сведений о том, что Бий-Баммат сын Сурхая скончался ещё в 1615 году.

Бамматулинская ветвь не может в полной мере быть отнесена к числу младших линий рода, так как сын Баммата Будаи-Хан занял шамхальский трон и утвердил за своими потомками. Собственно же Бамматулинский удел отошёл к младшим представителям этой (старшей) ветви, в частности как минимум с 1732 года здесь правил Саадат-Герей сын Адиль-Герей и внук Будаи-Хана. Тишсиз Баммату, сыну Саадат-Герей и эндириевской княжны Костамы Хамзиной [11] также удалось в 1763 год на несколько месяцев занять завещанный ему его дядей Хасбулатом шамхальский трон, но он был свергнут с престола своим троюродным братом Махти. По условиям заключённого мира Тишсиз Баммату достался Бамматулинский удел его отца, включивший семь сёл в бассейне реки Шура-Озень. Он и его потомки (сын Хасбулат, названный так в честь Хасбулат-шамхала и внук Герей-Бек) правили в нём вплоть до А. П. Ермолова.

После смерти сына последнего шамхала Шамсутдина Махти Тарковского, житель селения Халимбек-Аул бек Гамзат Хасбулатов, являвшийся прямым потомком биев (князей) Бамматулинского удела (бийлика, выдвинул претензии на отнятые прадедом покойного Махти, которого также звали Махти у его предка Герей-Бека кутаны Ак-Тёбе, сунку, Большой и Малый Чубурча, Чапчак, Кыргыч-Аран, пастбищные горы Сепи-Тавлар, Алклыч, Ургели, Нуцал-Тау, Татархан-Тау, Кашавка-Тау, Али-Талалар-Тау, земельные участки Карантай, Тогай и дом в селении Большое Казанище [12]. Впрочем, о своих правах на гору Алклыч заявил и бетаульский чанка Мухутдин Биярслан-оглы [13], также происходящий из бамматулинской ветви Тарковских.

В селении Капчугай обитали княжеские фамилии Казаналиповы, Келеметовы и Уллубиевы. После революции Уллубиевы в целях самосохранения сменили свою фамилию на Велибековы, которую они воспринимали как кальку своей прежней фамилии [14].

Прародителем агачаульских беков является Алыпкачев Мамед-Бек (Баммат-Мурза) двоюродный брат Адиль-Гереея, знатный бек, посол в Санкт-Петербурге в 1718 году [15].

Согласно документам о разделе наследства шамхала Шамсутдина у шамхала Махти было 8 сыновей от равного и 3-е сыновей от неравного браков. От равного брака были его сыновья Сулейман-Паша, Зубаир, Абумуслим, Шахвали, Шахбаз, Магомед-Бек. От неравного соответственно чанки Кагерман, Альбору и Будаи [16]. В этом списке по непонятной причине отсутствует ещё один чанка Махти-Шамхала Айдемир, упоминаемый в начальный период Кавказской войны [17]. От него берут начал чанки из с. Тарки Айдемировы, из которых во второй половине XIX века известен Капитан Ахмед-Хан Айдемиров, а в начале XX века старшина селения Садрутдин Айдемиров. Потомки Кагермана осели в Гиччи-Бойнаке (ныне Каранай-аул Каякентского района РД). Не упомянут и убитый ещё при жизни своего отца Гайдар-Бек [18].

У сына Сулейман-Паши Заал-Бека в свою очередь от жены Нухей-Бике Шамхаловой также было два сына Адиль-Султан и Нурутдин. Внуком первого из них являлся доктор филологических наук Ростислав Биякаевич Тарковский.

Среди лиц, выдвинувших претензии на наследство Шамсутдина-Шамхала были и представители рода князей Буйнакских. В частности отец известного дагестанского революционера Уллубия Буйнакского Даниял Султанбек-оглы, дедом которого являлся знаменитый герой романа А. Бестужева-Марлинского Амалат-Бек (настоящее имя Умалат-Бий), а также двоюродная сестра Данияла Буйнакского Гебек-Кыз Ханмагомед-Кызы [19], проживавшая, как и Гамзат Хасбулатов в Халимбакауле.

У Абу-Муслим-Шамхала были сыновья Шамсутдин и Далгат. Шамсутдин являлся последним шамхалом. В свою очередь сыновьями Далгата являлись Джамалутдин и Хан. У него также была

дочь Разия-Ханум. У Джамалутдина Тарковского, женатого на Патимат Казаналиповой детей не было. У Хана был сын Нух-Бек, впоследствии активный участник событий гражданской войны.

Как нами было выяснено, скончавшийся в 2015 году Махти Тарковский (Насретдинов) является внуком Насрутдина Тарковского из селения Муслим-Аул, который в свою очередь является сыном Магомед-Бека Муслим-Аульского, который в свою очередь являлся сыном шамхала Махти Тарковского (годы правления 1796–1830). Помимо Насрутдина у Магомедбека Муслим-Аульского было ещё два сына: Бадрутдин и Зайнутдин [20]. Нам известны имена сыновей Насрутдина и его жены Айзанат: Мухтар-Паша, Ахмед-Паша, Шамхал и Камиль-Паша. Сыном Камиль-Паши собственно и являлся Махти Тарковский. У самого Махти Тарковского родилось три сына, продолживших род Тарковских [21].

В рамках карачаево-балкарского ДНК проекта нами были взяты и переданы на анализ образцы ДНК потомков младших ветвей Тарковского княжеского дома Махти Насрутдиновича Тарковского и Арсена Уллубиевича Велибекова. У обоих оказалась гаплогруппа J-M267 [22]. По результатам генетического теста также выяснилось, что протестированные представители рода Тарковских имели общего предка, жившего в первой половине XVII века.

Объём информации о ветвях рода Тарковских всё более увеличивается и всё значимее становится вопрос её систематизации и верификации.

Использованные источники и литература

1. Алиев К. М. Шаухалы Тарковские. Махачкала, 2008.
2. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. д. 450. Л. 1.
3. ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 4. Л. 111 об.
4. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. д. 450. Л. 2.
5. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. д. 450. Л. 15.
6. ЦГА РД. Ф. 71. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.
7. Алиев К. М. Шаухалы Тарковские. Махачкала, 2008. С. 81.

8. ЦГАРД. Ф. 187. Оп. 2. Д. 2. Л. 22 об.
9. *Алиев Камиль*. Крым-шаухалы в событиях XVI–XVIII вв. // kumukia.ru/article-117.html
10. К. М. Алиев считает его сыном Сурхая и братом шамхалов Герея и Эльдара.
11. РФ ИИАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
12. ЦГАРД. Ф. 187. Оп. 2. Д. 2. Л. Л. 106 об.
13. ЦГАРД. Ф. 187. Оп. 2. Д. 2. Л. Л. 107–108.
14. Записано со слов Уллубия Шейхульисламовича Велибекова.
15. *Акбиев А. С.* Кумыки: вторая половина XVII- первая половина XVIII. Махачкала, 1998. С. 98.
16. ЦГАРД. Ф. 187. Оп. 2. Д. 2. Л. 131.
17. АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 6.
18. *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 210.
19. ЦГАРД. Ф. 187. Оп. 2. Д. 2. Л. 126.
20. ЦГАРД. Ф. 187. Оп. 2. Д. 2.
21. *Идрисов Ю. М.* XX век в зеркале фамильной истории Тарковских // Ёлдаш, 7 марта, 2014.
22. <https://www.familytreedna.com/public/KBalkarDNA/default.aspx?section=yresults>.

М. Р. Кулиев
(г. Нахичевань, Азербайджан)

НАХИЧЕВАНСКИЕ ЗУЛЬФУГАРХАНОВЫ

В литературе по истории Нахичеванского ханства нечасто упоминается имя хана Шукруллы, сына хана Гейдаргулу Кенгерли. Его биография и деятельность (в ряде источников он упоминается как Шукурали-хан) практически не изучены. В Институте рукописей Национальной академии наук Азербайджана хранится любопытный документ, текст которого вошел в книгу специалиста по истории ханов Кенгерли Эльмиры Сейидбейли. В нем говорится: «Шукрулла-хан, сын Гейдаргулу Кенгерли, указом Керим-хана Зенда от 1768 года стал «независимым ханом», т. е. удостоен титула властителя, и наряду с этим назначен командиром всей кавалерии кенгерли, прославившись как командир тумена» [1, с. 8].

Приходится с сожалением констатировать, что азербайджанские историки упустили из виду Шукруллу-хана, который не только оставил заметный след в военной истории Нахичеванского ханства, но и немало сделал для благоустройства города. Крайне скудная информация о нем содержится в книге Фуада и Мирабдуллы Алиевых «Нахичеванское ханство»: «Пользуясь тем, что Нахичеванский ханский престол оказался незанятым, и хаосом в правящих кругах, Шукурали хан, один из влиятельных феодалов Нахичевана, в 1785 году захватил власть. Других документов о правлении Шукурали хана, кроме документа от 17 февраля 1785 года, хранящегося в Центральном государственном военно-историческом архиве (г. Москва), в Нахичеване не обретоно.

Шукрулла-хан недолго продержался у власти – два года спустя он был свергнут Джафаргулу-ханом» [2, с. 57].

Однако, вопреки этому замечанию авторов книги, в имеющихся у нас документах, относящихся к 1768-му, 1770-му, 1777-му годам, Шукрулла-хан упоминается как правитель Нахичеванского ханства [6, с. 108]. Из этих документов следует, что он правил ханством с 1768-го по 1778-й годы, хотя, возможно, и с перерывами. Автор этих строк ведет изыскания по данной теме. Весьма интересно, что во всех документах Шукрулла-хан представляется не только как человек высокородный и баловень судьбы, но и как достойный и справедливый повелитель. Иллюстрацией сказанного может служить доверенность от 27 мая 1770 года, написанная относительно притязаний на наследство Ханымджан и Шереф, дочерей некоего Алимардан-бека. В доверенности читаем: «Достойные и полномочные наследницы покойного Алимардан-бека по имени Ханымджан и Шереф и по прозвищу Боюкханым и Балаханым приняли в качестве защитника обладателя высочайшего положения Шукрулла-хана в связи с иском на принятие в свое владение поместий, деревень и прочая» [3, с. 84].

Заметим, что упомянутый здесь Алимардан-бек – сын правителя Нахичеванского ханства Джафаргулу-хана. При всестороннем изучении документов выясняется, что в бытность правителем ханства Шукрулла-хан достиг заметных успехов. В одном из документов сказано: «Шукрулла-хан Кенгерли был правителем, который принес в государственных делах больше всего пользы и заслужил больше всего благодарности...» [4, с. 159].

В книге «Передняя Азия в документах», посвященной памяти известного языковеда Н. Я. Марра, имеется первая часть «Рукописные документы Нахичевана (XVII–XIX вв.)», где указывается, что Нахичеван долгие годы отправлял кавалерийские отряды конницы кенгерли к услугам государства Сефевидов. Здесь приведено и имя командира этих кавалерийских отрядов [5, с. 10, 54].

Однако согласно документу, хранящемуся в секторе археографии Института рукописей НАНА и изученному историком Эльмирой Сейидбейли, после сосредоточения власти в Нахичеванском ханстве с 1777 года в руках Шукруллы-хана, внука

астрабадского беглярбека Муртазагулу Кенгерли, он в 1780 году распорядился принять меры по совершенствованию подготовки и выучки кавалерийских отрядов конницы кенгерли. Под командованием Шукруллы находились 10 тысяч бойцов конницы кенгерли, или, как их называли, «нахичеванской кавалерии» [6, с. 108]. Ему помогали в делах дядя Велигулу и Аббасгулу. Сказанное позволяет сделать вывод, что Шукрулла-хан был не только умным правителем, но и достаточно искусственным военачальником. Думается, что в архивах имеются материалы об этом, которые ждут своего исследователя.

Дата рождения Шукруллы-хана пока достоверно не известна. В 1783 году он погиб на войне [7, с. 24]. Зато в документах сохранилось немало сведений о проведенных им работах по благоустройству. В селах Азад-Джиран и Гарабаглар имелись поместья и земельные угодья Шукруллы-хана. Согласно архивным материалам, потомки его носили фамилию Зульфугаров. Об этом свидетельствует заявление в Эриванскую бекскую комиссию от Зульфугар-хана, одного из потомков Шукруллы: «Житель города Нахичевана Зульфугар-хан, сын Шукруллы-хана, 5 октября представляет список и генеалогию своей семьи. В заявлении Зульфугар-хан указывает, что его прадед Гейдаргулу-хан и его сын Шукрулла-хан управляли Нахичеванским уездом и Азад-Джиранским округом, а его дед Зульфугар-хан – Азад-Джиранским округом. Другие показанные ему имена не узнал. Знает живущего в Иране двоюродного брата Аббасгулу. Он желает записаться под фамилией Зульфугаров в честь своего деда Зульфугар-хана».

А вот представленный Зульфугар-ханом список членов семьи: 1) Зульфугар-хан 38 лет, его супруга Тукезбан-ханум 30 лет, их сыновья Хумай 2 года и Шукрулла 1 год, дочери Говхар 8 лет, Гадамбейим 5 лет; 2) Джахангир 24 лет; 3) Амираслан 15 лет. Имеющиеся материалы показывают, что у Гейдаргулу-хана было два сына от второго брака – Рагим и Шукрулла. Из них Рагим-хан жил в Иране, как и его дети. Сын Шукруллы – Зульфугар-хан, а его сын Шукрулла – отец заявителя Зульфугара и его братьев [8].

Вышеприведенный документ относится к 1859 году. Иреванская бекская комиссия дала на заявление положительный ответ,

подтвердив ханское происхождение его рода. Отметим, что этот документ немало содействовал в уточнении генеалогии ханов Нахичеванских. Было подтверждено, что носители фамилии Зульфугарханов, а при советской власти – Зульфугарлы являются потомками Шукруллы, одного из представителей рода ханов Кенгерли.

Упоминавшиеся в списке членов семьи Зульфугар-хана его сыновья Хумай и Гусейнгулу жили в Нахичеване. Во многих архивных документах упоминаются села и земельные угодья, унаследованные Гусейнгулу от деда. Он владел обширными пастбищами и посевными участками вблизи Нахичевана и ряда соседних с городом селений, которые также были его собственностью.

Будучи одним из богатейших людей уезда, Гусейнгулу-хан тем не менее отличался простотой и вежливостью в общении с окружающими без различия согласно общественному и имущественному положению. Он родился в 1878 году в Нахичеване, окончил городскую русскую школу, а затем продолжал образование в Иреване и Тифлисе. После установления в 1920 году советской власти подвергался репрессиям, в том числе аресту, а согласно одному документу, относящемуся к 1928 году, он сам и его супруга Гюльзар-ханум были поражены в избирательных правах. По свидетельствам его детей, Гусейнгулу Кенгерли в годы советской власти работал в таможенном управлении Джульфы, преподавал русский язык в нахичеванской школе. У него восемь детей: Джелал, Гадир, Надир, Бахадур, Гамида, Таджира, Мина, Сабир. Из них Гамида-ханум до конца своих дней с гордостью рассказывала о семейной генеалогии, берущей начало с Гейдаргулу-хана.

Гусейнгулу Кенгерли умер в родном Нахичеване в 1952 году, в возрасте 74 лет. Очень интересна и необычайна судьба этого человека, достойная отдельного исследования. Потомки Гусейнгулу-хана и сегодня продолжают дело предков и достойно служат укреплению азербайджанского государства, процветанию Родины.

Выше мы отмечали, что Шукрулла-хан вел в Нахичеванском уезде немалую созидательную работу. Например, он отремонтировал мост через реку Нахичеван-чай, построенный его отцом, и этот мост стоит и поныне. Многое сделано им в известном свя-

тилище Асхаби-Кехф. В этом святилище имеются несколько каменных надписей, на которых, по данным исследователя Фахреддина Сафарли, выведены 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 17-й, 18-й аяты коранической суры «Ал-Кахф» – «Пещера». Мраморная стела, на которой были выбиты священные тексты, от времени пришла в негодность. Ввиду этого по приказу Шукруллы-хана тексты были в 1766 году переписаны на другой камень, который установлен на том же месте.

Литература:

1. *Seyidbəyli Elmira*. Naхçivan torpaq mülkiyyətində aid XVI–XVIII əsr Kəngərli arxeografik sənədləri. Bakı: Elm, 2000, 229 с.
2. *Əliyev F. M., Əliyev M. M.* Naхçivan xanlığı Bakı: Azərnəşr, 1996, 106 с.
3. *Seyidbəyli Elmira*. Там же.
4. *Seyidbəyli Elmira*. Там же.
5. Передняя Азия в документах (серия памяти Ю. Н. Марра. Книга 1. Нахичеванские рукописные документы XVII–XIX вв. Тифлис: Издательство Грузинского филиала Академии Наук СССР, 1936, 141 с.)
6. *Seyidbəyli Elmira*. Там же.
7. *Naхçivan tarixi*. Naхçivan: Əsəmi, 2014, III cildə, II cild, 527 с.
8. Национальный Архив Республики Армении: ф. 89, оп. 1. Д. 269.
9. Семейный архив Гусейнгулу хана (у автора)

М. А. Цагараев
(г. Владикавказ, Россия)

В ПОИСКАХ ЗАКАВКАЗСКОЙ ВЕТВИ ОСЕТИНСКОЙ ФАМИЛИИ ЦАГÆРАТÆ

В генеалогических преданиях Цагараевых, бытует устойчивая версия о переселении части патронимии из Цымытинской общины (селение Хидикус) в Закавказье (Фасхох) [1].

В начале XVII века, при примирении фамилий – кровников, по решению Цымытинского общества, Цагараевы должны были покинуть родовое селение и переселиться на принадлежащие Цымытинской общине земли, в Уаллагком. В соответствии с преданием – семьи непосредственных исполнителей кровной мести, не согласные с решением ныхаша общины [2] – покинули родной аул и ушли в Грузию, чтобы не раздувать всё еще тлеющую вражду. Семья убитого кровниками Науруза осталась жить в с.Хидикус.

С той поры след ветки ушедшей в Грузию теряется. Однако в фамилии устоялось мнение, что грузинская фамилия Цагарейшвили проживающая в селениях Целукидзевского района Грузии считается потомками этих переселенцев.

Предпринятый нами генеалогический поиск, посредством опроса представителей грузинской фамилии Цагарейшвили, изучения архивных материалов сайта Мемориал Министерства Обороны РФ, дал следующие результаты: в соответствии с полученными данными фамилия Цагарейшвили происходит из имеретинской деревни Гоча-Джихаиси, Хонского района Грузии. Все носители фамилии Цагарейшвили составляют одну патронимию

(однофамильцев нет) и являются выходцами из этого селения. Истоки фамилии Цагарейшвили ведут в селение Цагери, что находится в Лечхуми (Нижняя Сванетия). Родоначальником этой фамилии является сван Гоча Девдариани, который был вынужден покинуть Цагери и обосноваться в местечке Джихаиси. Новое поселение люди назвали его именем Гоча-Джихаиси. А скрывающийся от кровников Гоча Девдариани взял себе новую фамилию по имени своей родины – Цагарейшвили – то есть ведущий происхождение из Цагери [3].

Относительно ранней истории фамилии Цагарейшвили существует следующее предание: Девдариани – старинный сванский род. Их родина – Лечхум (Нижняя Сванетия). Во времена царицы Тамары, представители этого рода служили в охране царицы, за это всей фамилии был пожалован дворянский титул. У Гочи было два старших брата. Когда он был еще мал, его братья стали кровниками, и под угрозой кровной мести вынуждены были покинуть родину. Один брат ушел в Турцию, второй по преданию в Ванский район, а своего младшего – Гочу, братья оставили в Джихаиси. По данным информаторов, эти события произошли в конце XVII- начале XVIII веков.

Сванская фамилия Девдариани существует и в наши дни, однако родственные связи Цагарейшвили и Девдариани не поддерживают. Напротив, представители фамилии Цагарейшвили настойчиво соотносят себя с другой грузинской этнографической группой – имерли (имеретинцы) [4].

На этом, казалось бы, можно поставить точку, но предпринятый поиск дал и несколько неожиданный результат. В сёлах Кахетии и Шида Картли проживает небольшая по численности фамилия Чагарашвили. Взрослые носители данной фамилии имеют смутные представления о своем происхождении, связывая возникновение своей патронимии с переселенцем по имени Чагара – имя которого, по их мнению, переводится как «седой» [5]. Мы намерены продолжить исследование этой грузинской фамилии на предмет установления патрилинейных генеалогических связей с осетинской фамилией Цагараевы – Цæгæратæ.

Использованные источники и литература

1. Цагараев М.А. «О происхождении фамилии Цагараевых»/Генеалогия народов Кавказа, традиция и современность: вып. II; УРАН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010, с.264–270.
2. Ныхаш общины (осет. ныхас) – Народное собрание. Форма народовластия и самоуправления во всех традиционных общинах Осетии до вхождения в состав Российской империи.
3. По этой же аналогии, от названия селения Цагери, происходит другая имеретинская фамилия Цагарели.
4. Фамильное предание «О происхождении имеретинской фамилии Цагарейшвили.». Записано Цагараевым М.А., со слов Цагарейшвили Г.А. (67 лет) в 2011 году, г. Кутаиси (из личного архива автора).
5. Согласно генеалогическому преданию родоначальник осетинской фамилии Цагараевых, родился абсолютно лысым, за что и был назван Цагара – от осет. цагæр – лысый.

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. М. Гарсаев, А. М. Гарасаев,
Т. С. Шаипова, М. М. Гарсаева
(г. Грозный, Россия)

ТАЙП ПЕШХОЙ (ИСТОРИЯ, ВЕТВИ, ЮМОР, РАССКАЗЫ, РАССЕЛЕНИЕ)

Что означает название тайпа Пешхой?

Известный чеченский писатель Магомед Мамакаев отмечает: «специальных работ о чеченских тайпах, к сожалению, все еще нет. Отдельные статьи дореволюционных советских историков, затрагивающие вопросы тайпов Чечни, на наш взгляд, страдают серьезными недостатками, главным из которых является почти полное отсутствие в них конкретных материалов, характеризующих общественный строй чеченцев того периода. В работах этих историков описаны явления надстроечного характера, а социальные мотивы, вернее подлинные причины этих явлений остались нераскрытыми» и поясняющих этимологию и содержание наименований чеченских тайпов, добавим от себя. Тайп (по-арабски «тайфа») – группа, круг, сообщество людей. Надо полагать, что это слово попало в чеченский язык с возникновением мусульманской религии. До появления этого арабизма в чеченском языке бытовало другое слово – «ваьр», точно соответствующее слову «род» («ваьр» – по-чеченски «рожденный») [1].

Этнограф А. С. Сулейманов этнониму *Пешхой* дает следующее пояснение: «Пешха, пешхой:

1. пшавы (грузинск.) – ледников жители, чеч.шуйой;
2. кабардинск. пшы – князь;
3. тюрковайнахское паш, паша, баш, басчы, баьчча – главенствующие, верховодящие» [2].

Профессор Ю. Д. Дешериев среди других нахских племенных названий этноним Пешхой определяет, как «не поддающееся этимологическому объяснению» [3]. Тем не менее эти суждения не дают окончательного и утвердительного ответа этимологии этнонима Пешхой.

Исходя из суждений представителей чеченской академической науки (Я. Вагапова, А. Сулейманова Ю. Дешериева, К. Чокаева, М. Мамакаева, И. Алероева) и предания урус-мартановских пешхоевцев, краевед Домбаев Хамзат этимологию этнонима *Пешхой* (на основании фонетических, морфологических морфемных, межязыковых, географических, военно-прикладных факторов) объясняет нижеследующими обстоятельствами:

1. Ю. Д. Дешериев, определяя этноним *Пешхой*, как не поддающееся этимологическому объяснению, формой его записи показывает, что это слово сложное и состоит оно из двух частей «*Пеш-хой*».

Первая часть этого этнонима – *Пеш* – по толкованию А. С. Сулейманова во всех четырех языковых транскрипциях: грузинском (ледниковые люди), кабардинском (князь), тюрском (паш, паша, баш, басчы), нахском (баьчча), – при приложении к роду деятельности человека, людей по смыслу означает – главенствующие, верховодящие.

Истолковывая топоним Иашхойн-Марта А. С. Сулейманов о части *хой* пишет следующее: «Иашхой – этноним от Iашшк, хой – железные воины», таким образом, Iашшк (чеч. эчиг) – железо, а хой означает воин [4].

Раз в этнониме Пеш-хой первая часть баш → паша → паш → пеш – обозначает руководитель, а вторая часть хой – обозначает воины, то этноним Пешхой означает руководитель войск, воинов (бIо баьчча, тIемалойн баьчча).

2. В пользу того, что этноним *Пешихой* обозначает руководитель войск свидетельствует и то, как А. С. Сулейманов пишет: «В военной терминологии вайнахов сохранились названия родов войск: дошлой, ширдой, глашлой, гимарой, члуной, члухой, глалглай, пхой, пхьархой, сурхой, хой, кей, саьрбалой, зандакхой, тларгимхой, тлорчхой, пялингхой, аьрзи и мн.др. Вероятно, члуной и члухой относятся к сословной военной касте, которая образовывала легкие подвижные соединения пеших войск, вооруженных дротиками и короткими мечами» [5].

Раз были рода войск, то должны были быть кроме командиров и военные специалисты, объединяющие возможности и усилия родов войск при защите страны. Поэтому вероятнее всего пешхой относились к сословной военной касте, занимавшейся вопросами тактики и стратегии, квалифицированно осуществлявшей руководство различными родами войск.

3. Тайповый профессионализм был делом обычным в нахских обществах, например, Блавлой были хорошими строителями, а Овлдой – хорошими мореходами. Пальма первенства майстинского суда была общепризнанной, как самого квалифицированного в знании, толковании, кодификации вайнахских адатов, хотя адатские суды были у всех тайпов. Но когда возникали судебные споры, то обращались, как к последней инстанции судебной истины и справедливости к майстинскому суду, решение которого бывало окончательным и не подлежащим обжалованию.

4. О том, что пешхоевцы относились к сословной военной касте свидетельствует и такое предание, которое гласит, что в стародавние времена представители пешхоевцев были приглашены племенными вождями садоевцев и орселоевцев для обучения их воинов военному искусству. Как отмечает А. С. Сулейманов, за успехи в ратном деле и усердие в обучении пешхоевцам была подарена территория в горах для проживания «Пешхойн лам – на юге с. Махкеты. Предание: Пешхо – князь выиграл эту гору и дочь-красавицу у Садо-князя» [6]. На указанных в цитате соревнованиях основными соперниками в финале были пешхоевцы и орселоевцы. Соревнования закончились поражением последних. Из-за этой неприязни орселоевцы вынуждены были переехать некогда приглашенных ими пеш-

хоевских инструкторов на свою исконную дедовскую территорию, а название горы осталось по сей день, хотя после этого там пешхоевцы и не проживали. После изгнания своих соплеменников из гор Ичкерии пешхоевцы ответной мерой со своей территории вынудили орсело-мартановцев, основавших и проживавших в селении Орселей-Мартан, переселиться на свои родовые земли. И спустя годы основное кем-то или каким-то тайпом селение на месте Орселей-Мартан было названо Хьалха-Марта (Передний Мартан).

С течением времени по лексическим законам палатализации этноним *Орселей* трансформировался в *урус* и поэтому город Урус-Мартан имеет два названия *Урус-Мартан* и *Хьалха-Марта* (Передний Мартан).

5. Есть и такое предание, которое подчеркивает военно-тактическую сметливость пешхоевцев. Дело было во времена Имамата Шамиля. Летом 1848 года русские войска построили укрепление на том месте, где сегодня находится административный центр г. Урус-Мартан. В те времена это место было северо-восточной окраиной села Урус-Мартан, южной окраиной Жарган-Юрт и юго-восточной окраиной Пешхой-Юрт. Укрепление Мартан с западной стороны был защищен высоким крутым берегом реки Мартанки, а остальные его стороны были окопаны и обнесены высоким земляным валом, за которым был лес, прорубленный русскими войсками в целях своей безопасности на прицельно-ружейно-пушечный выстрел.

Имам Шамиль приказал немедленно уничтожить это укрепление. Чеченские войска под командованием наиба Малой Чечни аварца по национальности Кебет Магомы систематически атакующая укрепление, пытались уничтожить его или вынудить русские войска уйти из этого укрепления. Русские держались уверенно и отбивали все атаки чеченцев.

Поздней весной 1849 года Имам Шамиль приезжает в селение Пешхой-Юрт и, собрав там своих наибов, заявляет им, что он снесет их головы вместе с чалмами, если они в ближайшее время не уничтожат укрепление Урус-Мартановское. На этом же военном совете вместо аварца Кебет Магомы Наибом Малой Чечни Шамиль назначает чеченца Успанова Саидуллу (по одним сведени-

ям пешхоевца, по другим – нихалоевца, племянника пешхоевцев) и клянется, что в дальнейшем над чеченцами он будет назначать наибами людей чеченской национальности.

Рокировку наибов и такое клятвенное заявление Шамиль сделал из-за того, что до него ранее доходили слухи, что чеченцы, недовольные Кебет Магомой, ропщут на него и они давно бы разгромили Урус-Мартановское укрепление русских, если бы ими командовал наиб-чеченец. И, действительно, после назначения наибом Саидуллы через несколько месяцев это пресловутое укрепление пало, благодаря сметливости и оригинальной гидротехнической мысли чеченца-пешхоевца, предложившего в верхнем течении Мартанки изменить ее русло так, чтобы она не протекала мимо укрепления Урус-Мартановское.

Это и было сделано в самую знойную пору отцветения кукурузы, то есть во второй половине июля и в начале августа. Русские, оставшиеся без воды, обессиленные и изнуренные жаждой, через две недели покинули укрепление. Они при своем отступлении уничтожали поспевающие урожаи и сады. Но и чеченцы не оставались в долгу, сопровождая отступающие колонны войск систематическими налетами на фланги и арьергард, и за каждый срубленный стебелек урожая и деревце, заставляли русских класть по одной жизни своих солдат.

Таким образом, можно сделать вывод, что этноним Пешхой означает военный специалист (главенствующих войск, верховодящих воинов).

На какие гары, некие делятся представители тайпа Пешхой, проживающие в г.Урус-Мартан

Тайп у чеченцев – по одной версии – патриархальная, экзогамная группа людей, происходящих от одного общего предка. Известны пять терминов, служащих для обозначения составляющих тайп социума: доьзал (семья), ц1а (дом), некий (дороги), гар (ветви), ваьр (род) – обозначающие в возрастающем порядке крупные родственные группы, представляющие собой определенные общественные, территориальные и кровнородственные единства.

Некый – это третье поколение. И если перечислять сегодняшних пешхойн некье, проживающих в Урус-Мартане, то придется переписать очень большое количество социумов. Поэтому ограничимся перечислением пешхоевских родов (ваьр), которые со времен конца XVI и начала XVII веков, то есть второй реконкисты пешхоевцев с гор на равнину Малой Чечни, были некый.

Тайповое многообразие в Урус-Мартане, как по всей Чечне – давняя особенность региона [7]. Здесь в настоящее время с начала позднего средневековья проживают нижеследующие пешхоевские роды (ваьр), представители которых называют себя некый: 1. Х1инк некый, 2. Никх тесна некый, 3. Хьонка некый, 4. Акха пешхой некый, 5. Берса некый, 6. Къамкъарга некый, 7. Боьршмане некый. Это количество некый, которое точно установлено. А есть ли еще ...?

У перечисленных выше урус-мартановских пешхоевских обществ (некый) есть предание о переселении с гор на равнину трех братьев – родоначальников: Х1инк некый, Хьонка некый (хьонка – черемша, черемшовые), Никх тесна некый (улей брошенные). Через десятилетия после падения золотоордынского ханства, ухода татаро-монгольских кочевников и войск среднеазиатского завоевателя Тимура с Северного Кавказа три брата-пешхоевца решили переселиться на равнину междуречья Мартанки и Гехинки. Старшего брата звали Х1инк, а вместо имен среднего и младшего братьев до нас дошли лишь их прозвища Хьонка (черемша) и Никх (улей). Эти прозвища явились следствием того, что, спускаясь на равнину, братья шли горами по ущелью реки Мартанки. Когда они с высокогорного урочища *Пешхойн лам* спустились на приличное расстояние, братья наткнулись на поляну, обильно поросшую черемшой. Средний брат, огородив эту поляну остался жить там. После дальнейшего продвижения оставшиеся братья наткнулись на огромное дерево, развороченное ветром, в дупле которого был дикий улей с медом. Посчитав это место благоприятным, младший брат остался жить там. Вследствие этих обстоятельств из тьмы веков вместо имен этих двух братьев до нас, их потомков, дошли лишь их клички Хьонка (черемша) и Никх (улей).

А оставшийся Х1инк добрался до того места, с которого две-

сти лет тому назад уходили в горное урочище Пешхойн лам его предки, спасаясь от нашествия монголо-татар и войск Тимура, и обосновал селение Пешхойн-Юрт, который в ранних русских письменных источниках фигурирует «как ориентир предполагаемого нового маршрута московских послов в Грузию в 1601 г., упомянут в посольском отчете Пешинский кабак», а в более поздних-как «Пешхой на Рошня». Именно это селение с пешхойцами, начиная с 1864 года по 1881 год, поэтапно было подселено к русской крепости Урус-Мартан с северо-западной стороны. Сейчас об этом селении напоминает лишь родовое кладбище пешхоевцев, которое находится в семистах метрах на северной окраине того места, где до 1881 года было цветущее селение Пешхойн-Юрт.

Рассказы, юмор о пешхойцах

а) Беноевцы и чантийцы, живущие рядом через реку Мартанку с пешхойцами, говорят о последних: «Шинарш дуу пешхой» (телок *пожирающие* пешхой, в смысле – ворующие). На это Урус-Мартановские пешхойцы особо не обижаются, потому что в этой шутке есть доля правды. Так, и в настоящее время (не хочу их называть) представители одного Урус-Мартановского пешхоевского некое частенько попадают на воровстве чужой живности.

б) Приметой Урус-Мартановского пешхоевца является то, что сидеть он может лишь опершись. Поэтому-то и говорят в народе: «Пешхо д1атаб1ний бен 1алуш вац».

в) В чашечку с кашей, обедающему на прополке пешхоевцу, запрыгивает кузнечик. Он его выкидывает и продолжает есть. Опять запрыгивает кузнечик в кашу. Пешхоевец аккуратно вынимает его и опять выкидывает подальше в сторону. Через некоторое время этот упитанный длинноногий зеленый кузнечик в третий раз запрыгивает в кашу уставшего от прополки пешхоевцу.

На этот раз пешхоевец схватил кузнечика и проглотил его со словами: «А ну, кузнечик, подтяни-ка свои ножки» (Ши ког хьала озалахьа хьайн, цаьпцалг).

До последнего времени Урус-Мартановские пешхойцы, когда речь заходила о чести и справедливости, вспоминали ученого

алима – Асуханова Адиза, репрессированного и расстрелянного в 1937 году органами НКВД, справедливо решившего спор двух старцев, один из которых (Асуха) был его отцом. После весеннего паводка в пойме реки Мартанки Асуха расставил вешки – знаки того, что все дрова, вынесенные паводком на берег в данной пойме, его собственность. Пришедший после него Буса, сосед Асухи, не обращая внимания на вешки, стал собирать себе дрова в кучу.

Возмущенный Асуха заявил, что тот собирает его дрова, поскольку он пришел первым и пометил пойму вешками. Буса стал оспаривать право Асухи на дрова своими аргументами. Не оспарив друг друга, старики решили обратиться к какому-нибудь алиму. Когда речь зашла о персоне алима-судьи, Буса предложил, чтобы их рассудил не кто-нибудь иной, а сын Асухи-Адиз. Когда старики пришли и изложили суть спора, Адиз, внимательно выслушав их, потупив взор, сказал своему отцу: «Ва Асуха, и Марта хъайна дечиге дахана дара-м ца моьтту Хьуна». (Асуха, неужто думаешь, что Мартанка (река) за дровами ходила для тебя).

Долгое время до наступления новых времен урус-мартановские пешхоевцы клялись набожностью и именем Адиза: «Адизас каралаьцначу Кьораннор!», «Адизас дешначу Кьораннор!» (Клянись Кораном, прочитанным Адизом!).

Расселение представителей Пешхой на территории Чечни, России и Зарубежья

Пешхойцы в настоящее время проживают в следующих населенных пунктах Чечни:

1. Гихи-чу	8. Алхан-Юрт	15. Шами-Юрт
2. Танги-чу	9. Грозный	16. Ачхой-Мартан
3. Рошни-чу	10. Знаменское	17. Хамби-Ирзе
4. Валерик	11. Бена-Юрт	18. Шалажи
5. Гехи	12. Ермоловка	19. Цацан-Юрт
6. Бердыкел	13. Гойты	20. Ойсангур
7. Горогорск	14. Катыр-Юрта	21. Урус-Мартан

Добавим к вышесказанному, что пешхоевцы проживают в г. Малгобеке и в селе Пседах (кабард. живая вода – Л. Г.) – РИ. Тамошние пешхоевцы носят фамилию Пешхоевы.

В России пешхой проживают в Москве, Ленинграде, Владивостоке, Ростове, Кондопоге, Твери, Уренгое, Тюмени.

В зарубежье – в Казахстане, Сирии, Иордании, Турции, Германии, Франции, Польше.

Известные люди из тайпа Пешхой

1. Известным и уважаемым человеком был и является народный артист РСФСР пешхоевец Димаев Умар «Доктор музыки». Родился он в Урус-Мартане и всю жизнь, с 1908 по 1972 годы, профессионально занимался музыкальным искусством. Сам сочинил огромное количество музыкальных ритмов и модернизировал некоторые народные мелодии. В юности свое музыкальное мастерство Умар совершенствовал, общаясь со знаменитыми в то время на всю Чечню гармонистами: Гадаевым Юсупом из Атагов, Алхавым Ильясом из Бачи-Юрта, Арсангиревым Абу из Урус-Мартана. Музыкально-творческая деятельность Димаева начинается с момента его поступления в 1929 году на работу в местный радиозел. О его музыкальном даре узнает широкая общественность.

Умар Димаев, как хороший гармонист, был в эти годы очень востребован на всех увеселительных мероприятиях не только сел Урус-Мартановского, но и других районов нашей республики.

С 1932 года Димаев работает в чеченском национальном театре, а затем и в республиканском радиокомитете солистом-гармонистом в народном инструментальном оркестре.

Во время Великой Отечественной войны часто в составе чеченского инструментального ансамбля с концертами выезжал в прифронтовые районы. В 50-е годы XX века, участвуя во Всесоюзном музыкальном конкурсе народов СССР, Димаев занимает третье место. До выселения чеченцев и после их возвращения на родину, в конце 50-х и начале 60-х годов XX века все постановки чеченского национального театра сопровождались музыкой и музыкальными ритмами Умара Димаева.

В истории музыкального искусства чеченского народа он занимает самое почетное место. Не только пешхойцы, но и все чеченцы помнят и чтут Димаева. Чтобы его имя и дела были на слуху, его благодарные земляки-урус-мартановцы еще в советские времена районному дому культуры присвоили имя виртуоза-гармониста и композитора Умара Димаева.

2. Известным является пешхоевец Буокий Цухаш – герой одноименного чеченского сказания «Бокаран Цухушан илли», опубликованного в «Нохчийн (чеченский – Л. Г.) фольклор» Т. IV. События, описываемые в илли, скорее всего относятся к XVII–XVIII векам. В названном илли характеризуются разные стороны деятельности Цухаша, в том числе и его участие в политических событиях XVII–XVIII в. по укреплению добрососедских отношений с народами Кавказа и сохранению территориальной целостности Чечни.

3. Другим известным пешхоевцем был Магомед Тимербиевич Индербиев, проживший с 1922 по 2007 годы яркую и светлую жизнь. Он прошел всю Великую Отечественную войну. После восстановления нашей республики с начала 1960-х по 1988-ые годы работал министром здравоохранения ЧИАССР. На этом посту сделал многое для развития медицинского обслуживания и оздоровления населения. Так, например, Магомед был инициатором проложения водопроводной системы и нормального водоснабжения населения Урус-Мартана, которое вплоть до середины 1970-х годов использовало для своих нужд проточную воду реки Мартанки и Рошни. До конца своих дней занимался общественной деятельностью. В тяжелые времена последних чеченских войн возглавлял республиканский комитет ветеранов Великой Отечественной войны. В 1988 году написал книгу «Фронтная память». Эта книга – документальная повесть, посвященная событиям военных лет 1941–1945 годов.

Память о Магомед Индербиеве (в народе его звали Дуда) урус-мартановцы увековечили, назвав одну из своих центральных улиц его именем.

Всех известных и достойных пешхоевцев все равно не перечить, поэтому и закончу свое повествование о них словами ака-

демика Ибрагима Юнусовича Алироева: «А сколько их, безымянных, простых, но благородных носителей национального духа, горячих патриотов своего народа жили и живут сейчас среди нас? Имя им – легион».

Таким образом, пешхоевцы завоевали достойное место в созвездии многочисленных чеченских тайпов своим мужеством, патриотизмом, крепким иманом и милосердием [8].

Каждый человек, кому небезразличны свои корни, должен знать свою родословную, имена предков до седьмого колена. Это долг каждого из нас перед памятью наших предков [9].

В заключении особо благодарим краеведа Хамзата Домбаева из тайпа Пешхой, за оказанную всестороннюю помощь при подготовке данной статьи.

Использованные источники и литература

1. *Мамакаев М.* «Чеченский тайп в период его разложения» Чечено-Ингушское книжное изд., Грозный, 1973. С. 5.
2. *Сулейманов А. С.* «Топономия Чечни», Грозный-2006. С. 54.
3. *Дешериев Ю. Д.* «Сравнительная историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов» Чечено-Ингушское книж. изд. 1963 г. С. 54.
4. *Сулейманов А. С.* «Топономия Чечни», Грозный-2006. С. 407.
5. *Сулейманов А. С.* «Топономия Чечни», Грозный-2006. С. 127.
6. *Сулейманов А. С.* «Топономия Чечни», Грозный-2006. С. 269.
7. *Гарсаев Л. М., Гарсаев А. М., Шаипова Т. С., Гарсаева М. М.* К вопросу об этническом обществе Гуьна (Гуной) // Труды КНИИ РАН. Грозный, 2014. Вып. 7. С. 230.
8. *Гарсаев Л. М., Гарсаев А. М., Шаипова Т. С., Гарсаева М. М.* Сборник материалов V ежегодной итоговой конференции профессорско-преподавательского состава ЧГУ. 23 февраля 2016 г. Грозный, 2016. С. 234–240.
9. *Гарсаев Л. М.* Об основании, тайповом составе и топонимии села Бердыкель // Вестник ЧГУ. 2014. Вып. 2. С. 96.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Нохчийн къоман юкъяраллин
терхеш а, гергарлонаш а, юкъяраллин
коьрта нах а**

р/№	Юкъяраллин терхи цӀе	Адамийн юкъяраллин цӀе	Гергарлонийн цӀе	Коьртачу стеган цӀе
9	Къам	Нохчийн	Вайн нах	Мехкан да
8	Тукхум	Нохчамахкахой, Шарой, ЧӀаьнтий, Эрштой, Шуотой, Аьккхий, Чебарлой, Маьлхий, ТӀерлой	Тукхуман нах	Лора да
7	Тайпа	Тайпанийн цӀераш	Тайпана нах	Тхьамда
6	Ваьр	Юккъера нах	Юкьйобькъург	Вераса (тана)
5	Гар	Гара нах (цӀийнан нах)	Вовхтар	ЦӀийна хьалхара стаг (Ваги)
4	Некхий	Кхочура нах	Маьхча	Воккха стаг (нака)
3	ЦӀа	Кертара нах	Шича	Кертан да
2	Добзал	Добзалхо	Да,нана, йиша,ваша	Добзалан да
1	Адам	Уьйраш, уьйра-безам		

Приложение 2

**Наименование иерархии социумов, общности людей, их
родства и лидеров общностей чеченского этноса.
Традиционная структура чеченского общества.**

п./№	Наименование социума	Наименование общности людей	Наименование родства общностей	Наименование лидера общности
9	Нация	Чеченцы	Наши люди	Отец страны
8	Фратрия (Союз племен)	Наименование девяти фратрий	Люди союзных племен	Почитаемый отец
7	Племя	Наименование племен	Люди племени	Вожьд
6	Род	Люди нашей среды	Пятиродный	Опекун. Ответственный старейшина
5	Колено	Коленные люди	Четырехродный	Старейший поколений
4	Фамильные	Обязанные люди	Троюродный	Старейшина
3	Дом	Люди одного двора	Двоюродный	Хозяин двора
2	Семья	Член семьи	Отец, мать, брат, сестра	Отец семьи
1	Человек	Общественные, личные связи с людьми		

Составил краевед Домбаев Хамзат Вахидович из пешхоевцев Урус-Мартана.

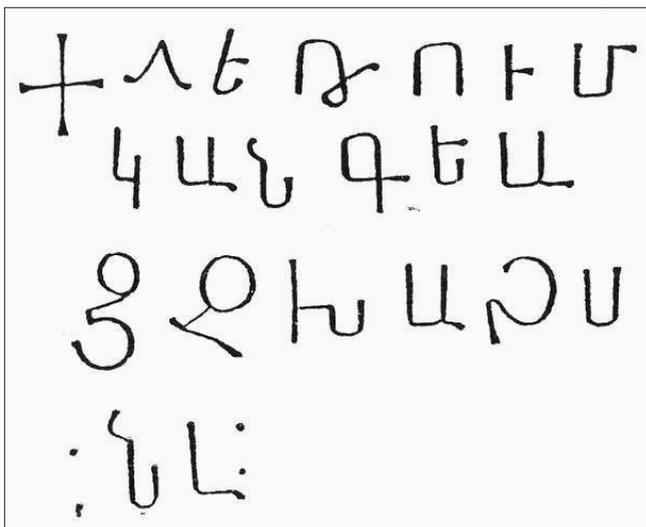

С. Л. Григорян
(г. Москва, Россия)

ОШИН ИЗ СТРАНЫ АРМЯНСКОЙ: О ЛОКАЛИЗАЦИИ МАЙРЕАЦ ДЖУРКА, ВОСТОЧНО-АРМЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ ГЕТУМЯНОВ

Происхождение Гетумянов, второго по значимости рода Киликийской Армении, является одним из белых пятен армянской истории. По имени Ошина (Օշին, Awšin) самого раннего из известных представителей рода, их также принято называть Ошинянами. По следующим двум причинам мы полагаем первое фамильное определение предпочтительным. Во-первых, оно используется в первоисточниках (см. ниже), тогда как «Ошинян» является «творчеством» современных историографов. Во-вторых, определение «Гетумян» содержит важную информацию, которую следует использовать, в том числе, для прояснения происхождения рода.

Благодаря находкам и исследованиям Алексана Акобеана в последние десятилетия на этом направлении достигнут значительный прогресс. Тем не менее, на наш взгляд, все еще нет исчерпывающего ответа на следующие вопросы: где находилась местность Майреац джурк (Maureac' jurk') [1], вотчина Ошина, и из какого княжеского рода он вышел. Настоящая статья содержит два новых акцента, касающихся первого из этих вопросов.

Ошин, о котором идет речь, упомянут в двух средневековых источниках. Одно из дополнений к историческому труду Самуэля Анеци (далее «Дополнение») представляет собой следующую запись:

В 522 году [армянского летоисчисления = 1073 от Р. X.] ишхан Ошин, вместе с братом hАлкамом, матерью, супругой, ишханами, [составлявшими его] княжеский полк, всем имуществом, имея при себе также перст Святого апостола Петра, из-за притеснений тачиков ушел из своей вотчины Майреац джурк, расположенной напротив (у, близ) Гандзака. Прибыв в страну Киликийскую, он с помощью Христа и святого апостольского перста отнял у тачиков знаменитую крепость Ламброн, что расположена у подножья горы Торос, возвышаясь у столичного города Тарсона || Ի ՇԻԲ ամին ի բնութենէն Տաճկաց ել Օշին իշխանն ի ժառանգութենէ իւրմէ՝ որ կոչի Մայրեաց ջուրք հանդէպ Գանձակայ ունելով ընդ իւր գեղբայրն իւր զՀակամ եւ զմայրն իւր եւ զամուսինն իւր, ազատագունդ իշխանօքն եւ ամենայն աղխիվն, ունելով ընդ իւր եւ զմատն սուրբ առաքելոյն Պետրոսի: Եւ եկեալ յաշխարհն Կիլիկեցոց եւ աջողմամբն

Քրիստոսի եւ սուրբ մատին առաքելոյն՝ էառ ի Տաճկաց եւ զականաւոր բերնն Լամբրոն որ է մերձ առ ստորոտով լերինն Տօրոսի ի գահ մայրաքաղաքին Տարսոնի [2].

Информация об этом Ошине содержится также в памятной записи манускрипта 1190 г. («Толкование Псалмов Давида» Нерсеса Ламбронаци), написанной другим Самуэлом, из Скевры, монастыря ишханов Ламброна. Она дополняет сведения процитированного выше источника, однако в чем-то и противоречит ему. Согласно Самуэлу Скевраци, прибывший в Киликию со своей родней Ошин получил Ламброн от «армянского ишхана Аплхарипа из дома Васпураканского» (а не отнял у тачиков), назначенного императором ромеев Алексеем править Тарсоном (Тарсом) и Маместией (Мсис). Речь идет об Аплхарипе, сыне hАсана, сыне Глухого Хачика, сыне Дереника, которые являются представителями торнаванской ветви дома Арцруни [3]. Автор также сообщает, что Ошин приходился Аплхарипу зятем [4].

В свете нахождения вышеупомянутого Майреац джурка близ Гандзака особый интерес представляет следующий фрагмент из той части памятной записи, где говорится о деяниях Аплхарипа.

...[Аплхарип] отдал Ламброн близкому и дорогому ему ишхану по имени Ошин, который прибыл к нему из страны Армянской. [Аплхарип также] вверил ему мощи великого и старшего среди апостолов Петра, которые ранее хранились у армян, о чем свидетельствует предшествующая история ||...զԼամբրոնն էս ի մտերիմ եւ ի սիրեցեալ իշխանն, որ եկեալ էր ընդ իւր յաշխարհէն Հայոց անուն Աւշին, և աւանդեաց ի նա զմասն մեծի և զյիսուորի առաքելոցն Պետրոսի, զոր ունէին Հայք ըստ նախադրեալ պատմութեանն [5].

Итак, отрывок содержит прямое указание на то, что ишхан Ошин прибыл в Киликию из страны Армянской (յաշխարհէն Հայոց). Сопоставив данную информацию со сведениями процитированного выше Дополнения, можно заключить, что *вотчина Ошина Майреац джурк находилась в одной из областей Армении, в ее восточных краях, близ города Гандзака*. Указанием на армянское этническое и конфессиональное происхождение главного персонажа настоящего исследования является и эпизод с переда-

чей мощей апостола Петра. Согласно Самуэлу Скевращи, Аплхарип верил их прибывшему из Армянской страны ишхану Ошину [6], поскольку они «ранее хранились у армян». То есть, армянское происхождение Ошина явилось одним из оснований передачи реликвии ему на хранение [7].

Неприступный Ламброн стал наследственным владением потомков Ошина. Он укрепил крепость и выстроил на одной из ее вершин хранилище мощей апостола Петра. Согласно Самуэлу Скевращи, после кончины Аплгарипа Ошин на короткое время до сельджукского вторжения в Киликию стал также хозяином Тарсона [8]. Его потомки по мужским линиям владели многочисленными замками и гаварами в Киликии и Исаври: Паперон (бывшее владение Аплхарипа), Ламос Киликийский, Аскурос, Лулва, Сарвандикар, Корикос, Манион, Анамур, Ламос Исаврийский, Смбааклай, Чанчи, Канчи, Митизон, Сик, и т. д. [9]. После государственного переворота, осуществленного в 1221–6 гг. праправнуком Ошина Костандином, представители рода стали де-факто правящим домом Армянского королевства Киликии и Исавии (хотя де-юре, в целях придания легитимности перевороту, они представляли себя Рубенянами, то есть, потомками основателя Армянского королевства Левона I Рубеняна и его дочери Запел, которую принудили к браку с Гетумом, сыном Костандина) [10].

Как мы отмечали выше, фамильное определение «Гетумян» (Հէթումնիք, Het'monk') содержится в первоисточниках периода Армянского королевства Киликии, в частности, в Летописи, приписываемой Смбату Гундстаблю [11]. Сына и наследника вышеупомянутого Ошина звали Гетум (Հէթումի, Het'um), старшего сына последнего – вновь Ошин, затем снова Гетум, и так далее [12]. Это повторяющееся чередование двух личных имен в семействе владетелей Ламброна позволяет предположить, что отца первого Ошина также звали «Гетум». Данного мнения, в частности, придерживался У.-Х. Рюдт-Колленберг, который, однако, ошибочно причислял предполагаемого отца Ошина Гетума к роду Пахлавуни [13].

Мы полагаем, что есть и другое косвенное указание на то, что отца Ошина из Майреац джурка, вероятно, звали Гетум. Найти его

помогает аналогия с первым по значимости родом Киликийской Армении – Рубенянами. Этот род получил название по личному имени самого раннего из известных его представителей – Рубена. При этом остаются вопросы относительно того, кто был первым представителем этого рода, пришедшим в Киликию – сам Рубен или его сын Костандин [14].

То, что потомки Ошина из Майреац джурка могли получить в XII–XIII вв. фамильное определение «Гетумян» по имени его сына и или правнука, которых звали «Гетум», нам представляется возможным, но весьма сомнительным. По аналогии с приведенным рубеняновским прецедентом, мы полагаем более вероятным следующее. Род потомков Ошина из Майреац джурка, скорее всего, получил название по имени его отца, которого звали так же, как и его сына и правнука – Гетумом.

Данное допущение дает некоторые – пусть и очень ограниченные – перспективы для локализации местности Майреац джурк, поскольку личное имя «Гетум» в сохранившемся наследии докилийского периода армянской истории встречается лишь один раз [15]. Примечательно, что речь идет об эпитафическом памятнике, обнаруженном в 1965 г. недалеко от Гандзака (около 40 км), вблизи селения Хачакап и расположенного около него знаменитого Монастыря Переводчиков (Таргманчац ванк), на месте старого села Шатах [16]. Это бывший гавар Кохт (Չոլղթ, Կոհ՛) Северного Арцаха [17]. Это большой хачкар высотой более полутора метров и шириной более метра со следующей надписью: ՀԵԹՈՒՄ ԿԱՆԳ [Ն] ԵԱՅ ՁԻԱԶՍ : ՆԸ: «Гетум воздвиг этот крест: 430 : [год армянского летоисчисления] (981 от Р. Х.)» (см. рис.). То есть, он был установлен за 92 года до переселения Ошина в Киликию. Тот факт, что этот единственный сохранившийся армянский памятник с именем «Гетум» был найден столь недалеко от Гандзака, дает основание поставить вопрос, не является ли данная местность тем самым Майреац джурком.

До 2000 г. о Майреац джурке, кроме процитированного выше Дополнения, было известно также из надписей на двух надгробных камнях монастыря Ваһанаванк, что в Сюнике. Из них следует, что в этой обители были погребены некий Курдик Мареджреци

(Քուրդիկ Մարձըրէցի, K'urdik Marējrec'i) и Согомон Мареджреци. Надписи датированы 1076 г. и 1084 г. соответственно. А. Акобеан обращает внимание на то, что в богатом географическом и топонимическом материале Стефанноса Орбеляна отсутствуют какие-либо сведения о нахождении в Сюнике некоей местности или населенного пункта под названием Мареджур (Майреаджурк) [18].

Продолжая исследование данного вопроса, А. Акобеан указал на то, что в том же Ваханаванке сохранилось надгробие агванской царицы Софи, датированное 1081 г., что коррелируется со словами Стефанноса Орбеляна о том, что в этом монастыре упокоились «многие цари и царицы Агванские». В Ваханаванке также сохранился надгробный камень агванского католика Стефан (ն) օսա, который датируется периодом после 1086 г. Любопытно, что из надписи этого камня следует, что католикос перебрался в Сюник (по всей видимости, из своего престольного края) – так же, как и ишхан Ошин – из-за притеснений тачиков (Եւ ին (է) ր Ստեփաննոս Աղվանից կաթողիկոսն ներեալ ի Տաճկաց եկա...) [19]. Сопоставив эти сведения с информацией о переселении Ошина в Киликию, можно заключить, что в 1060х – начале 1070х гг. армянское население Утика и Арцаха испытало разорительные удары и завоевания со стороны тачиков, то есть в данном контексте, гандзакских эмиров, в результате чего они были вынуждены покинуть свой край и перебраться в различные места – в Сюник, Киликию и т. д.

В 2000 г., исследуя армянские памятники верховья реки hАкари (Հալւարի, Nakari), А. Акобеан обнаружил у Ахбрадзорского монастыря и исследовал несколько эпиграфических памятников, один из которых представляет собой недатированный надгробный камень «Великого Вардко Майреджреци» (Մեծ Վարդկո Մարձըրէցի, Mes Vardko Marējrec'i), отца Состенеса [20]. Последний, по мнению А. Акобеана, является тем самым Состенесом, который упомянут в другой ахбрадзорской эпиграфической надписи, которую исследователь уверенно датирует 1068 г. [21]. То, что на первом из этих памятников «Великий Вардко» представлен как отец Состенеса, вероятно, указывает на то, что по-

следний к тому времени тоже уже был взрослой и известной личностью. Таким образом, камень с упоминанием Вардко Майреджреци можно датировать серединой XI в.

На основании своих открытий А. Акобеан высказал предположение, что местность в верховьях реки hАкари, где располагается Ахбрадзорский монастырь, и есть Ма (й) реджур или Майреац джурк вышеприведенных первоисточников, то есть, вотчина ишхана Ошина [22]. Согласно этой версии, именно оттуда в описываемые времена часть мареджурцев бежала в соседний Сюник, а Ошин со своими людьми – в отдаленную Киликию. С таким выводом согласен Клод Мутафян, который в посвященном происхождению Гетумянов разделе своей фундаментальной монографии о Левантийской Армении упоминает также шатахский камень 981 г., не связывая место его расположения с Майреац джурком (при этом Кл. Мутафян считает упомянутого в надписи камня Гетума вероятным предком Ошина и других представителей его династии) [23].

Мы же полагаем, что такая связь не менее вероятна, чем та, которую обозначил благодаря своим бесценным находкам и исследованиям А. Акобеан. Верховья hАкари, как напоминает исследователь, являются частью бывшего арцахского гавара Вайкуник (Վայկունիկիք, Vajkunik') [24]. Расстояние между Ахбрадзором и Гандзаком даже по прямой воздушной линии составляет около 100 км; реальная же дорога по земле, в зависимости от маршрута, может растянуться от 150 км до 260 км. То есть, это намного больше, чем расстояние между Хачакапом и Гандзаком (около 40 км). Поскольку автор Дополнения писал, что Майреац джурк расположен у/близ/напротив Гандзака, данная разница свидетельствует в пользу локализации Майреац джурка в Кохте. Это первый из акцентов, который мы хотели бы внести в данную тему.

А. Акобеан объясняет удаленность верховьев hАкари от Гандзака тем обстоятельством, что автор Дополнения уточнением հախնդից Վայնձախից (у/близ/напротив Гандзака) указывает скорее не на расстояние между Гандзаком и Майреац джурком, а на место (город), откуда исходили нашествия противника, то есть, в данном случае, на Гандзак [25]. Мы принимаем справедливость данного допущения.

Более того, мы считаем важным привести еще один аргумент в пользу версии А. Акобеана. Близость одного пункта к другому в представлении средневекового летописца условна; она зависит, в частности, от того, насколько далеко от мест описываемых событий он находился. Дополнение, о котором идет речь, сохранилось в трех манускриптах, датируемых концом XVI в., 1676 г. и концом XVIII в. Автор Дополнения является не Самуэл Анеци. Оно представляет собой позднюю вставку в его исторический труд, датировать которую пока не представляется возможным. Скорее всего, вставка была сделана в XIII в. или XIV в. [26]. Весьма вероятно, что автор Дополнения жил в Киликии, поскольку сведения о происхождении Гетумянов он, как и Самуэл Скевраци, мог подчерпнуть из их родовой памяти, устной или письменной. А для того, кто находился в далекой Киликии (и никогда не посещал Арцах) малоизвестное ему расстояние между Гандзаком и Вайкуником тоже могло показаться близким и незначительным.

Вторым аргументом в пользу локализации Майреац джурка в Кохте является факт присутствия в тексте надгробного камня Вардко «от-топонимического» прозвища «Майреджреци». На наш взгляд, если бы он происходил из той местности, где расположен этот камень, и если бы она была Майреац джурком, в таком упоминании не было бы необходимости. И, наоборот, тот же пример с надгробными камнями Курдика Мареджреци, Согомона Мареджреци, царицы Софии и католикоса Стефаноса из Ваханаванка показывает, что присутствие географических прозвищ и указаний на таких памятниках характерны для людей, пришедших (бежавших) из других мест и краев. Что позволяет предположить, что верховья hАкари являются скорее не Майреац джурком, а еще одним местом, куда армяне бежали из Майреац джурка, спасаясь от набегавших из близлежащего Гандзака сельджуков.

Мы привели два аргумента в пользу того, что Майреац джурк, скорее, находился на территории примыкавшего к Гандзаку североарцахского гавара Кохт, а не в расположенном южнее и значительно дальше от Гандзака арцахском гаваре Вайкуник [27]. В то же время, мы не считаем, что данные аргументы опровергают версию А. Акобеана. На наш взгляд, они дополняют ее и вносят

в исследование темы восточно-армянской прародины Гетумянов дополнительные акценты, которые необходимо учитывать [28].

Использованные источники и литература

1. Данный топоним можно перевести как «Лесные воды» («ւիշրի» maui – «лес», «дебри», «ջուրք» jurk' – «воды», в определенном контексте также «ручьи»). Название имеет весьма общий характер и, к сожалению, не дает информации для локализации.

2. Samuēl Anec'i ew Šarunakołner, *Žamanakagrut' iwn Adamic' minč'ew 1776 t'iw* [Samuel Anetsi and Continuator. The Chronicle from Adam to 1776], ed. Karen Matevosyan, Yerevan, 2014, p. 195.

3. Подробнее об этом см. Gérard Dédéyan, *Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croises*, vol. 1, Lisbonne, 2003, p. 307–309.

4. *Hayeren jëragreri hišatakaranne, E-ŽB dd.* [The Colophons of the Armenian manuscripts of 5–12th centuries], ed. Artashes Matevosyan, Yerevan, 1984, p. 255.

5. *Ibidem.*

6. Из текста вытекает, что передача Аплхарипом Ошину мощей апостола Петра произошла в Киликии, тогда как согласно Дополнению, Ошин привез перст с собой, переселяясь туда из Майреац джурка. Кроме того, мы хотели бы обратить внимание на сходство написания слов ւիւիւ (masn, «частица», «мощи») и ւիւնւ (matn, «перст», «палец»). Первое содержится в памятной записи Самуэла Скеврати, второе – в Дополнении. Мы не исключаем, что данная разница является результатом ошибочного прочтения одного из этих вариантов поздним автором.

7. Мы выражаем признательность Хачику Арутюняну, старшему научному сотруднику Научно-исследовательского института древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран) за помощь в толковании данного фрагмента.

8. *Hayeren jëragreri hišatakaranne, E-ŽB dd.*, p. 255.

9. Claude Mutafian, *L'Arménie du Levant (XIe-XIVe siècle)*, t. 1, Paris, 2012, p. 337–364; Wipertus-Hugo Rüdts-Collenberg, *The*

Rupenides, Hethumides and Lusignans. The Structure of the Armeno-Cilician Dynasties, Paris, 1963, table II (H1, The Hethimides); *Smbatay Sparapeti Taregirk'* [The Chronicle of Smbat Sparapet], ed. Serobē Aglean, Venice, San Lazzaro degli Armeni, 1956, p. 187, 209–210, 244.

10. Lewon Ter-Petrossian, *Ճաճ'ակիրները և Կայսրերը* [The Crusaders and the Armenians], t. 2, Yerevan, 2007, p. 236–261; Rüd-Collenberg, *The structure...*, table II (H1): 33, 58.

11. *Smbatay Sparapeti Taregirk'*, p. 190, 213; *La Chronique du royaume de la Petite Arménie par le connétable Sēmpad*, ed. Édouard Dulaurier, *Recueil des historiens des croisades, Documents arméniens*, t. 1, 1869, p. 625.

12. *Hayeren jēragreri hišatakaranne, E-ՉԵ ԺԺ.*, p.; Rüd-Collenberg, *The structure...*, table II (H1): 33, 37, 38, 52, 61.

13. Rüd-Collenberg, *The structure...*, table II (H1): 33; Mutafian, *L'Arménie du Levant...*, t. 1, p. 337–340.

14. Ter-Petrossian, *Ճաճ'ակիրները և Կայսրերը*, t. 2, p. 63–67; Narine Zohrabyan, *Րուբեն Արաբիյնե Կիլիկիայի հայկական տ'ագաւորութ'յան հիմնադրո՞ւմը*? [Was Ruben I founder of the Armenian kingdom of Cilicia?], ed. A. Step'anyan, *Personality in History*, Proceedings of Conference, Yerevan, 2015, p. 76–80.

15. Если не считать сообщения жившего в конце XI в. – первой трети XII в. Маттеоса из Эдессы о начальнике этого города Горосе, сыне Гетума (քաղաքապետս զիշխանն շոռոմնց զԹորոսսոսս քաղիին Հէթումայ որդիի). – См.: *Patmut' iwn arareal Matt' ēosi meci k' ahanayi Urhayec' woy...* [The History performed by Priest Matt' ēos the Great from Edessa], ed. Mambrē Melik'-Adamean and Nersēs Tēr-Mikayēlean, *Valaršapat*, 1898, p. 248.

16. Sedrak Barxudaryan, *Divan Hay vimagrut'yan, Prak V Arc'ax* [Corpus inscriptionum Armenicarum, Liber V], Yerevan, 1982, p. 251–254 (942).

17. Babken Harut'yunyan, *Hayastani patmut'yan atlas (A mas)* [The Historical Atlas of Armenia (Part I)], Yerevan, 2005, p. 43.

18. Alexan Hakobian, *Historisch-geographische und epigraphische Forschungen (Artzsch und Utiq)*, Wien – Yerevan, 2009, p. 67.

19. Ibidem, p. 68.

20. Ibidem, p. 66.

21. Ibidem, p. 58–59, 66–67.

22. Ibidem, p. 67–72.

23. Mutaġian, *L'Arménie du Levant...*, t. 1, p. 337.

24. Hakobian, *Forschungen*, p. 70.

25. Ibidem, p. 70.

26. Samuēl Anec' i ew Šarunakoġner, *Žamanakagrut' iwn Adamic' minč' ew 1776 t' iw*, p. 29–30, 66–68, 72–73, 195.

27. И район села Хачакап (Кохт), и верховья hАкари (Вайкуник), представляют собой лесистую местность, пересеченную речками. То есть, они оба соответствуют названию «Майреац джурк», что, как мы отмечали выше, означает «Лесные воды».

28. Личные имена ранних Гетумянов и скудость сохранившихся сведений о знати Восточной Армении того периода, к сожалению, не дают достаточных оснований для обозначения их родственной связи с конкретными правившими в Арцахе и Утике владетельными семействами, что могло бы дать дополнительную информацию для локализации Майреац джурка. Распространенность у Гетумянов имени «Смбат» позволяет допустить происхождение ишхана Ошина – по мужской либо женской линии – от правившего в IX в. в отдельных гаварах Утика и Арцаха Сахла, сына Смбата, неоднократно упоминаемого Мовсесом Дасхуранци – См.: Мовсэс Каланкатуаци, История страны Алуанк, ред. Ш. Смбатяна, Ереван, 1984, с. 164–166; Rüd̄t-Collenberg, *The structure...*, table II (H1): 39, 59, table III (H2): 103. Личное имя «Васак», также принятое у Гетумянов, возможно, указывает на их родственные связи с сунийскими ишханами и царями. Сам факт того, что Апхарип, представитель царского дома Арцруни (хоть и побочной его ветви) и высокопоставленный ромейский наместник, выдал за Ошина свою дочь (не ту ли, что первоначально была обещана шахиншаху Гагику II Багратуни?), свидетельствует о высокородии Ошина.

Н. Г. Джавахишвили
(г. Тбилиси, Грузия)

ИЗ ИСТОРИИ БРАКОВ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ГРУЗИНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЗНАТНЫХ РОДОВ (С XVIII – ДО 40-Х ГОДОВ XX ВВ.)

В XVIII веке некоторые представители грузинских знатных родов породнились с представителями аристократических фамилий Российской империи литовского происхождения.

Два потомка карталинского царя Вахтанга VI (1675–1737) вступили в брак с представителями княжеского рода Голицыных, который являлся одним из знаменитых княжеских родов Российской империи литовского происхождения. Этот род происходит от великого литовского князя Гедимина (правил в 1316–1341 годах), основателя династии Гедиминовичей.

Внучка царя Вахтанга VI, дочь царевича Георгия Вахтанговича Грузинского (Багратиони) княжна Анна Георгиевна Грузинская (1754–1779) вышла замуж за предводителя дворянства Московского уезда, генерал-майора князя Алексея Борисовича Голицына (1705–1768), который был генерал-фельдцейхмейстером артиллерии Российской империи, а затем – генерал-кригскомиссаром Военно-морского флота [13, с. 41].

Правнучка царя Вахтанга VI, внучка царя Бакара I, дочь Александра Бакаровича Грузинского (Багратиони) княжна Анна Александровна Грузинская (1760–1842) вышла замуж сначала за князя Александра Александровича Голицына (1760–1792), а затем – за князя Бориса Андреевича Голицына (1766–1822) [13, с. 47].

Князь Борис Андреевич Голицын (1766–1822) был генерал-адъютантом, командующим конной гвардией (1798–1800), кавалером ордена Св. Георгия III степени. Его отец – князь Андрей Михайлович Голицын (1729–1770) был генерал-майором, а дед – князь Михаил Михайлович Голицын (1675–1730) – генерал-фельдмаршалом, который с 1728 года был назначен президентом Военной коллегии и членом Верховного тайного совета.

Детьми княжны Анны Александровны Грузинской и князя Бориса Андреевича Голицына были: генерал-майор князь Андрей Борисович Голицын (1791–1861), действительный статский советник князь Александр Борисович Голицын (1792–1865) и полковник князь Николай Борисович Голицын (1794–1866).

Внук князя Андрея Борисовича Голицына (1791–1861) князь Александр Борисович Голицын (1855–1916) был предводителем дворянства г. Владимира.

Князь Юрий Николаевич Голицын (1823–1872) был камергером, предводителем дворянства Тамбовской губернии. Одновременно он создал из своих крепостных хор, которым сам и дирижировал. Его брат – князь Николай Николаевич Голицын (1836–1893) был действительным государственным советником, вице-губернатором Подольска. В 1892 году он издал собственную монографию «Род князей Голицыных».

Сын вышеупомянутого князя Юрия Николаевича Голицына – князь Евгений Голицын (1845–1885) был капитаном II ранга Морского флота, предводителем дворянства Пензенской губернии [12, с. 52–58].

Подполковник Российской армии князь Николай Егорович (Георгиевич) Дадианов (1712–1752) был женат на княжне Дарье Васильевне Голицыной (1709–1762). Его дед – последний владетельный князь Мегрелии из первого дома Дадиани Леван IV (правил в 1681–1691 годах) был женат на царевне Тинатин, дочери царя Имеретии Баграта IV, а отец – генерал-майор князь Егор (Георгий) Леванович Дадианов (1683–1765) женился на Софье Александровне Имеретинской (1691–1747) – дочери царевича Александра Арчиловича Багратион-Имеретинского [14, с. 49].

Добавим здесь же, что Александр Багратион-Имеретинский

(1674–1711) был сыном царя Арчила II, побратимом Петра Великого и первым генерал-фельдцейхмейстером Российской артиллерии [13, с. 46].

В 1905 году полковник Российской имперской армии Владимир Владимирович Лукомский (1881–1923) женился на княжне Нине Михайловне Меликишвили (1887–1966). В. Лукомский являлся потомком древнего литовского княжеского рода, уроженцем города Вильно. Добавим здесь же, что в Российской империи не был утверждён княжеский титул Лукомских, но они носили этот титул в эмиграции [14, с. 112–176].

К началу XIX века Грузия оказалась в составе Российской империи, которая ранее присоединила к себе Прибалтику. Именно с этого периода и берут свое начало интенсивные взаимоотношения между Грузией и Прибалтикой.

В тот период в Прибалтике, а особенно на территории современной Латвии и Эстонии, проживали и немцы. Здесь одновременно существовали как бы два общества, два неслиянных мира – немцы и латыши, немцы и эстонцы. Балтийские немцы в большинстве происходили из Северной и Средней Германии и говорили на средненижненемецком наречии. Хозяйство, права, культура, городские самоуправления во многом напоминали таковые же в Северной Германии. Среди немцев были: аристократия, духовенство, помещики, торговцы и цеховые мастера, которые составляли 5% от общего числа местных жителей. Несмотря на это, они занимали передовые позиции. Немецкая культура преобладала в городах, особенно в Риге. Поэтому, часть древней, донемецкой элиты онемечилась, потомки языческих вождей стали вассалами ордена и епископов. После того как Прибалтика оказалось в составе Российской империи, местное немецкое дворянство неизменно демонстрировало преданность императорам. Немецко-балтийское дворянство сохраняло прежние привилегии и стабильное положение в Российской империи до реформ 70-х годов XIX века, которые носили русификаторский характер. С 1867 года в делопроизводстве немецкий язык стал постепенно заменяться русским [11, с. 23–46].

Целый ряд представителей грузинских знатных родов пород-

нился с представителями немецких, шведских и датских аристократических родов, проживавших в Прибалтике или происходивших из того же региона.

2 сентября 1800 года прославленный генерал Российской армии князь Петр Иванович Багратион (1765–1812) женился на фрейлине графине Екатерине Павловне Скавронской (1782–1857), дочери тайного советника графа Павла Мартыновича Скавронского от брака с Екатериной Васильевной Энгельгардт.

Петра Багратиона и Екатерину Скавронскую сосватал сам император России – Павел I. Добавим здесь же, что Скавронские были в некотором родстве с династией Романовых, происходя от брата императрицы Екатерины I, лифляндского крестьянина, чье потомство получило в России графский титул. Венчание происходило при дворе в Гатчине. К сожалению, их семейная жизнь сложилась неудачно. Вскоре княгиня рассталась с мужем и с 1805 года постоянно проживала за границей [13, с. 52].

15 сентября 1850 года светлейший князь Иоанн (Иван) Григорьевич Грузинский (1826–1880) женился на графине Екатерине Павловне Пален.

Живший в Санкт-Петербурге Иоанн Григорьевич Грузинский был представителем тысячелетней царской династии Багратионов (Багратиони), внуком царя Восточной Грузии (Карталино-Кахетинского царства) – Георгия XII (1746–1800), легитимным престолонаследником и главой Карталино-Кахетинского Царского Дома. Носивший титул (как и другие прямые потомки Карталино-Кахетинских царей) «светлейший князь», Иоанн был известен всему Петербургу под именем – «Царь-Иван».

Фамилия «Пален» происходила из старинного германского дворянского рода, известного с XV века, представители которого в 1679 году были возведены в баронское достоинство Шведского королевства. Этот род, проживавший в Прибалтике, достиг больших успехов в Российской империи. Части представителей этого рода российские государи пожаловали графский титул и открыли широкий путь во главу власти.

Тестем И. Грузинского был генерал от кавалерии граф Павел Петрович фон дер Пален (1775–1834). Его отцом был генерал от

кавалерии, кавалер ордена Св. апостола Андрея Первозванного Пётр Алексеевич фон дер Пален (1745–1826), которому император Павел I в 1799 году пожаловал достоинство потомственного графа. В 1792 году он был назначен правителем Рижского наместничества и вел переговоры о присоединении Курляндии к Российской империи. В 1795 году был назначен Курляндским генерал-губернатором, произведен в генерал-поручики и награжден орденом Св. Александра Невского и именованием в Курляндии – Эккау (ныне Иецава).

Влиятельными персонами были также братья тестя И. Грузинского: действительный тайный советник, член Государственного совета граф Фёдор Петрович фон дер Пален (1779–1863) и граф Петр Петрович фон дер Пален (1777–1864), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1835–1841 годах он находился в Париже, где был чрезвычайным и полномочным послом во Франции и заслужил всеобщее уважение. Являлся кавалером высших наград Российской империи, в том числе ордена Св. апостола Андрея Первозванного. Погребен он на кладбище близ своего имения Эккау (Иецава).

Представителем этого же рода являлись: генерал от кавалерии, генерал-адъютант барон Матвей Иванович фон дер Пален (1779–1863) [19, с. 201–205] и граф Константин Иванович фон дер Пален (1830–1912), действительный тайный советник, министр юстиции Российской империи, член Государственного совета, обер-камергер Двора Е. И. В., кавалер ордена Св. апостола Андрея Первозванного. Похоронен в своем имении Гросс-Ауц в Курляндской губернии [21, с. 546–549].

Шурином И. Грузинского был генерал-майор князь Григорий (Георгий) Мингрельский (1798–1851), младший сын владетельного князя Мегрелии Григория Кациевича Дадиани (1770–1804). В 1839 году Г. Г. Мингрельский женился на Елизавете Павловне фон дер Пален [14, с. 55].

Зять графа Палена – образованнейший человек своего времени князь И. Грузинский являлся смелым, веселым и любившим развлечения человеком, у которого был широкий круг влиятельных друзей и приятелей. По оценке одного из современников, «у

него было очень много хороших черт... он ничего не жалел для своих родственников и, чем мог, поддерживал их. Кроме того, он всячески пытался уважить всех приезжающих из Грузии. Я много раз был свидетелем того, как он помогал бедным грузинским студентам» [6, с. 64].

Известный русский общественный деятель, профессор, журналист, коннозаводчик князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский (1844–1931) вспоминал: «Когда, покорив Кавказ и пленив Шамиля, кн. Барятинский вернулся в Петербург триумфатором, между прочими чествованиями, Английский клуб давал обед новому фельдмаршалу. На этом обеде присутствовал, между прочими, кн. Иван Грузинский, в сущности, царевич Грузинский, потомок владетельных князей Кавказа, известный всему Петербургу бон-виван, веселый член Яхт-клуба, под именем «Царь-Иван».

Во время обеда много было тостов и речей, и вот стал говорить что-то в роде похвального слова кн. Барятинскому известный Н. И. Греч: и скучно и длинно! Его вдруг перебивает Царь-Иван и начинает очень горячо, обращаясь к кн. Барятинскому, говорить, что последний победил их не силою русского оружия, а собственно обаянием своей личности, умом, великодушием и правдою, и что в силу всего этого к нему князья и народности кавказские привязались...

Неожиданно устранившийся Греч, крайне недовольный, в свою очередь перебивает кн. Грузинского: «Да позвольте же мне кончить»; но Царь-Иван его устраняет повелительным жестом руки и на всю залу громко говорит: «Тс...с..., когда орлы говорят, чтобы пчелы не жужжали!». При этом Царь-Иван выпрямился во весь рост и договорил свое приветствие фельдмаршалу, окончательно сконфузив бедного Греча. Сцена, говорят, была очень эффектна; особенно, если вспомнить оригинальную, отчасти и театральную наружность кн. Ив. Грузинского: его высокий лоб, орлиный нос и клинообразную бороду, с претензией на эспаньолку Наполеона III, и проч.» [17, с. 241].

Балтийский (Курляндский) барон немецкого происхождения Михаил фон Экельн-Гюльсен (von Eckeln-Hülßen) женился на княжне Анне Александровне Дадиановой (1785–1842). Её отец

– предводитель дворянства Подольского уезда князь Александр Петрович Дадианов (1753–1811) был правнуком последнего владетельного князя Мегрелии из первого дома Дадиани – Левана IV (правил в 1681–1691 годах) и внуком генерал-майора князя Егора (Георгия) Левановича Дадианова (1683–1765), который был женат на Софье Александровне Имеретинской (1691–1747), дочери царевича Александра Арчиловича [14, с. 49–50].

Отметим здесь же, что Александр Багратион-Имеретинский (1674–1711) был сыном царя Имеретии и Кахетии Арчила II, побратимом Петра Великого, генерал-фельдцейхмейстером Российской артиллерии и первым представителем династии Багратионов, посетившим Прибалтику (в 1697 году, в составе «Великого посольства») [13, с. 46].

В 1831–1837 годах главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами Грузии и других областей Кавказа и командующим отдельным Кавказским корпусом являлся генерал от инфантерии, генерал-адъютант Григорий Владимирович Розен (1782–1841) – потомок прибалтийских (эстляндских) баронов немецкого происхождения.

Его дочь, баронесса, фрейлина Лидия Григорьевна Розен (1817–1866) 19 января 1836 года вышла замуж за князя Александра Леоновича Дадианова (1800–1865), который был флигель-адъютантом, полковником, командиром Эриванского карабинерного (позднее – лейб-гренадёрского) полка, потомком владетельных князей Мегрелии (из первого дома Дадиани). Его бабушка (мать отца) – княжна Анна Леоновна Грузинская/Багратиони (1753–1812) была правнучкой царя Карталинии Вахтанга VI [14, с. 49–50].

11 мая 1869 года представитель имеретинской ветви династии Багратионов, внук царя Имеретии Давида II (царствовал в 1784–1789 годах) – светлейший князь Михаил Константинович Имеретинский (1843–1892) вступил в брак с графиней Ольгой Федоровной Менгден (1852–1911). Следует отметить, что род графов и баронов Российской империи – Менгден был немецкого происхождения и записан в дворянские матрикулы Лифляндской и Эстляндской губерний. Внук Михаила и Ольги – светлейший

князь Георгий Георгиевич Имеретинский (1897–1972), который родился в Царском Селе, был крестником императора Николая II. Являлся офицером королевских военно-воздушных сил Великобритании. Его брат – Константин (1898–1978) также был офицером вооруженных сил Великобритании, а другой брат – Михаил (1900–1975) во время Второй мировой войны являлся командиром эскадрильи военно-воздушных сил Великобритании. Его дочь – Наталия Михайловна (1930 г.р.) является президентом Багратионовского совета [13, с. 93–94].

14 апреля 1874 года светлейший князь Николай (Нико) Давидович Мингрельский (1846–1903) вступил в брак с графиней Марией Адлерберг (1849–1926).

Н. Мингрельский являлся последним владетельным князем Мегрелии (из второго дома династии Дадиани, родовая фамилия которой была Чиковани). Отцом Н. Мингрельского был владетельный князь Мегрелии генерал-майор Давид Леонович (Леванович) Дадиани (1812–1853), который правил в 1840–1853 годах. После смерти своего отца Н. Дадиани до 1866 года считался владетельным князем. В 1867 году он был вынужден отказаться от владетельных прав и получил право именоваться светлейшим князем Мингрельским. Участвовал в русско-турецкой войне (1877–1878). Состоял в Свите Императора Александра II и непосредственно принимал участие в сражениях. Произведен в генерал-майоры (1878). В 1886 году, после низложения Александра Баттенберга, правительство Российской империи выдвинуло кандидатуру Н. Мингрельского на престол Болгарии, но австро-германская дипломатия добилась воцарения принца Фердинанда из династии Саксен-Кобург-Гота.

По материнской линии Н. Дадиани был потомком знаменитого грузинского княжеского рода Чавчавадзе. Его мать – княгиня Екатерина Александровна Чавчавадзе (1816–1882) была дочерью генерал-лейтенанта А.Г. Чавчавадзе. После смерти мужа (1853) княгиня Екатерина была правительницей Мегрелии. В 1853 году она получила орден Святой Екатерины 1-й степени, а в 1856 году пожалована в статс-дамы [14, с. 55–56, 242–243].

Отцом вышеупомянутой супруги Н. Мингрельского – Марии

Адлерберг был генерал от инфантерии Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888), состоявший министром и канцлером орденов при Российском императорском дворе. Его отец – Владимир Федорович Адлерберг (1791–1884) был генералом от инфантерии, министром Российского императорского двора (1870–1881) и членом Государственного Совета. Во второй половине XVI века их немецкий предок поселился в Эстляндии. В 1684 году его потомок получил дворянство Шведского Королевства. С середины XVIII века Адлерберги поступили на службу Российской империи [21, с. 36–44].

Сын Н. Дадзиани и Марии Адлерберг – камер-юнкер, высокообразованный человек своего времени, светлейший князь Николай Мингрельский (1876–1919) состоял на службе в министерстве иностранных дел Российской империи. Он был задержан большевиками и посажен в Петроградскую тюрьму, где и скончался в возрасте 43 лет. Его сестра – фрейлина Саломея (1878–1961) вышла замуж за генерал-майора императорской свиты князя Александра Николаевича Оболенского (1872–1924) [14, с. 56–57], который в 1914–1916 годах был градоначальником Петрограда.

Директор Тбилисского дворянского банка князь Давид Авалишвили был женат на Ольге Эдуардовне Гольмбладт. Её отец – Эдуард Гольмбладт был известным врачом, балтийским аристократом шведского происхождения, управляющим медицинской частью Кавказского края, а брат – Оскар Эдуардович Гольмбладт (1843–1898) – генерал-лейтенантом, председателем Кавказского военно-областного управления. Здесь же добавим, что Э. Гольмбладт состоял в дружеских отношениях с князем Григорием (Григолом) Орбелиани, о котором мы уже писали выше.

Именно в этой грузино-балтийской семье родился известный грузинский ученый, специалист международного права, историк, литературовед и дипломат Зураб Давидович Авалишвили (1875–1944). У него было шесть братьев и сестер: Иван (1872–1937), Иосиф (1874–?), Гиви (1877–?), Наталья (1879–?), Екатерина (1884–1910) и Давид (1887–1887). Второй из братьев – Иосиф (Осинка) был инженером-химиком и работал в Санкт-Петербургском гор-

ном институте, а третий – свободным художником, состоявшим при Санкт-Петербургском оперном театре.

После окончания с отличием юридического факультета Санкт-Петербургского университета З. Авалишвили остался работать там же. Временное правительство присвоило ему степень сенатора.

По возвращении на родину он сразу же стал на службу грузинскому государству в качестве главного советника по вопросам внешней политики правительства независимой республики Грузия. Он разработал концепцию национальной внешней политики и внес большой вклад в ускорение процесса международного признания Грузии. Активно участвовал в работе правительственных делегаций, выезжавших в европейские страны, и создании первой грузинской конституции.

После 1921 года жил и работал в эмиграции, сначала в Париже, а с 1940 года – в Германии. Сотрудничал с «Институтом исследований континентальной Европы», которым руководил известный грузинский ученый, физик и политолог, доктор Александр Никурадзе (1901–1981). Погиб 21 мая 1944 года во время бомбардировки города Шварценфельда авиацией союзников [5, с. 379–397].

В связи с этим газета, издаваемая в Берлине на грузинском языке, сообщала: «Мы потеряли одного из самых даровитых и образованных грузин... его мать была из шведского рода Гольмбладтов, давно переселившегося на Балтику. Дед по материнской линии – Эдуард Гольмбладт во время Воронцова был очень известным лекарем, заведующим этой частью в Грузии и на Кавказе. Он был тесно связан с грузинским обществом... Зураб был несравненным человеком там, где вопрос требовал научного определения. В это время он не знал себе равных и не имел соперников... он был искренним человеком, строгим судьей самого себя. Он не сделал бы ничего такого, что было далеко от духовности и чести. Если он вступал с кем-либо в дружбу, он твердо её хранил... поэтому он не смог перенести потери избранной им в качестве друга и супруги дочери норвежской семьи – Майи Фогт... госпожа Майя была добропорядочной женщиной, всесторонне

образованной и, как то соответствует лицу, близкому Фритъюфу Нансену и Станиславу Пшибышевскому, создала для своего достойного супруга уютную жизнь и приятный очаг» [8].

В мае 1993 года останки З. Авалишвили были доставлены из Германии в Грузию и перезахоронены в Дидубийском пантеоне писателей и общественных деятелей.

В 1914 году княжна Екатерина Александровна Дадешкелиани (1888–1977) вышла замуж за балтийского барона немецкого происхождения – Икссколя.

Екатерина Александровна являлась правнучкой владетельного князя части Сванетии (северо-западный регион Грузии) Джансуга (Левана) Николаевича Дадешкелиани (1810–1855), который правил Эцери и Цхумари [Дворянские роды 1998: 91]. Мать Екатерины, дворянка Бабилина Георгиевна Эристави (1869–1924) была сестрой Елизаветы Георгиевны Эристави, матери известной грузинской художницы Елены Дмитриевны Ахвледзиани (1898–1975) [7, с. 16].

Офицер армии Российской империи князь Михаил (Мимуша) Абелович Андроников/Андроникашвили (1852–1882) в 1873 году вступил в брак с баронессой Софией Агнес Эве фон Унгерн-Штернберг (1852–1884), дочерью балтийского барона немецкого происхождения, генерала-от-кавалерии Леонгарда Карловича фон Унгерн-Штернберга и Марии Луизы Йозефины Гааг.

Именно в этой грузино-балтийской семье родились братья – Михаил и Владимир Андрониковы/Андроникашвили.

Старший брат – Михаил Андроников (1875–1919) являлся камер-юнкером, титулярным советником, а потом состоял сверхштатным чиновником особых поручений при обер-прокуроре Синода (1914–1916). Входил в окружение Григория Распутина. Его личное дело хранится в Российском государственном историческом архиве [1]. В 1916 году основал в Петрограде журнал «Голос России» (было издано 26 номеров) [2].

Младший брат – Владимир Андроников (1877–1943) был полковником лейбгвардии Уланского Императрицы Александры Феодоровны полка. По словам его знакомых, он «был весьма порядочный и любимый товарищами офицер». В эмиграции он

вступил в брак с баронессой Маргаретой Матильдой (Дэйзи) фон Врангель (1875–1932), дочерью балтийского барона Карла Карловича фон Врангеля. Маргарет Матильда была профессором Высшей сельскохозяйственной школы в Штутгарте, основательницей и руководителем Института питания растений [14, с. 125].

Предки этого древнего дворянского рода датского происхождения в XII веке переселились в Эстляндию, а с XVIII века находились на русской службе [18, с. 239].

Приближенный к императору Николаю II гвардии полковник князь Александр Владимирович Амилахвари (1880–1968) в 1905 году в Санкт-Петербурге женился на баронессе Цецилии Елене Регине Эммануэлле фон Гротгус (1872–1934), родившейся в Великане (Курляндия). Её отцом был балтийский барон немецкого происхождения Карл-Христофор-Отто фон Гротгус (Grotthus), а мать – баронесса Эмма фон Штемпель (Stempel) [14, с. 112–113].

Балтийской барон Максимилиан Александрович фон дер Остен-Сакен состоял в браке с Саломеей Чавчавадзе (1848–1919), которая была дочерью генерал-майора свиты Е. И. В. (с 1861 года) князя Давида Александровича Чавчавадзе (1814–1884) и светлейшей княжны Анны Ильиничны Грузинской (1828–1905), т. е. внучки царя Восточной Грузии – Георгия XII [9, с. 41].

Зять князей Чавчавадзе – действительный статский советник М. А. фон дер Остен-Сакен в разное время занимал должности вице-губернатора Кутаисской губернии (1869–1873) и губернатора Тифлисской губернии (1876–1877). Скончался в 1884 году.

Дочь Максимилиана и Саломеи – Анна фон дер Остен-Сакен (1870–1931) вышла замуж за генерал-майора князя Петра Левановича Меликова/Меликишвили (1862–?). Отец последнего – князь Леван Иванович Меликишвили (1818–1892) был генералом от кавалерии, генерал-адъютантом, членом Государственного Совета Российской империи, кавалером ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Он был женат на княжне Александре Мамуковне (Макаровне) Джамбакур-Орбелиани (1836–1914), которой был пожалован орден Святой Екатерины малого креста.

Сын П. Л. Меликова и Анны фон дер Остен-Сакен – князь Ле-

ван Петрович Меликов/Меликишвили (1893–1928) был женат на герцогине Александре Николаевне Лейхтенбергской (1895–1969), дочери герцога Николая Николаевича Лейхтенбергского от брака с графиней Марией Николаевной Граббе [14, с. 174–177].

Остен-Сакены были остзейскими (курляндскими) аристократами немецкого происхождения [Дворянские роды 1995: 197], появившимися на общественном и политическом поприще еще в XV веке [19, с. 184–186].

В 1892 году, в Тбилиси, сестра князя вышеупомянутого Петра Левановича Меликишвили – княжна Мария Левановна Меликова/Меликишвили (1869–1924) вышла замуж за Ивана Филипповича-Густавовича фон Крузенштерна (1861–1911). Дворянский род Крузенштернов, происходящий от Филиппа Крузиуса фон Крузенштерна, был внесён в дворянский матрикул Эстляндской губернии.

Сын брата вышеупомянутого Петра Левановича Меликишвили – Сергей Николаевич Меликов/Меликишвили (1897–1979) был женат на графине Софье Петровне Клейнмихель (1899–1964) [14, с. 176–177].

Добавим здесь же, что родственник вышеупомянутой С. П. Клейнмихель – граф Пётр Андреевич Клейнмихель (1793–1869) являлся генералом от инфантерии, генерал-адъютантом, членом Государственного Совета, сенатором, кавалером многих высших наград, в том числе и ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Его дед служил пастором в Риге [18, с. 543]. Известны также Клейнмихели-купцы – в Либаве и Клейнмихели-ремесленники – в Бауске [21, с. 326].

Полковник Российской имперской армии, дворянин польского происхождения Всеволод Дмитриевич Старосельский (1875–1953) женился на Варваре фон-дер-Остен-Дризен, курляндской баронессе немецкого происхождения. Основатель российской ветви этого рода – барон Карл-Вильгельм-Генрих фон-дер-Остен-Дризен (1746–1827) на русской службе стал Курляндским губернатором и тайным советником.

В. Старосельский был сыном генерал-лейтенанта Российской империи, сенатора Дмитрия Семёновича Старосельского (1832–

1884) от брака с грузинской княжной Екатериной Фадеевной (Тадеезовной) Гурамовой/Гурамишвили. В разное время Д. Старосельский занимал должности генерал-губернатора Баку и начальника Главного управления царского наместника на Кавказе. Сестра Екатерины – княгиня Ольга Гурамишвили (1842–1929) являлась председательницей благотворительного Общества грузинских женщин, женой великого грузинского общественно-политического деятеля, писателя и публициста, лидера грузинского национально-освободительного движения князя Ильи Григорьевича Чавчавадзе (1837–1907), который был членом Государственного Совета Российской империи [14, с. 142–255]. Его авторитет был так велик, что его считали «некоронованным царем» Грузии. Пал жертвой тех политических сил, которых не устраивала его огромная популярность. Грузинской православной церковью причислен к лику святых.

Добавим здесь же, что зять фон-дер-Остен-Дризенов – Всеволод Старосельский участвовал в Первой мировой войне, став кавалером почетных боевых наград, а в 1918–1920 годах командовал Персидской его величества шахиншаха казачьей дивизией, которая с 1879 года исполняла роль личной охраны монархов из династии Каджаров. В 1921 году он вместе с семьёй эмигрировал в США, где купил ранчо в Калифорнии и занимался сельским хозяйством. Имел сына Дмитрия Всеволодовича Старосельского (1900-?).

3 июня 1907 года барон Александр Феликсович фон Мейендорф (1869–1964) женился на княжне Варваре (Бабо) Михайловне Шервашидзе (1859–1946).

Зять князя Шервашидзе – А. Мейендорф являлся балтийским бароном немецкого происхождения, юристом и политическим деятелем Российской империи. Его поместье «Кляйн Рооп» (ныне Мазстраупе) было расположено вблизи города Венден (ныне Цессис) в Лифляндской губернии. Он был сыном Феликса фон Мейендорфа и Ольги Михайловны, внуком командующего армией времён Крымской войны князя М.Д. Горчакова, двоюродного брата П. А. Столыпина.

А. Мейендорф работал приват-доцентом в Санкт-Петербург-

ском университете на кафедре российского права. В 1905 году стал одним из основателей «Союза 17 октября». Избирался в III и IV Государственную Думу Российской империи. Был товарищем Председателя Государственной Думы (1907–1909). В 1913 году вышел из состава вышеупомянутого Союза. В конце 1917 года был избран во Всероссийское учредительное собрание. В 1918 году уехал в Ригу, а через год – в эмиграцию. Жил в Лондоне, где преподавал в Лондонском университете (Political High School). В 1934–1939 годах жил в Финляндии, затем снова в Англии [10, с. 443–444].

Родителями супруги А. Мейендорфа являлись: владетельный князь Абхазии Михаил Георгиевич Шервашидзе (1805–1866) и княгиня Александра (Цуцу) Георгиевна Дадиани (1822–1864). Брат Варвары Шервашидзе – высокообразованный человек своего времени, светлейший князь Георгий Михайлович Шервашидзе (1846–1918) был последним владетельным князем Абхазии, период правления которого пришелся на Абхазское народное восстание 1866 года [20, с. 42–44]. Он был видным общественным деятелем, поэтом, драматургом, публицистом, ненавидел царизм и видел будущее собственного народа с братским грузинским народом в рамках единого Грузинского государства.

Внуком старшей сестры супруги А. Мейендорфа был известный представитель грузинской эмиграции князь Михаил Николаевич (Кокиевич) Дадиани (1899–1970), который сначала служил в вооруженных силах Демократической республики Грузия, а затем – Польши (1921–1939), где числился офицером кавалерии.

М. Дадиани вспоминал: «Когда мне исполнилось девять лет (здесь имеется в виду 1908 год. – Н. Д.), брат моей бабушки Георгий Шервашидзе со своей сестрой отвезли меня на лето к Бабо. Бабо – моя крестная, была замужем за балтийским бароном А. Ф. Мейендорфом, заместителем председателя Государственной Думы... в имение Мейендорфов... там был огромный дворец (шато), окруженный великолепным парком. Там же неподалеку была река, куда барон часто водил меня купаться... Я никогда не забуду весну, проведенную в «Кляйне Роп». Я не был обделен никакими удовольствиями, возможными для ребенка моих лет. Каж-

дый день я совершал конные прогулки, на гребной лодке барон катал меня по реке. Барон со своим соседом, бароном Розеном, любил охотиться на перепелок. Он ходил на охоту два-три раза в неделю и иногда брал с собой и меня. Картофельные поля были полны перепелками, и после каждой охоты мы возвращались с 10–12 перепелками. Имение барона Розена называлось «Гроссе Роп». Во время охоты бароны все время говорили о политике. Естественно, я ничего в этом не смыслил, и не помню содержания их разговоров. Дед Георгий и барон тоже большей частью говорили о политике. Георгий был большим ненавистником и врагом русских. Как я слышал потом, барон часто разделял соображения Георгия о России и считал большой несправедливостью решение царского правительства о лишении Шервашидзе имений и поместья. В 1911 году, по инициативе барона, указанное решение было обжаловано, однако, процесс по делу затянулся до начала I Мировой войны и более уже не возобновлялся. Барон даже написал довольно большую брошюру по этому делу под названием «Имущественные права владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе».

У барона и моей крестной Бабо детей не было, и вся их родительская любовь досталась мне. Барон часто поучал меня. Если я позволял себе какую-нибудь детскую непристойность или шалость, он читал мне, как минимум, часовую лекцию и наставления. На конные прогулки меня выводил служивший в русской армии наездник Владимир, который был единственным русским из всех наемных работников. Остальные были латышами... Их было много. Такому шато и парку требовалось много обслуги. Экономом тоже был латыш, с двумя детьми которого – моими ровесниками я часто играл...

В конце августа мы отправились в Петербург, где у барона был великолепный дом на Озерной улице № 12... как я узнал позже, крестная Бабо и барон хотели определить меня в Кадетский корпус, а затем – в Пажеский, но дед Георгий не захотел отдавать меня в кадеты: «Обрусееет» – сказал, и было решено вернуть меня на родину. Так что, я должен быть благодарен деду Георгию за то, что он спас меня от обрусения» [3, с. 135–137].

Князь Александр Иванович Сумбатов/Сумбаташвили (1857–

1927) был женат на баронессе Марии Николаевне Корф. Её отцом был Николай Васильевич Корф, балтийский барон немецкого происхождения, владелиц имения Погромец в Воронежской губернии. Добавим здесь же, что А. Сумбатов, который известен под псевдонимом «Южин», являлся выдающимся актёром, драматургом, председателем Московского литературного и художественного кружка, директором московского Малого театра, почётным академиком Российской Академии наук, почётным членом петербургского Александровского театра и МХАТа, Народным артистом СССР [14, с. 203].

В 1898 году князь Сергей Владимирович Жевахов (1870–1932) женился на рижанке Анне (Августе) Христиановне Мартинсон (1874–1943).

Известный врач, акушер-гинеколог, доктор С. В. Жевахов был потомком члена свиты царя Карталинии Вахтанга VI (1675–1737) князя Шиоша (Семёна) Джавахишвили, который выехал в Россию в 1724 году. Он служил в Грузинской гусарской роте, где дослужился до чина подполковника. Был пожалован 30 дворами в местечке Белик в Полтавской губернии. Его потомки носили фамилию «Жевахов» и, в основном, также были военными деятелями. Среди них особо выделялись его сыновья – Филипп (1752–1817) и Иван (1762–1837) Семёновичи Жеваховы, которые были генерал-майорами, участвовали в Отечественной войне 1812 года и портреты которых помещены в Военной галерее Зимнего дворца. После отставки И. Жевахов жил в Одессе, принимал деятельное участие в благоустройстве города, одна из улиц которого названа в честь него Княжеской, а большая прилегающая к городу возвышенность, у подножия которой расположены Хаджибеевский и другие лиманы, носит название «Жеваховой горы» [14, с. 155–156].

Добавим здесь же, что в Георгиевском зале Кремлёвского дворца на седьмой доске указано имя И. Жевахова как георгиевского кавалера.

Внучка упомянутого выше князя Сергея Владимировича Жевахова – Нина Дмитриевна Жевахова (1947 г.р.) вспоминает: «Мой дед... занимался научными исследованиями в прпедевтической

акушерско-гинекологической клинике профессора А. А. Редлиха, и в 1909 году успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «К вопросу об изменениях сердца во время беременности». Цензорами были: академик В. Н. Сироткин, профессор А. А. Редлих и приват-доцент Скробанский... Моей бабушкой была Анна Августа Мартинсон. Родилась и выросла она в Риге, была лютеранского вероисповедания. Ее отец был из Швеции, владел пароходами на Балтике, а мать, Маргарита Юлиана Иоганна Кальнинг, была немкой из Риги. Причиной такой женитьбы были монархические убеждения деда (все должно было быть как в Высочайшей семье) и необходимость, как тогда говорили, влить новую кровь в несколько увядшее грузинско-украинское родословное дерево... Анна приняла православие, и в 1898 году Анна и Сергей венчались. Венчание проходило в соборе Александра Невского в Риге» [16, с. 57–58].

Как уже указали выше, браки между представителями грузинских знатных фамилий и прибалтийских аристократических родов заключались и в эмиграции.

13 ноября 1932 года в Варшаве грузинский эмигрант, офицер польской армии князь Дмитрий Иосифович Шаликашвили (1869–1978) венчался с графиней Марией (Мисси) Александровной Рюдигер-Беляевой (1906–1950), т. е. Ридигер-Беляевой (на немецком языке – Rüdiger).

Дед Д. Шаликашвили – князь Иван Иосифович Шаликашвили (1813–1866) был генерал-майором российской императорской армии, а дед по материнской линии – вышеупомянутый сенатор Дмитрий Семенович Старосельский (1832–1884). Сам Д. Шаликашвили служил: в армии Демократической республики Грузия (до 1921 года), дипломатической миссии Грузии, отправленной к Мустафе Кемалю Ататюрку (в начале 1921 года), армии Польши (до 1939 года).

Дедом М. Рюдигер-Беляевой был генерал-лейтенант Алексей Михайлович Беляев (1831–1885), а отцом – генерал-майор Александр Алексеевич Беляев (1867–1939). Последний вступил в брак с графиней Марией Рюдигер (1864–1952), которая была дочерью курляндского графа немецкого происхождения Федора Германо-

вича (Иоганн-Фридрих) Рюдигера (1821–1904) и Софьи Юлиевны Крузенштерн (1841–1926). После вступления в брак Александр Беляев получил право прибавить к своей фамилии и фамилию тестя, который скончался незадолго до этой женитьбы. Здесь же добавим, что брат А. Беляева – Михаил Беляев (1864–1918) был последним военным министром Российской империи, генералом от инфантерии. Мария Рюдигер-Беляева была единственной дочерью и последним носителем этой фамилии и титула.

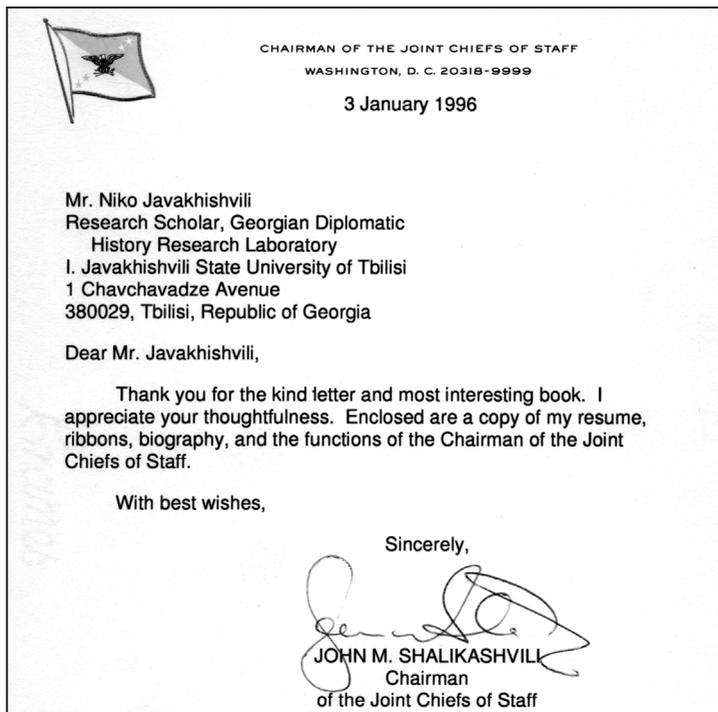
Семья Дмитрия Шаликашвили и Марии Рюдигер-Беляевой жила сначала в Варшаве (до 1944 года), а затем – в Германии, откуда в 1952 году переселилась в США. Их сын Джон-Малхаз-Давид Шаликашвили (1936–2011) был видным военным деятелем, председателем Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США (1993–1997), четырехзвездным генералом. Его старший брат – Иосиф-Отар Шаликашвили (род. в 1933 году в Польше) – тоже профессиональный военный и генерал вооруженных сил США [14, с. 255–256].

Добавим, что с прославленным генералом Д. Шаликашвили мы лично встретились 6 августа 1997 года в селе Цинандали, в Доме-музее известного поэта-романтика, генерал-лейтенанта князя А.Г. Чавчавадзе (1786–1846). Тогда Д. Шаликашвили прибыл с очередным визитом на родину своих славных предков. До этого в своем письме (см. приложение), датированном 3 января 1996 года, автору данной статьи Д. Шаликашвили высоко оценил наш труд «Грузинская фалеристика», в которой мы уделили особое место грузинским кавалерам иностранных наград [4, с. 68–73].

Сын городского головы Батуми, известного агронома князя Ивана (Николая) Захарьевича Андроникова/Андроникашвили (1863–1944) – князь Яссе (Иэссе) Андроников (1893–1937) был женат на Елене Константиновне Вахтер (1894–1938), дочери тайного советника, директора правления акционерного общества «Вахтер и К.», купца первой гильдии Константина Логиновича Вахтера, выходца из немецких промышленников, и Софии Ватсон. Их единственный сын – Константин Андроников (1916–1997), который с 1920 года жил во Франции, 27 июня 1946 года женился на Наталье Александровне Курис (1924–1983), дочери балтийской

баронессы Марии Юрьевны Мейендорф. Добавим, что К. Андроников был православным богословом, доктором и профессором Свято-Сергиевского института в Париже. Работал в Министерстве иностранных дел Франции, был переводчиком у президентов Шарля де Голля, Жоржа Помпиду и Валерия Жискара Д'Эстена. Награждён орденом Почётного Легиона. Его тётя по отцу – меценат и модель, княжна Саломея Ивановна (Николаевна) Андроникова (1888–1982) тоже жила во Франции и имела поэтическое прозвище – «Соломинка». Светская красавица, она была источником вдохновения для многих творцов «Серебряного века» [14, с. 124].

Таким образом, в указанный период целый ряд представителей знатных грузинских родов породнился с представителями аристократических фамилий, проживавших в Прибалтике [15, с. 103–121; 124–126].

Использованные источники и литература

И. Архивные материалы:

1. Российский государственный исторический архив (в Санкт-Петербурге), фонд 1617, опись 1, дело № 21.
2. Российский государственный исторический архив (в Санкт-Петербурге), фонд 1617, опись 1, дело № 22.

II. Опубликованные источники и литература:

(На грузинском языке)

3. *Дадиани М.* Воспоминания. Журнал картвелологических исследований «Pro Georgia», Варшава, 2008, № 16.
4. *Джавахишвили Н.* Грузинская фалеристика (наградоведение), Тбилиси, 1995.
5. *Джавахишвили Н.* Известные и неизвестные страницы из биографии Зураба Авалишвили. Ежегодник Национального комитета историков Грузии «Грузинская дипломатия». Т. 16, Тб., 2013.
6. *Джавахишвили Н.* Очерки из истории грузино-балтийских взаимоотношений, Тб., 2011.
7. *Елена Ахвледiani (Альбом).* Составитель и автор текста Л. Джикашвили, Тб., 2011.
8. «Сакартвело» («Грузия»). Ежедневная газета Грузинского Легиона, Берлин, 1944, № 26.
9. *Чиковани Ю.* Князя Чавчавадзе, Тб., 2002.

(На русском языке)

10. *Андреева Н.* Немцы России. Т. II, Москва, 2004.
11. *Бутулис И., Зунда А.,* История Латвии. Перевод Р. Добровенского, Рига, 2010.
12. *Дворянские роды Российской империи. Т. II. Князя. Рукводители авторского коллектива П. Гребельский и С. Думин. Под редакцией С. Думина, СПб., 1995.*
13. *Дворянские роды Российской империи. Т. III. Князя. Рукводители авторского коллектива П. Гребельский и С. Думин. Под редакцией С. Думина, М., 1996.*

14. Дворянские роды Российской империи. Т. IV. Руководители авторского коллектива П. Гребельский и С. Думин. Князя Царства Грузинского. С. Думин и Ю.Чиковани. Под редакцией С. Думина, М., 1998.
15. *Джавахишвили Н.* Очерки истории грузино-балтийских взаимоотношений, Рига, 2015.
16. *Жевахова Н.* Жеваховы, Хайфа, 2010.
17. Наброски из воспоминаний Д. Д. Оболенского, VI. «Русский Архив», Историко-литературный сборник, М., 1895, № 2.
18. *Федорченко В.* Императорский Дом. Выдающиеся савонники. Энциклопедия биографий. В двух томах. Т. I, Красноярск-Москва, 2000.
19. *Федорченко В.* Императорский Дом. Выдающиеся савонники. Энциклопедия биографий. В двух томах. Т. II, Красноярск-Москва, 2000.
20. *Чиковани Ю.* Род абхазских князей Шервашидзе (Историко-генеалогическое исследование), Тб., 2007.
21. *Шилов Д.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений (1802–1917 гг.). Библиографический справочник. Издание второе, исправленное и дополненное, СПб., 2002.

А. С. Дзагалов
(г. Киев, Украина)

ОСЕТИНЫ–ПАРТИЗАНЫ ОТРЯДА ИМЕНИ Н. С. ХРУЩЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГАОО УКРАИНЫ)

Во второй половине сентября 1943 г. в партизанское соединение имени Н. Хрущева влилась группа осетин, бывших военнопленных, находившихся в Житомирском лагере. Все они попали в плен к немцам в 1941–1942 гг. и находились Житомире от нескольких месяцев, до двух лет.

Таким образом, к июлю 1944 г. в рядах различных рот 1-го стрелкового полка имени Хрущева (часть партизан была переведена в отряд имени Н. Щорса) воевали осетины: Дзантемир Цахиллов, Хазбекир Галабаев, Григорий Габолаев, Заурбек Кодзаев, Хазби Техов, Сергей Корнаев, Казбек Амбалов, Тотик Байматов, Бек Варзиев, Виктор Карацев, Инус Маргиев, Мисост Тменов, Алексей Кудзаев и другие [1].

4 ноября 1943 г. приказом по соединению, пятеро автоматчиков, среди которых находился Бек Варзиев, были направлены в Емилчино Житомирской области, для установления связи с полицейскими для последующей их вербовки в отряд. Результаты рейда выяснить не удалось, но архивные материалы свидетельствуют, что в составе партизанских отрядов пребывало много бывших казаков и полицейских, служивших в частях немецкой армии и полицейских управлениях и перешедших на сторону партизан. 13 ноября 1943 г. Варзиев в числе 10 автоматчиков направлен в разведку в районе местечка Березное.

Бек (Борис) Соломонович Варзиев 1916 г.р., осетин, член ВКП (б) до войны проживал в г. Орджоникидзе по улице Камбилеевская №52. Попал в плен 2 октября 1941 г. Находился в лагере военнопленных до сентября 1943 г. В середине этого месяца, Варзиев вступил в партизанский отряд имени Хрущева и принимал участие во всех его боевых операциях [2].

5 ноября 1943 г. командир 2-й стрелковой роты Букин выделил 10 автоматчиков для разведки. В их числе находился автоматчик Хазби Техов. Разведчики должны были выехать в 16.00 в район с. Быстричи Березновского района Ровенской области. Техов Хазби Иванович 1912 г.р., осетин, житель станицы Змейская, до войны – колхозник, шофер. Был взят в плен немцами 20 сентября 1941 г. Находился в лагере военнопленных до октября следующего года. В партизанский отряд вступил 24 сентября 1943 г. [3].

8–9 января 1944 г. 1-й и 3-й батальоны отряда имени Хрущева, выполняя боевой приказ штаба, оказали помощь наступающим частям Красной Армии и в ожесточенных боях, несмотря на недостаток боеприпасов и соответствующей поддержки с тыла, овладели селом Мохвин и местечком Березное. За образцовое выполнение задания командования, отличившимся в бою партизанам Алексею Кудзаеву, Беку Варзиеву, Мисосту Тменову, Сергею Корнаеву объявлена благодарность. Особо отличившихся партизан Дзантемира Цахилова и Виктора Карацева, командир отряда Котляров представил к правительственным наградам [4].

Сергей Корнаев принимал участие и в так называемых хозяйственных операциях в населенных пунктах, поддерживавших националистов. 30 октября 1943 г. в с. Черно... (неразборчиво) у населения было конфисковано 14 голов крупного рогатого скота и 4 свиньи. 9 ноября того же года в с. Привез.... – 36 голов крупного рогатого скота и овец.

30 января боец-автоматчик Сергей Корнаев был назначен командиром отделения 1-го взвода. В приказе Вакуленко, командира отряда имени Хрущева от 13 марта 1944 г. отмечалось, что проверка руководства выявила недостатки, присущие многим партизанам. В частности, установлено, что в группе автоматчиков имелись случаи нарушения караульной службы – несвоев-

ременный выход на пост и самовольное его оставление. В числе нарушителей дисциплины командир отряда называл Лукашева, Конюхова и Корнаева. Однако в следующих документах, Корнаев характеризуется только с самой лучшей стороны.

В «Боевом листке» от 26 марта 1944 г. автор, партизан Усиков поместил заметку под названием «Разведка», посвященную одному из боевых столкновений с противником. Здесь отражены не только героизм отдельных партизан, но и недостатки их нерадивых товарищей: «На коротком привале, отделение Сергея Корнаева было окружено противником в количестве 40 человек. Однако, командир отделения и его бойцы действовали смело и решительно. Корнаев был ранен, но поле боя не покинул, успешно руководил своим отделением и разил противника. На помощь пришли партизаны под командованием командира роты Афанасьева и командира взвода Петренко. Но некоторые партизаны, не участвовавшие в бою, после того, как привели пленных немцев, начали их обыскивать (Малярик и Белошицкий), а Белошицкий подошел к убитым и снял сапоги, в то время как наши товарищи истекали кровью, и нужно было оторваться от противника, увести раненых и оказать им медицинскую помощь. В бою отличились: Варзиев, Персиянов, Концев, Ваховский» [5].

«Боевой листок» от 4 марта 1944 г. сообщает: «Было ясное утро. Неожиданно для нас, враг подошел к нашему расположению и обнаружил нашу заставу. Он развернулся и начал вести огонь. Наступили решающие минуты боя. Умелым маневром на поле боя пулеметчики 3-го взвода Шевляков, Муртазин, Тменов, Червоненко метким огнем вывели из строя огневые точки противника. Тем самым, они дали нам возможность перейти в наступление. Противник был вынужден отступить, бросив на поле боя раненых и убитых с оружием. Товарищи, берите пример с наших пулеметчиков» [6]. Автором заметки в стенгазете являлся командир взвода Николайчик.

Тменов Мисост Дадоевич 1923 г. р., осетин, житель с. Новый Урух Ирафского района. Был в плену в Житомирском лагере военнопленных. В партизанский отряд вступил 20 сентября 1943 г. Сестра Тменова Ольга проживала в с. Ставд-Дурт [7].

Заметки в партизанских рукописных газетах оценивать критически не нужно. Они написаны не профессиональными филологами и литературоведами, а обычными солдатами и молодыми офицерами, которые до войны работали в разных отраслях народного хозяйства и не имели к перу никакого отношения. Для нас в первую очередь важна их информативность. Автор следующей заметки, командир взвода Шеин отмечал, что разить врага нужно именно так, как это делает «осетин-пулеметчик Тменов – первый номер станкового пулемета». Стоило только фрицам показаться на горизонте, они были взяты на прицел. Открыв по команде огонь, Тменов первой же очередью скошил немало фрицев. Остальные бросились бежать, но пули нагоняли их и валили на землю. За мужество и отвагу Тменов представлен к правительственной награде» [8].

Габолоаев Григорий Гаврилович 1915 г.р., осетин, проживал в г. Алагир по улице Партизанская 19, младший лейтенант, взят в плен. В концлагере вступил в одну из вспомогательных частей Вермахта, отсюда 25 октября 1943 г. перешел к партизанам. 5 марта 1944 г. направлен в распоряжение Киевского Районного военкомат [9]. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Кодзаев Заурбек Алексеевич 1898 г.р., осетин, до войны бывший директор Драмтеатра в г. Орджоникидзе (Владикавказ), в Красной Армии с 1941 г., старшина, попал в плен к немцам в июле следующего года. В плену находился около трех месяцев. В партизанский отряд вступил 20 сентября 1943 г. Убит через два месяца – 23 ноября того же года. Точное место захоронения неизвестно. Жена – Александра Павловна, проживала в г. Орджоникидзе на улице Горького 35 [10].

В конце ноября 1943 г. в партизанской стенгазете «Боевой листок» командир отделения Свириденко поместил заметку «В засаде», где коротко рассказывается о событиях 23 ноября. Автор пишет: «Третье отделение 2-го взвода 1-й стрелковой роты отряда имени Хрущева участвовало в засаде на асфальтовой дороге Новоград-Волынский – Корец. В бою отличились пулеметчик Данильчук, который подбил три автомашины, а также бойцы Заяц и Кодзаев». Свириденко не сообщает других обстоя-

ятельств боя, пишет только, что в ходе его, смертью храбрых погиб Заурбек Кодзаев [11].

Из приказа по партизанскому отряду имени Хрущева от 30 ноября следует, что взвод лейтенанта И. Р. Решетняка вернулся из боевого задания, за исключением бойца Заурбека Кодзаева, погибшего в бою с немцами в районе дороги Новоград-Волынский, между селами Пилиповичи – Дедовичи, западнее районного центра [12] (Новоград-Волынский район Житомирской области).

29 марта 1944 г. на основании приказа штаба соединения, партизанскому отряду имени Хрущева была поставлена задача: достигнуть р. Буг, построить здесь переправу и занять оборону с целью беспрепятственного прохождения соединения через реку. Для предотвращения форсирования реки, противник, силами батальона, имеющего на вооружении танки, артиллерию, бронемашину повел наступление в районе сел Мазярня-Паранска. В результате 3-х часового боя 30 марта отряд имени Хрущева отбил атаки противника, который оставил на поле боя 60 убитых и 45 раненых солдат и офицеров. Подбиты были 1 танк и две автомашины. Кроме того, артиллерийским и минометным огнем уничтожено 4 пулеметные точки. В качестве трофея, партизанами захвачено немецкий пулемет и 10 винтовок. За образцовое выполнение приказа командования, группе партизан была объявлена благодарность, наиболее отличившиеся представлены к правительственным наградам. Благодарность получили Алексей Кудзаев, и Тотик Байматов, а пулеметчик 3-й роты Мисост Тменов представлен к награде [13].

2 апреля 1944 г. штаб соединения расположенный в с. Гута-Поляничка приказал отправить раненых в тыл для дальнейшего лечения. Среди раненых находился Сергей Корнаев.

Сергей Тимофеевич Корнаев 1904 г. р., осетин, житель села Дигора, до войны работал слесарем в местном МТС, сержант, попал в плен к немцам 27 мая 1942 г. В партизанский отряд вступил 20 сентября 1943 г., член ВКП (б). Жена – Корнаева Варвара Ивановна [14].

Переправке раненых в тыл препятствовал немецкий гарнизон, размещенный по маршруту движения – в польском местечке Топорув. Вооруженный пулеметами и минометами противник представ-

лял серьёзную опасность. Поэтому, отряд имени Хрущева получил приказ выбить его из местечка и обеспечить проход обоза с ранеными. Партизаны, силами одной роты и двух взводов, при поддержке 76мм орудия, одной 45мм пушки и минометов вступили в бой. Через 2,5 часа гарнизон противника был разбит и обращен в бегство. Было убито и ранено до ста немецких солдат. На поле боя осталось много снаряжения и оружия противника. Снова отличились Тменов, Байматов и Кудзаев. Первым объявлена благодарность командования, а Кудзаев представлен к правительственной награде.

4 апреля 1944 г. командир отряда Вакуленко писал в рапорте Николайчику: «Довожу до вашего сведения, что 4.04. 1944 г. в 12.00 немцы, в количестве 45 человек, двигались по направлению дислокации партизанского отряда имени Хрущева в с. Черняховка. Наши заставы открыли огонь по противнику. В результате, противник оставил на поле боя 14 человек убитыми и 15 раненых. Трофеи: Ручные пулеметы «Универсал» – 2 штуки, винтовки – 3, пистолеты – 3, патроны 380, гранаты 2. Потери: убит 1 партизан, ранены двое. Отличились: Мисост Тменов, Алексей Кудзаев» [15].

7 апреля 1944 г. боец группы автоматчиков Бек Варзиев «для пользы дела» приказом по соединению назначен командиром отделения. Он был переведен в кадровые части Красной Армии, однако, как следует из документов уточняющих потери, связь с ним пропала в августе 1944 г. Жена его Мария Поликарповна Варзиева проживала в с. Капыстичи, Рыльского района Курской области. В книге Памяти Орловской области он записан, как пропавший без вести. Однако, как следует из документов, в 1986 г. житель г. Орджоникидзе Варзиев Борис Соломонович 1916 г.р., был награжден орденом Отечественной войны II-й степени в ознаменование 40-летия Победы. Известно, что в партизанских документах Бек Соломоновича Варзиева называли Борисом. Год рождения их совпадает. Значит, речь, скорее всего, идет об одном и том же человеке.

Алексей Малиевич Кудзаев 1904 г.р., осетин, житель с. Дигора, бывший колхозник. Взят в плен немцами 30 июня 1942 г., находился в лагере военнопленных в Житомире. Вступил в партизанский отряд 17 сентября 1943 г. Алексей Кудзаев являлся одним

из лучших стрелков отряда. 20 апреля по итогам проверочных стрельб из винтовки и РПД, ему за меткое поражение целей объявлена благодарность.

В приказе от 1 мая 1944 г. командир соединения писал: «В рядах партизанского отряда имени Хрущева выросли и закалились в боях с немецкими захватчиками лучшие кадры народных мстителей. Отмечая день Первомая, представляю к правительственным наградам бойцов особо отличившихся в боях». В их числе назывались осетины Мисост Тменов, Алексей Кудзаев, Хазби Техов [16].

Маргуев Инус Казиевич 1900 г.р., осетин, уроженец с. Карджин Дарг-Кохского района, до войны был парторгом. Вступил он в отряд имени Хрущева 20 июля 1944 г. До этого находился в плену у немцев, вероятно, чтобы не умереть с голоду в концлагере, вступил во вспомогательную часть Вермахта, и был направлен в Люблинское воеводство (Польша), откуда бежал к партизанам. Здесь он принимал активное участие в боевых и хозяйственных операциях. После расформирования партизанского соединения, направлен в распоряжение Райвоенкомата г. Рава-Русская. Другими сведениями, я на сегодня не располагаю.

Бывшие партизаны Мисост Тменов и Хазби Техов так же как и многие партизаны были направлены в воинские части Красной Армии. Гвардии красноармеец Мисост Дадоевич Тменов служил ездовым пулеметной роты 342-го Гвардейского стрелкового полка 121-й Гомельской дивизии 1-го Украинского фронта. 28 сентября 1944 г. он был награжден медалью «За боевые заслуги». Согласно наградному листу, Тменов, в период боевых действий по обороне в районе польского села Стшижовице с 26 по 28 августа 1944 года, своевременно доставлял на передний край боеприпасы, благодаря чему подразделение успешно выполнило задачу по отражению контрнаступления противника.

Мисост Тменов получил тяжелое ранение и умер 14 января 1945 г. в госпитале после ампутации левой стопы. Похоронен он в лесу, в пятистах метрах западнее села Пулачув, Келецкого воеводства Польши [17].

Хазби Техов служил шофером 3-го дивизиона 781-го артиллерийского полка 215-й стрелковой Смоленской дивизии. 16 де-

кабря 1944 года он был награжден медалью «За отвагу» за то, что доставлял боеприпасы на передовую линию, несмотря на артиллерийский обстрел, и проявил при этом дисциплинированность и мужество [18].

После капитуляции Германии, дивизия в которой служил Техов, была переброшена на Дальний Восток, где продолжались боевые действия против Японии.

23 августа 1945 г. он награжден очередной медалью «За отвагу» за то, что в период наступления, будучи шофером, умело вел машину с орудием более 350 километров, ни разу не допустил поломки и аварии, в полосе бездорожья, самоотверженно работал по налаживанию транспорта, а в боях проявил себя мужественным и отважным воином [19].

Тотик Темирович Байматов 1906 г.р., осетин, уроженец с. Средний Урух Ирафского района. Был в немецком плену в Житомирском лагере военнопленных. После освобождения, вступил 9 сентября 1943 г. в партизанский отряд имени Хрущева. Жена – Надежда Байматова. После расформирования партизанского отряда, в августе 1944 г. он направлен Волынским РВК в 227-й стрелковый Львовский полк 183-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Леонида Василевского. В его рядах, Байматов принимал активное участие в Карпатско-Дуклинской операции по освобождению Западной Украины, и был ранен 5 ноября 1944 г. [20].

16 января 1945 г. дивизия получила боевой приказ, овладеть польским городом Ясло – сильно укрепленным узлом обороны немцев. Выполняя приказ, она стремительным ударом взяла город и полностью очистила его от противника. Успешно продвигаясь вперед, полки дивизии овладели переправой реки Дунаец в пятистах метрах от с. Филиповце, тем самым обеспечив дальнейшее продвижение частей и захват укрепленного пункта в местечке Чхув, чем был создан плацдарм для наступления всего корпуса. За восемь дней боев, дивизия прошла 150 километров, уничтожив свыше 2000 вражеских солдат и офицеров. К 23 января было подбито и сожжено 2 танка, 6 бронетранспортеров, 4 САУ, 60 орудий, 10 минометов и др. 21 января 1945 г. в бою по овладению местечком Величко, красно-

армеец Байматов из винтовки убил трех немецких солдат. За мужество и находчивость в бою, он награжден медалью «За отвагу».

30 января 1945 г. в ходе прорыва обороны немцев, минометчик 3-й роты Тотик Байматов подавил огневую точку противника и уничтожил пятерых вражеских солдат. Награжден за этот подвиг второй медалью «За отвагу» [21].

В архивах Украины сосредоточено еще много неопубликованных материалов, содержавших сведения о выходцах из северокавказских республик, которые сумели бежать из фашистского плена и, примкнув к партизанскому движению на Украине, проявили лучшие качества кавказцев: мужество, стойкость, героизм, решительность и волю к победе в борьбе против немецких оккупантов и бандеровцев-националистов.

Использованные источники и литература

1. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины) Ф. 79. Оп.1. Д. 29. Списки принявших присягу, награжденных, раненых и погибших партизан Тернопольского отряда имени Н. Хрущева в 1943 г. – 183 л.; ЦГАОО Украины Ф. 105. Оп.1. Д. 44. Приказы по 1 батальону отряда имени Хрущева 25 января 1943–28 декабря 1943 гг. – 190 л.; ЦГАОО Ф. 80. Оп.1. Д. 15. Партизанское соединение имени Хрущева. Списки личного состава, представленных к правительственным наградам, умерших от ран, погибших в боях и пропавших без вести. Начато 8 мая 1944 г., окончено 5 августа 1944 г. – Л. 62

2. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 30. Списки личного состава партизан направленных в ряды Красной Армии – Л. 52.

3. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 30. Списки личного состава партизан направленных в ряды Красной Армии – Л. 53.

4. ЦГАОО Украины Ф. 105. Оп.1. Д. 44. Приказы по 1 батальону отряда имени Хрущева 25 января 1943–28 декабря 1943 гг. – Л.14

5. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 20. Боевой листок №4 за 26 марта 1944 г. – Л. 64.

6. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 19. Боевые листки 3-й стрелковой роты. – Л. 130.

7. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 30. Списки личного состава партизан направленных в ряды Красной Армии – Л. 52.
8. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 19. Боевые листки 3-й стрелковой роты. – Л. 131.
9. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 30. Списки личного состава партизан направленных в ряды Красной Армии – Л. 53.
10. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 30. Списки личного состава партизан направленных в ряды Красной Армии – Л. 54.; ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 19. Л 131.; ЦГАОО Украины Ф. 105. Оп.1. Д. 48. Л. 256.
11. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 19. Л 131.
12. ЦГАОО Украины Ф. 105. Оп.1. Д. 44. Приказы по 1 батальону отряда имени Хрущева 25 января 1943–28 декабря 1943 гг. – Л.177.
13. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 20. Списки личного состава партизан направленных в ряды Красной Армии – Л. 96.
14. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 30. Списки личного состава партизан направленных в ряды Красной Армии – Л. 52.
15. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 8. Л. 88.
16. ЦГАОО Украины Ф. 79. Оп.1. Д. 23. Приказы по отряду имени Хрущева – Л. 116.
17. ЦАМО Ф.58, Оп. 18003. Д. 397. Л. 32. Донесения о безвозвратных потерях. Интернет-ресурс: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56445418>
18. ЦАМО Ф.33, Оп. 686196. Д. 2031. Л. 241. Из наградного листа Техова Х.И. Интернет-ресурс: <http://www.podvignaroda.ru/?n=23946602>
19. ЦАМО Ф.33, Оп. 686196. Д. 1279. Л. 8. Из наградного листа Техова Х.И. Интернет-ресурс: <http://www.podvignaroda.ru/?n=23707571>
20. ЦАМО Ф.33, Оп. 690306. Д. 2739. Л. 466. Из наградного листа Байматова Т.Т. Интернет-ресурс: <http://www.podvignaroda.ru/?n=40529961>
21. ЦАМО Ф.33, Оп. 690306. Д. 3364. Л. 466. Из наградного листа Байматова Т.Т. Интернет-ресурс: <http://www.podvignaroda.ru/?n=43542504>

К. Р. Дзалаева
(г. Владикавказ, Россия)

ВОВЛЕЧЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННО- АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Присоединение Северного Кавказа к России, как известно, вылилось в длительный процесс, сопряженный с многофакторными и многосложными проблемами, которые требовали незамедлительных мудрых и дальновидных управленческих решений, от продуманности и адекватности которых кардинальным образом зависел в целом успех укрепления политических позиций российской власти в регионе. Интеграция территории в состав Российской империи требовала унифицирования культурологических и социально-экономических особенностей северокавказского социума с общероссийскими. Специфичность задач, стоящих перед Россией на данном поприще и условия, в которых предстояла их реализация, диктовали применение царской властью различных административно-управленческих стратегий.

Особенности управления северокавказскими территориями обнаружили уже на начальном этапе становления государствен-

но-административного аппарата, который в общих чертах в институциональном плане соответствовал общероссийскому, основанному на губернском правлении, учрежденном Екатериной II в 1775 году и игравшему основную роль в провинциальном устройстве [1, с. 166].

Важнейшее значение придавалось укреплению имперских позиций в Осетии, в силу наиболее важного военно-стратегического положения ее территории, в обладании которой Россия особенно нуждалась в сложившихся в тот исторический период внешнеполитических условиях. Официальное присоединение Осетии, позволило российскому правительству приняться за мероприятия по формированию здесь административно-управленческого аппарата [1, с. 168]. Для более эффективного взаимодействия с местным населением в дело государственно-административного управления со временем стали привлекаться и сами его представители.

Ярким подтверждением является утверждение на должности городского головы осетин С. М. Алдатова (в г. Моздок) и Г. В. Баева (в г. Владикавказ).

Соломон Матвеевич, роился в 1847 году, образование получил в Моздокском городском училище. Согласно итогам Моздокского избирательного собрания 17 февраля 1881 года он был избран гласным Моздокской городской Думы. В апреле того же года его избрали товарищем директора Моздокского городского общественного банка, а в феврале 1886 года – директором Моздокского городского общественного банка, в должности которого С. Алдатов прослужил вплоть до 1888 года. По итогам баллотирования в Моздокскую городскую Думу от 26 ноября 1893 года Соломон Алдатов становится Моздокским городским головою.

С 1809 года он состоял членом Моздокской санитарной комиссии, с 1890 года – директором Моздокского тюремного отделения, а также ему довелось являться председателем Моздокского сиротского суда, почетным попечителем Моздокского женского Александровского училища, блюстителем Моздокского Кирилло-Мефодиевского приходского училища. В 1894 году Соломон Алдатов был избран председателем Моздокского благотворительного общества и членом депутации от города Моздока «для

возложения венка на гроб в Бозе почившего Государя Императора Александра III и принесения Их Императорским Величествам Государю Императору Николаю Александровичу и Государыне Императрице Александры Федоровны по случаю их бракосочетания, и в память этого события награжден настольною серебряною медалью» [2, л.59–64].

Во время возведения здания для Моздокского городского трехклассного училища С. Алдатов избирался председателем комиссии по его постройке. Также он состоял на должности председателя Ликвидационной комиссии по делам Моздокского городского общественного банка, блюстителя Моздокского Кирилло-Мефодиевского училища и попечителем находящегося при нем же второштатного училища.

Активная деятельность С. М. Алдатова была отмечена серебряной медалью на ленте ордена Св. Александра Невского, темно-бронзовой медалью на ленте из государственных цветов, серебряной медалью для ношения на Станиславской ленте и настольной серебряной медалью.

Первым осетином, избранным на должность городского головы Владикавказа является государственный и общественный деятель, юрист, публицист, фольклорист, литературный критик и педагог Георгий (Гаппо) Васильевич Баев (1870-1939) – один из выдающихся представителей осетинской интеллигенции второй половины XIX – начала XX веков, просветитель и гуманист, заслуживший примером всей своей жизни право называться нравственным эталоном Осетии.

В 1889 году Г. В. Баев успешно окончил курс во Владикавказской классической гимназии, а в 1894 году – юридический факультет Новороссийского университета в Одессе. В том же году он вступил в сословие присяжных поверенных и занимался адвокатской практикой.

Энергичная общественная деятельность Гаппо Баева началась сразу после возвращения домой. Его искренне заботила жизнь родного народа, он всеми силами способствовал его развитию, просвещению, указывая на преимущества принятия государственности и гражданственности, принимал участие в деятель-

ности «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», на должность председателя которого он был избран в 1902 году. Г.В. Баев также являлся членом Правления «Терского общества сельского хозяйства», действительным членом Терского областного и Ставропольского губернского статистического комитета» [3, л.12]. Историческую перспективу народов Северного Кавказа он связывал с идеей единой конституционной России и непрестанной заботы о простом народе. Именно Г.В. Баев заложил основы кооперативного движения в Осетии, видя в нем единственное средство повышения благосостояния народа, организовал сельские банки, кредитные товарищества, общественные амбары, в которых можно было получить ссуду под невысокий процент [4, с. 21]. Так, в 1894 году он стал инициатором подачи начальнику Терской области просьбы о введении земских учреждений в крае, выработанных с учетом местных условий, а в 1905 году им был основан Ольгинский сельский банк, который должен был облегчить жизнь горца, помочь ему выживать в непростых условиях, способствовать утверждению гражданского мира и согласия.

Высокие профессиональные и личностные качества Г.В. Баева не остались незамеченными и способствовали избранию его в 1905 году гласным Владикавказской Городской думы и членом Городской управы, заступающим место городского головы. В 1912 году он был избран, а затем и утвержден в должности городского головы Владикавказа приказом Наместника на Кавказе от 23 ноября 1912 года [3, л. 11].

На этом посту Гаппо Баев проявил прекрасным администратором – благодаря его знаниям, усилиям и искренней заботе, город Владикавказ заметно преображался – мостились улицы, совершенствовался городской водопровод, расширялась зона электрификации. Владикавказ утопал в зелени и цветах, считался одним из красивейших городов юга России. При Г.В. Баеве Владикавказ был включен в число восьми российских городов, в которых предполагалось открытие университетов [5, с. 3]. Как выдающийся руководитель и общественный деятель Гаппо Баев получил общероссийское признание. Посвященная ему статья с приложен-

ным портретом в 1913 году была помещена в юбилейный альбом «300-летие дома Романовых».

Главным объектом его интересов была жизнь земляков-горцев. Одной из важных заслуг перед соотечественниками является вклад Г. В. Баева в развитие осетинской письменности. Так, еще в первых номерах газеты «Казбек» был помещен его очерк «Осетинская письменность», в котором автор взывал к молодому осетинскому поколению по поводу необходимости дружной работы над собранием народных произведений [3, л. 11]. Г. В. Баев считается родоначальником книгоиздания в Осетии и учредителем издательского общества «Ир». В 1897 году с применением нового правописания была издана поэма «Афхардты Хасана», принадлежавшая перу А. З. Кубалова, переведенная на русский язык Г. В. Баевым. В 1889 году при активном содействии Гаппо был издан сборник Коста Хетагурова «Ирон фандыр». Позже он содействовал и изданию сборника со стихотворениями и прозаическими произведениями молодых осетинских писателей. О разнообразии проблем, волновавших Гаппо Баева, можно судить по его публицистическим работам, среди которых «Сборник в 1000 осетинских пословиц», «Сборник осетинских сказок», «Калым», «О чем говорят в Осетии», «Осетинский дивизион» и многие другие. Немало своих работ он посвятил творчеству своих земляков-литераторов А. Кубалова, Г. Цаголова, Ц. Амбалова и др.

Круг познавательных интересов Г. Баева был весьма широк: он рассматривал вопросы о просвещении, письменности, фольклоре, религии, осетинском конном дивизионе и т. д. В 1915 году, занимая пост городского головы Владикавказа, с целью мотивировать молодых осетин на защиту общей родины в начавшейся войне, Гаппо написал брошюру «Боевая служба осетин», посвященную подвигам славных сынов Осетии, участвовавших в составе русской армии в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., поведение которых, согласно оценке генерала Скобелева, «по беспримерному самоотвержению и рыцарской храбрости» было «выше всякой похвалы». В частности он писал: «... Джигиты осетины! – Вы идете на борьбу за свое великое Государство – Россию и за свою маленькую родину – Осетию, которая провожает Вас с

гордостью... [6, с.12]. Каждый ваш подвиг будет подвигом теперь целого народа... Идите храбро в борьбу за Россию – нашу общую мать, под могучим крылом ее мы выросли, сохранили свою родину, развили свою жизнь... От Вашего поведения и службы, молодые воины Осетии, зависит теперь все будущее счастье нашего народа и его дальнейшее процветание... Не может быть больше чести и гордости, чем быть теперь защитником отечества, ибо наш старший брат – весь русский народ встал на защиту общего нашего храма – Святой Руси...» [6, с. 13].

Г. В. Баев встретил спокойно Февральскую революцию, призвав земляков выполнять распоряжения Временного правительства. Пост он оставил, но общественной деятельностью он продолжил заниматься, принял участие в съездах осетинского народа, вошел в избранный IV съездом в ноябре 1917 года Осетинский национальный совет, стал одним из инициаторов создания Союза объединенных горцев [4, с. 22].

В 1920 году Г. В. Баев был вынужден покинуть любимую землю Осетии – два года он находился в Грузии, сотрудничая с газетами «Вольный горец» и «Ног цард». В 1926 году выдающийся сын Осетии Гаппо Васильевич Баев навсегда покинул Россию и обосновался в Германии, где с мая 1926 года и до конца своих дней Г. В. Баев работал в университете имени Гумбольдта в Берлине, где читал лекции по осетинскому языку слушателям семинара по восточным языкам и состоял заведующим иностранного отделения.

Народная любовь и уважение к Г. В. Баеву очень хорошо отражены в письме известного осетинского издателя Ельбуздуко Гутнова: «Глубокоуважаемый Гаппо! Я вновь должен отблагодарить от глубины души. У меня опять большой шаг вперед, если не ошибаюсь. Но я Вас вновь вспомнил и еще и вечно должен благодарить. Вот все, что могу выразить Вам за данный Вами мне путь, т. е. дорогу к истинному труду. Я тружусь, и, трудясь, я в глубине души всегда вспоминаю Вас и искренно благодарю! Никогда я не забуду Вас и буду утверждать, что только благодаря Вас я стал на истинной дороге к жизни и труду.

Я получил новую карьеру в министерстве финансов; карьера,

которую редко и очень редко удастся получить «обыкновенному, смертному наборщику». Ради Бога! Вы не осуждайте меня, если я так сильно восторгаюсь. В глубине души я благодарю только Вас! И думаю, что я должен оправдать свое назначение и докажу, что осетин, родившийся в глубине гор Кавказа, под скалами, может выйти также свободно и стать на ряду с европейским пролетарием, который нас принимает так радостно в ряды свои, меня принимают, как осетина, очень любезно, но и за эту любезность могу ответить также любезно.

Зæрдиаг арфæдин кæнин дзæбæхдзинадæн!

Если когда-нибудь я Вам нужен буду, я отзовусь чистосердечно.

Искренне уважающий Вас

Ел. Гутнов» [7, л. 66–67].

И действительно, Е. Гутнов вместе с Г. В. Баевым занимался изданием осетинских книг в Германии.

Всю оставшуюся жизнь, находясь в эмиграции, Гаппо Васильевич мечтал об Осетии, надеялся побывать там хотя бы еще раз, мечтал о том, что когда-нибудь восторжествует правда и что кто-то из потомков перевезет в Осетию его «усталые кости», которые «там обретут, наконец, долгожданный покой» [8, с. 4]. Не стало Гаппо в апреле 1939 года.

Лишь спустя многие годы прах Г. В. Баева был возвращен на родину в 1995 году и торжественно перезахоронен в пантеоне владикавказской Осетинской церкви, рядом с могилой его друга Коста Хетагурова.

Утверждение основ государственности и гражданственности на Северном Кавказе в период второй половины XIX – начала XX вв. рассматривалось российской властью как важнейший регионально-стратегический приоритет. Формирование государственно-административной системы управления напрямую было направлено на решение соответствующих задач, определяющих степень взаимодействия общегосударственной парадигмы с традиционными формами общественных отношений. Вовлечение представителей местного населения в государственно-админи-

стративное управление было направлено на скорейшую и более эффективную интеграцию территории Северного Кавказа в общегосударственное административное поле. Немногочисленные, но яркие представители местного чиновничества, демонстрируя высокий профессионализм и компетентность, собственным примером доказывали преимущество такой административной политики.

Библиография

1. *Кобахидзе Е.И.* «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления: Монография; УРАН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 452 с.
2. ЦГА РСО-А Ф. 123. Оп. 1. Д. 165.
3. *Киреев Ф.С.* По улицам Владикавказа. Ростов-на-Дону, 2007.
4. ЦГА РСО – А Ф. 224. Оп. 1. Д. 1.
5. *Бзаров Р.С.* Слово о Гаппо Баеве // Северная Осетия. 1995 г. 12 апреля.
6. *Баев Гаппо.* Боевая служба осетин. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1991./Составления и примечания Р.С. Бзаров. Текст печатается по изданию: *Баев Гаппо.* Боевая служба осетин. Владикавказ: Типография Н.Г. Габисова, 1915. – 60 с.
7. ЦГА РСО-А Ф. 224. Оп. 1. Д. 261.
8. *Бекмурзов А.* Нравственный эталон осетинского народа. Памяти Гаппо Баева // Северная Осетия. 1995. 24 апреля.

Л. Р. Кафар-заде
(г. Баку, Азербайджан)

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ ИСКАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДИНАСТИИ СЕФЕВИДОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В отечественной исторической науке на основе довольно обширных сведений средневековых источников твердо доказано, что азербайджанская династия Сефевидов, занимавшая особое место не только в истории азербайджанской государственности, сыгравшая значительную роль в исторических судьбах народов Южного Кавказа, Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока и др., но и в этнической консолидации азербайджанского народа, была тюркского происхождения. Тем не менее, в англоязычной историографии проблема этнического происхождения Сефевидов является одной из дискуссионных. Учитывая тот факт, что, Азербайджан исторически является важным составным элементом международных отношений и, соответственно, обладает большим политическим авторитетом как на Востоке, так и на Западе, объективное донесение исторической действительности азербайджанского народа и Азербайджана в целом до международного научного сообщества не только научно актуально, но и политически необходимо, тем более, что именно Сефевиды объединили как южные, так и северные области Азербайджана в пределах

единого централизованного государства, что в свою очередь способствовало их более тесному политическому, экономическому, культурному и этническому сближению.

В англоязычной историографии Сефевидам, являвшимся тюркской династией, нередко приписывают курдское, персидское и даже арабское происхождение. Ряду англоязычных исследователей свойственно «иранизировать» династию Сефевидов. К примеру, выдающийся ориенталист, автор фундаментальных исследований по Сефевидам Р. Сейвори пытается представить династию Сефевидов «иранской», всячески игнорируя приведенные в источниках неопровержимые факты и доказательства ее тюркского происхождения. Так, Р. Сейвори, хотя и указывает, что происхождение династии Сефевидов «непонятное», тем не менее, отмечает, что Сефевиды происходят из «аборигенного иранского рода», но не тюркского, как об этом иногда утверждают. Исследователь предполагает, что семья происходила из Персидского Курдистана, откуда позже переселилась в Азербайджан, где и переняла азербайджанскую форму тюркского языка, в итоге поселившись в XI в. в маленьком городе Ардебиле. К тому же, оценивая создание государства Сефевидов в 1501 г. как переломный момент в иранской истории, Р. Сейвори отмечает, что впервые со времен арабского завоевания Ирана, спустя 8,5 столетий вся территория, исторически являвшаяся сердцевиной Ирана, была воссоединена под властью одного персидского царя (шаха Исмаила I – Л. К.), хотя и говорившего на диалекте Азери тюркского языка. К слову, тот факт, что Исмаил I писал стихи не на персидском или каком-нибудь другом языке, а именно на тюркском, Р. Сейвори «объясняет» политической целью шаха – дабы сделать эффективнее проповедь сефевидской *da'wa* (пропагандистской идеи) для тюркманских племен – кызылбашей, он обращался к ним посредством своих простых стихов на их же родном тюркском диалекте. Более того, Р. Сейвори указывает, что восстановление Сефевидами иранского суверенитета в пределах традиционных границ Ирана естественным образом усилило иранское национальное самосознание или *Iranismus* [17; 18].

Выдающийся иранист Э. Йаршатер указывает, что Сефевиды,

являвшиеся первоначально ираноязычным (курдским) кланом, впоследствии тюркизировались и переняли тюркский язык как свой родной [22]. Причем, как и Р. Сейвори, Э. Йаршатер пытается скрыть явный, неоспоримый факт тюркского происхождения и тюркоязычности Сефевидов «практическими целями» [23], хотя какими именно исследователь не указал.

Помимо Э. Йаршатера концепции курдского происхождения Сефевидов придерживается и ряд других исследователей. Так, Р. Матти отмечает, что Сефевиды являлись персами курдского происхождения [11]. Дж.Перри же, хотя и не уверен в своем определении, но высказывает возможность того, что тюркоязычная Сефевидская семья из Ардебилля была тюркизированного иранского (по предположению исследователя, курдского) происхождения, которая захватила Иран и установила тюркский язык языком двора и военщины, языком широко распространенного общения, придав ему высокий общественный статус, в то время как персидский – язык высокой литературы и гражданской администрации – фактически остался не тронут по статусу и содержанию [13]. К. Босворт также отмечает, что, хотя Сефевиды и говорили по-тюркски, по происхождению они, вероятнее всего, были курдами [4]. Идентичного мнения придерживается Ф. Дафтари, ссылаясь на тот факт, что предок основателя Суфийского ордена Шейха Сефи ад-Дина в седьмом поколении – Шейх Фирузшах «Зерринкюлах» переселился в Азербайджан именно из Курдистана [5].

Необходимо отметить, что основной причиной того, что династию Сефевидов в западной, в данном случае в англоязычной, историографии часто характеризуют курдской по происхождению, является тот факт, что иранский исследователь А. Кесрави, еще в 30-х гг. XX в. изучив агиографическое сочинение «Саффат ас-сафа», являющееся первым источником по генеалогии Сефевидов, в частности Шейха Сефи ад-Дина, пришел к выводу, что предок последнего – некий Фирузшах «Зерринкюлах», представленный в сочинении как «аль-Курди аль-Сенджани», является курдом. Причем, как утверждает А. Кесрави, нисба «аль-Сенджани» приведена неправильно, вместо нее должно было бы быть

«аль-Сенджари» по одноименной области в Диярбекире. Однако ввиду того, что в самих средневековых источниках имеются сведения о нахождении в период средних веков области Сенджан недалеко от Мерва, а также в Азербайджане [подробнее см.: 1], предположения А. Кесрави становятся научно не обоснованными.

В англоязычной историографии особое внимание уделено и вопросу арабского происхождения династии Сефевидов. Основной причиной появления в научной среде предположений о возможных арабских корнях династии Сефевидов являются приведенные в сочинении Ибн Беззаза «Саффат ас-сафа» сведения о родственных связях предков Сефевидов с шиитскими имамами, в частности с седьмым имамом Мусой аль-Казымом, и пророком Мухаммедом, о принадлежности их к роду сейидов. Однако тщательное изучение как оригинальной рукописи (составленной и завершённой Ибн Беззазом в 1358 г.), так и поздних версий данного агиографического сочинения показало, что именно эти части были сфабрикованы и «пришиты» к нему позднее «по заказу». Как известно, с приходом шаха Исмаила I к власти в 1501 г. одним из первых и приоритетных направлений внутренней политики стала именно религиозная политика, в частности возведение шиитского толка (исна ашара) ислама в статус государственной религии – событие беспрецедентное в средневековом исламском мире. Отметим, что данный шаг шаха был стратегическим ходом. Из «Саффат ас-сафа» видно, что раньше Сефевиды были суннитами, а кызылбаши, являвшиеся боевой, ударной силой, составившие основу азербайджанского государства Сефевидов и сосредоточившие в своих руках всю полноту политической и военной власти в государстве (из 72 поименно известных эмиров, общее количество которых составляло 114 человек, 56 были именно кызылбашами, а в целом тюркоязычных эмиров было 61), являлись шиитами. Следовательно, генеалогия и религиозные взгляды Шейха Сефи – основателя Суфийского ордена – стали несовместимы с образом государства Сефевидов. Перед сефевидскими шахами возникла необходимость «узаконить» свое право на власть. Выход из ситуации был найден в возведении генеалогии династии Сефевидов к шиитским имамам. Именно с этой целью

шах Тахмасиб I (1514–1576) поручил Мирзе Ахмеду ибн Гаджи Кариму Тебризи «исправить» исходный вариант «Саффар ас-саффар». Так, в 1542 г. появилась новая версия указанного сочинения, где происхождение Сефевидов было существенно удревнено и привязано к седьмому имаму Мусе аль-Казыму, а в качестве «доказательства» новая генеалогия была дополнительно подкреплена тремя рассказами, хотя само их содержание противоречило поставленной шахом цели (к примеру, ни жена, ни 31-летний сын Шейха Сефи Шейх Садреддин не знали об их принадлежности к роду сейидов и т. д.) [подробнее см.: 1].

Отметим, что в условиях геополитического соперничества великих империй стремления «сакрализации» происхождения правящей династии были свойственны не только Сефевидам. Так, Ш. Куинн отмечает, что османы возводили свое происхождение к Огуз-хану – легендарному герою-прародителю огузских племен, моголы же и вовсе – к Адаму, прародителю человеческого рода [15]. Кроме того, как отмечает Т. Светоховский, сделав шиизм официальной религией, шах Исмаил I прочно изолировал азербайджанцев от этнически и лингвистически схожих с ними османских турков, которые были суннитами [21]. Как и Т. Светоховский, британский историк Э. Хобсбаум также указывает на этническую составляющую религиозной политики Исмаила I. Так, Э. Хобсбаум отмечает, что религия сыграла роль катализатора для национализма (о каком «национализме» может идти речь в средние века?! – Л. К.), в качестве же примера он приводит значение зороастризма при Сасанидах и шиизма при Сефевидах, внесших большой вклад в формирование иранского этно-национального определения [9].

Необходимо отметить, что большинство англоязычных исследователей, в частности таких как Р. Магги [11], Р. Сейвори [16], признает, что идея родственных связей Сефевидов с имамами, и, как следствие, их арабского происхождения не что иное, как вымысел, фикция.

Тем не менее, большинство изученных нами работ позволяют нам сделать вывод, что все же в англоязычной историографии преобладают сторонники тюркского происхождения династии

Сефевидов. Среди них можно указать таких авторитетных исследователей, как Р. Фрай, М. Маззаоуи, М. Прайс, Т. Сонн, Д. Айалон, А. Гольдшмидт, Л. Дэвидсон и др. [2; 6; 8; 12; 19; 14].

В самом сочинении Ибн Беззаза «Саффат ас-сафа», на сегодняшний день являющемся первым источником, содержащим сведения о далеких предках Сефевидов, есть неопровержимые доказательства тюркского происхождения династии Сефевидов. Так, к примеру, при встрече Шейха Сефи со своими мюридами на земле персов Ширазе к нему обращались именно как к тюрку: «Эмир Абдулла, имевший высокий сан и мужество которого было известно во всем Фарсе, сказал (обращаясь к Сефи): Эй, тюркский святой (*«тир-и тюрк»*) ...» [цитирую по: 24]. К тому же, в данном источнике приводятся сведения и об этнической принадлежности местного населения села Ардебиля, где жил Шейх Сефи: данное село в сочинении характеризуется как «тюркское село» (*«дех-и тюрк»*) [см.: 24]. Необходимо отметить, что, несмотря на внесенные по указаниям шаха Исмаила I и шаха Тахмасиба I текстуальные изменения в поздние рукописи «Саффат ас-сафа», аналогичные факты тюркского происхождения династии Сефевидов есть даже в них.

Кроме того, считаем крайне необходимым подчеркнуть еще один факт тюркского происхождения династии Сефевидов. Прозвище предка Сефевидов Фирузшаха «Зерринкюлаха», о котором повествуется в «Саффат ас-сафа», в переводе с персидского означает «золотой головной убор». Очевидная аналогия с названием «кызылбаш» (означает «золотоголовые», «красноголовые», т.к. тюркские племена, составившие опору Сефевидской власти, носили чалму с 12 полосами в честь 12 имамов) позволяет предположить связь, преемственность, даже единое этническое происхождение предков Сефевидов с кылбашами, ведь неслучайно государство Сефевидов называлось именно *«Девлет-и Кызылбаш»*.

Тюркский язык на протяжении всего существования государства Сефевидов был не только разговорным языком членов правящей династии, придворной клики, военщины, но и дипломатической переписки, о чем свидетельствуют изученные как турецкими, венгерскими, так и отечественными исследователями письма

шаха Сефи (1629–1642) к императору Австрии и королю Венгрии Фердинанду II (1619–1639), шаха Султана Хусейна (1694–1722) – принцу Саксонии и королю Польши Фридриху Августу (1694–1733), шаха Тахмасиба I (1524–1576) – османскому принцу Селиму II (1566–1574) и английской королеве Елизавете Тюдор (1558–1603), русского царя Михаила Романова (1613–1645) – шаху Аббасу I (1587–1629), а также свидетельства европейских путешественников и послов (к примеру, Пьетро Делла Валле, Жан Шарден, Жан-Батист Тавернье, Адам Олеарий, Энгельберт Кемпфер и др.) [подробнее см.: 3]. Известный немецкий тюрколог и филолог Г. Дёрфер утверждает, что с тех пор, как начиная с XVI в. Ираном стали управлять азербайджаноязычные правители и солдаты, около 1200 азербайджанских (тюркских) слов вошли в персидский язык, причем, азербайджанский язык исследователем причисляется к огузским тюркским языкам [7]. К тому же, шах Исмаил I под псевдонимом «Хатаи» писал стихи именно на тюркском языке (к примеру, его «Диван»). Как отмечают Х. Джавади и К. Буррилл, период правления Исмаила I и его сына Тахмасиба I считается самым ярким периодом в истории развития азербайджанского тюркского языка и литературы [10]. Х. Стейн отмечает, что в XVI–XVII вв. в Сефевидской Персии был засвидетельствован характерный тюркский язык, который европейцы часто называли персидским тюркским языком («*lingua turka agemica*»), являвшимся любимым языком двора и армии ввиду тюркского происхождения династии Сефевидов. Исходным названием языка был «*türki*», который может быть определен как средневековый азербайджанский язык [20]. Вряд ли бы будь Исмаил I персом, движимым идеей «национализма», как о том утверждает большинство англоязычных исследователей, стал бы говорить и сочинять стихи по-тюркски (тем более, в период, когда персидский язык был языком политики и показателем благовоспитанности в самой Османской империи и Индии), использовать в дипломатической переписке не свой родной персидский, а тюркский язык, и дал бы всю полноту власти в своем государстве тюркам, ведь общеизвестно, что тюрки и персы были несовместимы как «вода и масло». К тому же, единственным языком, на котором говорили

и обучались *гулами* – военный институт при шахе Аббасе I, – состоявшие из народов нетюркского происхождения, был именно тюркский.

Итак, изучение материалов англоязычной историографии показало, что, хотя абсолютное большинство англоязычных исследователей характеризует азербайджанскую династию Сефевидов династией тюркского происхождения, тем не менее, в настоящее время среди англоязычных исследователей существует неоднозначное отношение к определению их этнической принадлежности, даже несмотря на наличие в самих источниках неопровержимых фактов тюркского происхождения и тюркоязычности династии Сефевидов. Среди основных причин искажения этнического происхождения династии можно указать не умение англоязычных исследователей критически проанализировать средневековые источники, их незнакомство с результатами исследований отечественных ученых, а также, к сожалению, этно-политическая ангажированность некоторых англоязычных исследователей, главным образом персидского происхождения, выступающих с позиций паниранизма, под влияние которых нередко подпадают западные ученые, опирающиеся в своих произведениях на их научные работы.

Использованные источники и литература

1. *Abbaslı M.* Safevilerin kökenine dair // Belleten, C. XL, 19, TTK Basımevi, 1976, s. 287–329

2. *Ayalon D.* Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom. A Challenge to a Medieval Society. London: Vallentine, Mitchell & Co. Ltd, 1956, 154 p.

3. *Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar/S. S. Əliyarov və Y. M. Mahmudovun redaktəsi ilə.* Bakı: Azərbaycan Universitetinin Nəşriyyatı, 1989, 328 s.

4. *Bosworth C.* The New Islamic Dynasties: A Chronological and Genealogical Manual. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004, 389 p.

5. *Daftary F.* Intellectual Traditions in Islam. London, New York: I. B. Tauris, 2001, 272 p.
6. *Davidson L., Goldschmidt A.* A Concise History of the Middle East. 9th edition. Colorado: Westview Press, 2010, 555 p.
7. *Doerfer G.* AZERBAIJAN. VIII. Azeri (Āḡarī) Turkish // URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-viii>
8. *Frye R.* IRAN. V. PEOPLES OF IRAN. V (1). A General Survey // URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/iran-v1-peoples-survey>
9. *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, 206 p.
10. *Javadi H., Burrill H.* AZERBAIJAN. X. Azeri Turkish Literature in Iran // URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-x>
11. *Matthee R.* Safavid Dynasty // URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/safavids>
12. *Mazzaoui M.* Islamic Culture and Literature in Iran and Central Asia in the early modern period/Turko-Persia in Historical Perspective/Ed. by Robert L. London: Cambridge University Press, 2002, 78–103 p.
13. *Perry J.* Turkic-Iranian Contacts. I. Linguistic Contacts // URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/turkic-iranian-contacts-i-linguistic>
14. *Price M.* Iran's Diverse Peoples: A Reference Sourcebook. California: ABC–CLIO, 2005, 376 p.
15. *Quinn Sh.* The Uses of Genealogy and Genealogical Information in Select Persianate and Bábí/Bahá'í Sources. A Preliminary Survey // URL: http://irfanco colloquia.org/pdf/lights4_quinn.pdf
16. *Savory R.* Ebn Bazzaz // URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ebn-bazzaz>
17. *Savory R.* IRAN 1501–1629/History of Humanity. Scientific and Cultural development. Vol. V/Ed. by Burke P., Inalcik H. London, New York: Unesco, 1999, p. 258–263
18. *Savory R.* Ismail I. I. Bibliographical and Historical/Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. IV/Ed. by. Bosworth C., Lewis B., Pellat Ch. Leiden: E. J. Brill, 1997, p. 186–187

19. *Sonn T.* A Brief History of Islam. 2nd edition. Singapore: Blackwell Publishing, 2010, 226 p.

20. *Stein H.* Traces of Turki-yi Acemi in Pietro della Valle's Turkish Grammar (1620)/Linguistic Convergence and Areal Diffusion: Case studies from Iranian, Semitic and Turkic/Ed. by Csato E., Isaaksoon B., Jahani C. London, New York: Routledge, 2005, p. 227–240

21. *Swietochowski T.* Azerbaijan. History/Eastern Europe, Russia and Central Asia 2003. 3rd edition. London, New York: Taylor & Francis, 2002, p. 104–108

22. *Yarshater E.* AZERBAIJAN. VII. The Iranian Language of Azerbaijan // URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-vii>

23. *Yarshater E.* IRAN II (2). Iran in the Islamic Period (651–1979). THE SAFAVIDS (1501–1722) // URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/iran-ii2-islamic-period-page-4>

24. *Эфендиев О.* Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку: Элм, 1981, 307 с.

А. В. Магалян
(г. Ереван, Армения)

ВОЙСКО АРЦАХСКИХ МЕЛИКСТВ

Армянские Мелики Арцаха обладали правом иметь собственное войско, воины которого набирались из числа своих подданных. По требованию мелика каждый дом был обязан выставлять одного воина, а в случае необходимости вооружались все мужчины, способные носить оружие. Воин был обязан самостоятельно обеспечивать себя оружием и конем, но в случае если он был из неимущих, то вооружением его обеспечивал сам мелик. Кроме того, мелики содержали на постоянной основе личную охрану числом около 300 воинов. Сам мелик считался воеводой своего войска, отдельные части которого находились под командованием сотников (юзбаша). Эта должность была наследственной, но иногда мелики награждали титулом сотника наиболее видных воинов, отличившихся в сражениях.

Меликское войско было вооружено ружьями, саблями и кинжалами. Отправляясь на войну, сами мелики привязывали слева саблю, спереди – кинжал, на левом плече носили пороховницу, а на правом – магазин с патронами, начиненными порохом. Следовавший за меликом оруженосец держал для него в постоянной готовности от одного до трех заряженных ружей. Изготовление пороха было привилегией мелика [1].

Согласно свидетельствам разных источников, арцахские оружейники также изготавливали ружья для меликского войска. Так, Иван Карапет, посланник Петра I, во время армянского освободительного движения 20-х годов XVIII в., в августе 1725 г. рапортует

российскому двору, что «здешнее войско так изрядно, что я тако-го во всей Персии не видел, 12 тысяч конных с огненным ружьем, а пехоты с ружьем же огненным множество. И ружья еще здесь в прибавку делается по 10 фузей на день, також есть заводы медные и свинцовые» [2].

Меликское войско являлось фактором мощи и безопасности этих княжеств. Численность войска в различные периоды истории колебалась. Наибольшей численности оно достигло в 1720-х гг., во время мощной национально-освободительной борьбы. По свидетельству гандзасарского католикоса и деятеля армянского освободительного движения Есаи Асан-Джалаляна, в 1722 г. «они были собраны под властью меликов и четырех молодых командующих: Авана, Ширвана, Шаина и Сарухана, коих также называли сотниками или юзбаши. Сии состояли при меликах карабахских, при первом же походе Вахтанга и ослаблении владычества персидского объединили при себе всех смелых сердцем и храбрых и воинственных юношей и молодых из родов Алуанка, самостоятельно составили войско превеликое – более двенадцати тысяч и укрепились в крепких местах Арцах» [3]. А антипрестольный Алуанкский католикос Нерсес в своем известном письме Петру I, отправленному в марте 1723 г., пишет: «Наших армянских несколько человек знатных людей с прочими воинскими людьми, как мы наперед сего писали, с несколько тысячами живут в горах, в крепком месте» [4]. Упомянутые им мелики и юзбаши в письме, посланном в том же месяце Петру I, сообщают следующее: «3 двенадцатью тысячами воинскими людьми совокупились и начали противится лязгинцам и агванским бусурманам и тако щастием вашего императорского величества, и надеясь на ваше милосердие множество неверных побили и выгнали» [5]. В апреле 1723 г. вардапет Минас Тигранян писал, что «армянский же патриарх Исай между Генжи и Хапан с 12000 войском стоит и ожидает приходу войск вашего величества» [6].

До нас дошла примечательная справка, составленная 12 января 1724 г. военачальником арцахских сгнахов Аваном-юзбаши, о численности войска, находившегося под его непосредственным командованием. В ней мы читаем: «Мы, сотники сгнаха Шош, со

своими отрядами, готовые и вооруженные, я – Аван-юзбаши, и я – Мирза-юзбаши, со всем нашим войском порядка 500 вооруженных, и безоружных еще множество людей почти 6400, что не имеют [в достатке] вооружения» [7]. А посланник Петра I Иван Карапет в отчете, посланном 5 февраля 1724 г. российскому двору, сообщает, что «когда армяне этих 4–5 сгнахов выступают в поход и на сбор трофеев, выступают 20000 людьми, что многочисленно» [8]. В послании Петру I, отправленном 5 марта того же года, военачальники арцахских сгнахов также сообщают, что «их в собрании и в готовности з 20000, токмо половина без ружья» [9]. Изучая вопрос численности армянского войска 1720-х гг., историк П. Арутюнян находит, что в освободительном движении арцахских сгнахов активно участвовало «свыше 20 тыс. вооруженных армян» [10]. Разумеется, в случае внешней угрозы это число возрастало за счет ополчения.

О военной силе арцахского меликского войска свидетельствует тот факт, что в апреле 1724 г. 2000 воинов из карабахских сгнахов во главе с сотником Аваном выступили на помощь капанцам по просьбе последних [11].

После русско-турецкого соглашения, подписанного 12 июня 1724 г. в Константинополе, армянское войско продолжило героическую борьбу против османской армии. Более того, серьезнейшим препятствием на пути турецкого экспансионизма в Закавказье являлись именно Арцах и Сюник, которые в те годы были известны в регионе как содержащие смысл государственности Армянские сгнахи (армянское собрание) [12]. Историк Лео пишет: «Взяв на себя эту исключительную роль, которая была обусловлена исключительными обстоятельствами, армянское воинство также становилось верховным хозяином и руководством страны, сосредотачивая в себе всю полноту власти, и потому переговоры и переписка велись уже не от имени отдельных лиц, а от лица Армянского собрания (сгнахов). Это было некое народное воинство, [которое] руководствовалось советом предводителей и командиров, в котором также имел участие и влияние католикос Гандзасара» [12]. Не случайно, что английский путешественник и купец Джонас Ханвей считал Армянское собрание (сгнахи) подобием республики [14]. Историк З. Арзуманян справедливо заметил, что

возникновение сгнахов в Арцахе и Сюнике явилось результатом армянского восстания 1722 г. и их создание преследовало цель защитить свободу, обретенную в результате упомянутого восстания [15]. Сложившуюся в этот период ситуацию в регионе наилучшим образом представили католикос Есаи и арцахские мелики в письме, посланном 1 ноября 1723 г. Петру I: «Царь персидский весьма ослаб и вовсе перестал показываться, а владычество османское все еще не дошло до нас» [16].

Произведение «Об истории страны Персидской», перевод которого осуществлен из голландской газеты и ныне хранится в Матенадаране, также затрагивает героическую борьбу сгнахов Арцаха, которая велась с турецкими войсками в середине 1720-х гг. Оно свидетельствует о следующем: «Вновь османцы желают, чтобы армянские юзбаши покорились им, но не покорены они, так как владеют крепостью Шуши [17], а крепость та хорошо укреплена. Сколько раз бесчисленные османы шли на приступ, чтобы захватить ее, но, с Божьей помощью, не смогли этого. И много раз против них выходил армянский Аван-хан с многочисленным войском армянским и всегда побеждал в битвах с османцами, так что и ныне боится государство османское армянских воинов горных сгнахов. Не пытаются более нападать на них, так как бесстрашны армяне сгнаха» [18].

Именно в условиях отсутствия центральной власти Армянское собрание (сгнахи) как военно-политическое образование осуществляло правление своим краем и обеспечивало его безопасность. Для защиты своей свободы армянство Арцаха было вынуждено вести кровопролитные войны.

Нападение турецкой армии на Арцах началось в феврале 1725 г. 1 марта войско, численностью в 4700 воинов, под командованием Шаина-паши, Салаха-паши и Али-паши, вошло в Варанду и разместилось в 33 селах гавара. Однако поход этого войска в Арцах завершился весьма бесславно. Местное население за одну ночь уничтожило большую часть расположившихся в их домах турок вместе с двумя их командирами, а Салаха-пашу захватили в плен. О подробностях этих событий становится известно из письма, направленного 10 марта 1725 г. арцахскими меликами и

католикосами Есаи и Нерсесом Петру I: «Нынче, первого числа в месяце марте 1725 г., орда в 4700 всадников пришла на нас, три паши были [с ними] – имена их Шаин, Салах и Али. Мы же увидев, что их много, не получится [одолеть их] войной, пошли на встречу и пригласили в гости, поделили [их] меж нашими селами, где по 200, где по 300, где по 400, где по 500, и на местах их перебили. Двух пашей тоже убили. Салах-пашу держим в живых, но 150 человек [из числа турок] убежало. [Средь турок] было 200 пленных христиан, [коих] мы освободили» [19].

Допрошенный Салах-паша рассказал о намерении турок снести армянский клин между Османской Турцией и кавказскими горами. «Наш царь издал указ, чтобы мы уничтожили армян и кызылбашей (персов – *А. М.*) этих стран, – признался он. – Поскольку войска русского царя перешли на эту сторону моря, то мы должны пойти на них. Паша также сказал, что здесь армян не должно остаться, и эти страны должны быть повержены, чтобы наша дорога открылась. Если бы вас не было между нами, мы бы сейчас дошли до Дербента и Баку, которые, несомненно, принадлежат нам» [20]. Из данного документа следует, что время не изменило намерения турок. Геноцидальная сущность Турции своими корнями уходит в глубину веков.

Борьба армянского воинства против османско-турецких захватчиков продолжалась и в последующие годы. Сгнахским воинам много раз удавалось отбить атаки численно превосходящей османской армии. В письме, отправленном 25 июля 1725 г. из Гандзасара Екатерине I, католикосы Есаи, Нерсес и мелики писали: «Эти края наши весьма крепки горами и местностями своими, и мы [всем] народом, каждый в своем крае создали сгнахи в крепких местах, и каждый из нас сидит над одним сгнахом и держим [страну нашу]» [21]. Год спустя, 15 июня 1726 г., католикос Есаи и мелики сообщали Вахтангу VI об очередной победе армянского войска в Хачене. Они писали: «В июне месяце 10-го числа орда Гандзака напала на Хачен, на села Казанчи, Капарту, Чанкатах опустошили, убивали, пленили, захватили имущество. Мы же вышли против них, с божьей помощью, победили, истребили, освободили пленных, отобрали и вернули [наше] имущество, и обратили в бегство» [22].

Осенью 1726 г. османская армия во главе с Сары Мустафа-пашой напала на сгнах сотника Авана. После восьмидневных ожесточенных сражений туркам удалось захватить часть сгнаха. Однако армянские воины предприняли решительную контратаку против врага, и в итоге, потеряв 800 аскяров и двух командующих, Сары Мустафа-паша сломя голову бежал в Гандзак. О подробностях этих сражений мы узнаем из докладной записки Ивана Карапета канцлеру Г. Головкину: «Сары Мустафа-паша из Барды пришел в Шамбах. Затем узнав, вернулся из Шамбаха силой, ордой и Хаджи Давут со своим братом, и его ордой напали на сгнах Авана-юзбаши. Четыре дня мы сражались. После четырех дней Аван-юзбаши вышел из своего сгнаха, пришел в мой сгнах, кой был сгнахом сотников Тархана, Баги и Саргиса. После ухода Авана-юзбаши вместе с сотниками Оганом и Симоном еще четыре дня сражались, что [всего] составило восемь дней, потом захватили половину среднего сгнаха. Мы всех женщин отправили в верхний сгнах. Сколько было коней и скота в нижнем сгнахе – все увели. Восемь дней воевали пушками. Много людей пало. Во время этого сражения были убиты Гахчашмай агаси и Енгичар агаси. После убийства этих двух людей Сары Мустафа-паша поднялся в ночь и бросился наутек, двухдневный путь пройдя за день» [23].

Турецкий летописец Исмаил-Асим эфенди Челеби-заде также оставил некоторые сведения об этих сражениях в своем труде «**Тарихи Челеби-заде**». Он пишет: «Главарь сгнахцев, армянин по имени Аван, пришел с пушками и орудием и укрепился в сгнахе. Победоносная (османская – *А. М.*) армия, со своим командующим, пришла в село Шуши, находившееся под сгнахским прицелом, и неожиданным нападением из нескольких орудий расстреляла сгнахи до вечера. В эту же ночь сгнахец вместе со своими армянами убежал». Затем Челеби-заде с восторгом рассказывает о грабежах и убийствах, совершенных османской армией: «На следующий день исламские воины захватили их имущество, а из пойманных беженцев убили 400 неверных армян. Из-за наступивших зимних холодов, после наказания сгнахцев, *сераскер* (военачальник, главнокомандующий – *А. М.*) двинулся к Гяндже» [24]. Здесь налицо явное преувеличение турецкого историка. Очевидно, что

причиной преодоления сераскером двухдневного пути за один день были не зимние холода, а решительный контрудар армян.

Не случайно командующий русской армией в прикаспийских областях генерал В. Долгоруков в своем донесении правительству от 11 мая 1727 г. с удивлением отмечает: «Свыше ума человеческого, как от такова сильного неприятеля могут (армяне – *А. М.*) еще себя содержать» [25]. Два года спустя, 10 ноября 1729 г., в письме, направленном генералу В. Долгорукову, Аван юзбаши пишет, что «у нас в армянском сагнаге (сиречь в собрании) имеются многия тысячи душ, которыя Божиим милосердием и его императорского величества счастием все сохранны, и в плен турецкому войску ни одной души не утрачно» [26].

Своей героической борьбой против османского владычества в 1730-х гг. войска арцахских меликов оказали поддержку правителю Ирана Надир-шаху. Особенно после осады Гандзака в 1735 г., длившейся несколько месяцев, армянские меликские войска Арцаха и Сюника повсюду сопровождали его. Придворный летописец Надир-шаха – Мухаммад-Кязим первым среди предводителей армянского воинства называет мелика Егана, затем упоминает имена меликов Тамраза и Арутюна. Согласно ему, эти мелики распространяли свою власть до Куры и Аракса и угрожали крепостям Гандзака и Еревана [27]. Мелики не только участвовали в боевых действиях против османской армии, но и обеспечивали сбор военных податей в своих княжествах, а также сбор провианта и обмундирования для армии Надир-шаха.

Оценив многочисленные заслуги армян в борьбе против турок, Надир-шах в 1736 г. признал суверенитет меликов Арцаха и утвердил их федеральное самоуправление – Меликства Хамсы [28].

Использованные источники и литература

1. *Лалаян Е.*, Труды, т. 2, Ереван, 1988, с. 244–245, 252 (на арм. яз.).
2. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, т. II, ч. II, Ереван, 1967, с. 256–257, перевод с армянского, современный подлиннику.

3. *Есаи Асан-Джалальянц*, Краткая история страны Алуанк, Иерусалим, 1868, с. 47 (на арм. яз.).

4. Армяно-русские отношения в первой трети XVII века, т. II, ч. II, с. 28.

5. Там же, с. 31.

6. Там же, с. 33.

7. Там же, с. 57.

8. Там же, с. 67.

9. *Абраамян А.*, Страница из истории народов Закавказья и армяно-русских отношений, Ереван, 1953, с. 180 (на арм. яз.); Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, т. II, ч. II, с. 196.

10. *Арутюнян П.*, Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века, М., 1954, с. 161.

11. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, т. II, ч. I, Ереван, 1964, с. LVII; Иоаннисян А., Кафанское восстание под руководством Давид-Бека, «Вестник Ереванского университета» («ВЕУ»), 1970, № 1, с. 104 (на арм. яз.).

12. *Aivazian A.*, The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal Reprisal, Yerevan, 1997, pp. 84–85.

13. *Лео*, Собрание сочинений, т. 3, кн. 2, Ереван, 1973, с. 140 (на арм. яз.).

14. *Jonas Hanway*, A Historical Account of the British trade over the Caspian sea with the Revolutions of Persia, London, 1754, vol. III, part VIII, p. 252.

15. *Арзуманян З.*, Образование и военно-политическое значение сигнахов, «Вестник общественных наук» («ВОН»), 1982, № 9, с. 85–86 (на арм. яз.).

16. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, т. II, ч. II, с. 48–49.

17. Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что крепость Шуши существовала еще в начале XVIII века (см. также: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, т. II, ч. I, с. XLI).

18. Матенадаран, рук. № 9648, с. 33а; изд. см.: Историографические памятники эпохи Надир-шаха. Подготовка текста, пре-

дисловие и комментарий А. Магаляна, Ереван, 2010, с. 59–60 (на арм. яз.).

19. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в., т. II, ч. II, с. 234.

20. Там же, с. 249.

21. Там же.

22. Там же, с. 285.

23. Там же, с. 290–291.

24. Турецкие источники об Армении, армянах и других народах Закавказья, т. I, сост. А. Сафрастян, Ереван, 1961, с. 159 (на арм. яз.).

25. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, т. II, ч. II, с. 294; Кавказский вектор российской политики. Сборник документов, т. I, XVI–XVIII вв., М., 2011, с. 508–509.

26. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, т. II, ч. II, с. 320.

27. Папазян А., Армяно-иранское военное сотрудничество в 1726–1736 гг. и политическая обстановка в Восточной Армении при Надир-шахе, «ВЕУ», 1972, №2, с. 76; История армянского народа, т. IV, Ереван, 1972, с. 181 (на арм. яз.).

28. Пять магалов – по персидски «*Магал-е хамсе*».

О. В. Матвеев, Е. М. Сухачева
(г. Краснодар, Россия)

СЛУЖИЛЫЕ СОСЛОВИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗЕРКАЛЕ КРЫМСКО-КАВКАЗСКИХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Воссоединение Крыма с Россией, ставшее одной из крупных побед нашей государственности на международной арене за последние четверть века, не могло состояться без опоры на великое наследие предшественников, на богатейший опыт интеграции и взаимодействия, накопленный строителями и охранителями империи. Уже с глубокой древности стратегическая связь Крыма и Кавказа глубоко осознавалась греками и римлянами, Византией, Древнерусским государством, генуэзцами, турками-османами и другими имперскими народами. Правители Боспорского царства воспринимали Крым и Кубань как единую территорию, называя её Скифией, а Тмутараканский князь Глеб вовсе не случайно измерял расстояние Керченского пролива по льду, соединяя два берега не только крепостями, но и духовной единой пространственной связью. Система генуэзских факторий Генуэзской морской республики и пришедших ей на смену фортов Оттоманской Порты охватывало Крымское и Кавказское Причерноморье комплексно, логично и продуманно дополняя друг друга.

В XVIII столетии исторические судьбы этого единого стратегического и этнокультурного пространства оказались неразрывно связанными с Российской империей. Огромная роль в утверждении России в Крыму и на Кавказе принадлежала служилым сосло-

виям: дворянству, казачеству, чиновному аппарату, за которыми шли осваивающие этот край крестьяне с сохой, развивало экономическую интеграцию российское купечество, духовно окормляло и благословляло на подвиги защиты и созидания духовенство.

Южными областями империи управлял с середины 70-х гг. XVIII в. князь Григорий Александрович Потёмкин, Новороссийский, Азовский и Астраханский генерал-губернатор. У него был оригинальнейший характер, многим он казался чудачком, но все признавали за Потёмкиным гений государственного деятеля, который ставил его рядом с Петром Великим. С именем светлейшего князя связывали знаменитые «потёмкинские деревни» – символ чиновничьего обмана. На Юге, как и везде в России, было немало показухи, но говоря о «потёмкинских деревнях», как-то забывают, что прекрасный белый город и крепость Севастополь, Симферополь, Херсон, Одесса и другие города Новороссии и Тавриды (Крыма), крепости и слободы Приазовья, возведённые Потёмкиным, не были декорациями. Были настоящими и построенные под руководством Потёмкина Азовский и Черноморский флот; не были ряжеными и победоносные потёмкинские войска [1].

В ряде записок и писем Императрице Екатерине II, датированных летом 1782 г., Потёмкин обосновал необходимость покончить с негативным для России положением дел в Крыму и на Кавказе, когда эти территории из-за постоянных диверсий Османской Порты, волнений и набегов татар и ногайцев оставались своеобразным кровавым «подбрюшьем» империи. Выход он видел в присоединении Крыма и Правобережья Кубаниского ханства к России. Г. А. Потёмкин полагал, что дальнейшее сохранение власти Гиреев в Крыму может быть лишь «причиною войны, беспокойств, разорения границ наших, издержек несносных, которые уже в царствование Вашего Величества перешли только для сего места более двенадцати миллионов, включая людей, коим цену положить трудно» [2]. События в Крыму ускорили реализацию замыслов Потёмкина. 6 апреля 1783 г. крымский хан Шагин-Гирей, полностью потеряв веру в свою способность справиться с бременем власти, отрёкся от престола. 8 апреля 1783 г.

императрица Екатерина II подписала Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и Кубанской стороны под Российскую Державу». *«Поднявшийся в прошлом году новый мятеж, коего истинные причины от Нас не скрыты, – сообщалось в Манифесте, – принудили Нас опять к полному вооружению и к новому отряду войск Наших в Крым и на Кубанскую сторону кои там донныне остаются, ибо без них не могли бы существовать мир, тишина и устройство посреди Татар, когда деятельное многих лет испытание всячески доказывает, что как прежде подчинение Порте было поводом к остуде и распрям между обоими Державами, так и преобразование их в вольную область, при неспособности их ко вкушению плодов таковой свободы, служит ко всегдашним для Нас беспокойствам, убыткам и утруждению войск Наших»* [3]. Возвещая о присоединении Крыма и Правобережной Кубани к России, Императрица Екатерина II гарантировала татарам и ногайцам *«содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное от правления со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно»* [4]. Особую задачу в этой непростой ситуации получили войска, которыми командовал знаменитый 47-летний генерал-поручик Александр Васильевич Суворов. Его знаменитые победы – Рымник, Фокшаны, Измаил, блистательный Итало-Швейцарский поход были ещё впереди, но именно в крымско-приазовско-кубанском регионе будущей генералиссимус впервые удачно проявил себя в сочетании качеств выдающегося фортификатора, замечательного дипломата и решительного военачальника [5]. Суворовым был продуман и успешно реализован план приведения к присяге на верность России крымских татар и ногайских орд [6]. Он требовал не наносить ущерба имуществу, религии и образу жизни местных народов. Все эти распоряжения А. В. Суворова были направлены на то, чтобы «не меньше оружия поражать противника человеколюбием» [7].

Выдающуюся роль сыграл Российский Императорский Черноморский флот, руководимый победоносным Фёдором Фёдоровичем Ушаковым. Этого адмирала Русская Православная церковь причислила сначала к числу местночтимых святых Саранской и

Мордовской епархии (2001 г.), а в 2004 г. – к лику святых как праведного воина, святого покровителя Русского флота [8]. Одержанные им победы в Керченском проливе, у острова Тендра и мыса Калиакрия надолго заставили наших врагов забыть о реванше и о возвращении на крымские берега. Взятие крепости Анапы 12 июня 1828 г. с помощью Черноморской эскадры вице-адмирала А. С. Грейга положило конец господству турок и на Черноморском побережье Кавказа. Алексей Самуилович Грейг был представителем знаменитого рода, восходившего к легендарным шотландцам и давшего России замечательных военачальников, дипломатов, сенаторов, моряков. Он являлся крестником самой императрицы Екатерины II, в 1816–1833 гг. командующим Черноморским флотом и портами, военным губернатором Николаева и Севастополя, сыграл большую роль в укреплении флота [9].

Его преемником стал великий русский флотоводец Михаил Петрович Лазарев – первооткрыватель Антарктиды, герой Наваринского сражения, адмирал, воспитавший целую плеяду выдающихся русских флотоводцев и моряков в 30-е – 40-е гг. XIX в. Черноморский флот, руководимый М. П. Лазаревым, активно содействовал сухопутным войскам в создании Черноморской береговой линии [10]. Эта линия фортов создавалась для прекращения контрабандной торговли и пресечения связей турок и англичан с кавказскими горцами. Михаил Петрович явился основателем порта и крепости Новороссийск, а один из фортов укрепленной линии был назван его именем. Сегодня здесь располагается посёлок Лазаревский, который привлекает в курортный сезон множество туристов. Сподвижником Лазарева был уроженец Крыма, начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Лазарь Маркович Серебрякова. «Он был родом из Карасубазара, где у него были торговая баня, дом, жена, ходившая по-армянски в шароварах, и куча детей, – писал о Лазаре Марковиче в своих воспоминаниях генерал Г. И. Филипсон. – Узнав, что Серебряков хорошо знает турецкий язык, князь Меншиков взял его с собою под Анапу <...>. Серебряков имел бойкие умственные способности, много азиатской хитрости, расположение к военному делу и торговле и эластическую совесть» [11]. Отмеченные Филипсоном качества

не раз позволяли Л. М. Серебрякову находить компромиссные решения в, казалось бы, бескомпромиссной Кавказской войне [12]. Генерал Н. Н. Раевский докладывал военному министру об одном из движений войск Л. М. Серебрякова мимо враждебных шапсугских аулов: «Горцы выходили толпами из жилищ своих, но большею частью безоружные, они все имели совершенно спокойный вид и говорили, что уверены в нашем миролюбии. <...>. более почётные явились к контр-адм. Серебрякову с пирогами, пастою, сыром и бузою; <...>. Порядок и строгая дисциплина, которая контр-адм. Серебряков всегда содержит в войсках при этих движениях, вселяет особую уверенность к нему горцев» [13].

Мало кто знает, что христианские требы в укреплениях Черноморской береговой линии на Кавказе исполняли иеромонахи крымского Балаклавского Георгиевского монастыря. Своим самоотверженным служением духовные пастыри гарнизонов Черноморской береговой линии внушали надежду и утешение солдатам и офицерам, разделяли с ними тяжелую участь защитников оказавшихся в полублокаде фортов [14]. В феврале-марте 1840 г. укрепления Михаловское, Лазаревское, Николаевское и Вельяминовское подверглись нападению превосходящих сил горцев. Известен подвиг рядового Тенгинского полка Архипа Осипова: когда горцы ворвались на валы, этот солдат взорвал пороховой погреб Михайловского укрепления. Однако мало кто знает, что вдохновил солдата на этот подвиг иеромонах этого укрепления Балаклавского монастыря Маркел. Впоследствии один из вышедших из горского плена солдат показал под присягой, «что бывший тут иеромонах Маркел, в эпитрахилии и с крестом, благословил Осипова и дал приложиться к кресту» [15].

В свою очередь, жители Кубани героически проявили себя под Балаклавой и на бастионах Севастополя в годы Крымской войны. Легендарные пластуны 2-го и 8-го пеших батальонов Черноморского войска под командованием есаула Венедикта Васильевича Головинского проявили себя как искусные разведчики и проводники, успешно охотились за «языками» и совершали диверсии в тылу врага. Особенно отличились пластуны 13 октября 1854 г. при наступлении русских войск под командованием

генерал-лейтенанта Липранди на Кадыкойские высоты. Их меткие выстрелы вместе с штыковым ударом пехоты Владимирского полка способствовали победе над французским эскадронам африканских конных егерей [16]. Широкую известность приобрели действия особой пластунской команды есаула Ф.И. Даниленко, получившего от главнокомандующего золотую шашку с надписью «За храбрость», имя которого знал весь Севастополь. В боях в Крыму погибло 485 казаков-черноморцев, 288 были ранены и контужены. 2-й и 8-й пешие батальоны стали первыми строевыми частями Черноморского казачьего войска, получившими за свое беспримерное мужество Георгиевские знамена.

Немало у Кавказа и Крыма имеется культурных связей, в которые внесли свой вклад представители служилых сословий. Достаточно назвать имена Пушкина и Толстого, Айвазовского и Чехова, которые увязывали в своём творчестве наши регионы единым духовным пространством. Первым ректором Кубанского государственного университета, основанного в 1920 г. стал известный исследователь крымских древностей, палеограф, историк, фольклорист генерал-лейтенант Никандр Александрович Маркс.

Это – лишь некоторые страницы, иллюстрирующие крымско-кавказское боевое содружество и ту выдающуюся роль, которую сыграли в нём представители служилых сословий Российской империи. Важно помнить, что обильно политая в прошлом кровью русских офицеров, казаков, моряков, освященная христианскими святынями и подвигами телесного и небесного служения земля не оставляет нам иной альтернативы, как отстаивание родных рубежей. Память о героике служения России осеняет сегодня единое историко-культурное пространство от Ливадийского дворца и героического Севастополя до казачьего Екатеринодара и города-героя Новороссийска. Сохранению этой памяти и традиций служения во многом способствует деятельность Дворянского собрания Кубани, которое я имею честь представлять. Мы провели 11 научно-практических конференций Международного уровня с очень представительным участием, объединили потомков дворянских и казачьих родов Кубани, Северного Кавказа и России в целом в созидательной работе, направленных на поддержа-

ние этих традиций, способствуем установлению взаимопонимания между народами многонационального региона (не случайно в наших форумах участвуют друзья из братских Адыгеи, Осетии, Абхазии, Дагестана, Карачаево-Черкесии и др.). Хочется надеяться, что такие же формы доброго сотрудничества установятся у нас с общественностью Крыма. Для этого у нас есть всё необходимое: понимание стратегического единства пространств по обе стороны Керченского пролива, память о боевом соратничестве, исторических и духовных связях в прошлом, надежды на лучшее будущее наших регионов в составе единой, неделимой и великой России.

Использованные источники и литература

1. *Каменский А. Б.* «Под сению Екатерины...» Вторая половина XVIII в. СПб., 1992..С. 331–333.

2. *Арапов Д. Ю.* «Манифест» 8 апреля 1783 г.: подготовка, принятие, международное признание // Сборник Русского исторического общества. Т. 4 (152). От Тмутараканя до Тамани/Под ред. В. А. Захарова. М., 2002. С. 230.

3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), с 1649 г. Т. XXI. 1781–1783. СПб., 1830. Ст. 15708. С. 897.

4. Там же. С. 898.

5. *Матвеев О. В.* «Был мал, был велик...»: Закубанский поход А. В. Суворова в исторических судьбах ногайского народа // «Гром победы, раздавайся!»: материалы XI Международных Дворянских чтений/*Научн. ред. О. В. Матвеев; отв. ред. Е. М. Сухачёва.* Краснодар, 2015. С. 28.

6. *Соловьёв В. А.* Суворов на Кубани. 1778–1793. Изд. 2-е, испр. и дополн. Краснодар, 1992. С. 188.

7. *А. В. Суворов.* Сборник документов. М., 1951. Т. 2. С. 65.

8. *Сухачёва Е. М.* «Жизнь – Родине, душа – Богу»!: Святой праведный воин Фёдор Ушаков // «Гром победы, раздавайся!»: материалы XI Международных Дворянских чтений/*Научн. ред. О. В. Матвеев; отв. ред. Е. М. Сухачёва.* Краснодар, 2015. С. 9–10.

9. *Крючков Ю. С.* А. С. Грейг. М., 1984.

10. *Матвеев О.В.* «С хладнокровием, отменным искусством и примерным мужеством...» // «Под Андреевским верным стягом...»: Материалы III международных Дворянских чтений/*Научн. ред. О.В. Матвеев; ред.-сост. Е.М. Сухачёва.* Краснодар, 2007. С. 7.

11. *Филипсон Г.И.* Воспоминания. 1837–1847 // *Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века.* СПб., 2000. С. 116.

12. *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 174.

13. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1884. Т. IX. №441. С. 523–524.

14. *Матвеев О.В.* «С крестом в руках между рядами солдат...»: Из истории духовной жизни в укреплениях Черноморской береговой линии (30-е – 50-е гг. XIX века) // *Кавказский сборник.* Т. 5 (37)/*Под ред. В.В. Дегоева.* М., 2008. С. 111.

15. *Филипсон Г.И.* Указ. соч. С. 157.

16. *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Страницы военной истории кубанского казачества. Краснодар, 2007. С. 161.

С. И. Мусаева
(г. Махачкала, Россия)

СТЕПЕНИ РОДСТВА В УРАХИНСКОМ СЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Довольно специфичными были формы и система родства в Урахинском обществе, как и у других народов Дагестана [1] и, счет которых велся как по отцовской, так и по материнской линии до седьмого колена, и играли особую роль в обществе.

Взаимные отношения родственников в Урахинском обществе были довольно сложные и основаны преимущественно на старшинстве и взаимной привязанности. Отношения проявлялись в радушном приеме, даче старшему человеку почетного места, а если куда-либо шли или ехали, то старший всегда должен был быть впереди. На свадьбу должны были идти все родственники по приглашению. Если за убийство ближнего родственника приходилось мстить, то мстил младший брат, оставив старшего в покое. Материальную помощь друг другу, в случае нужды, родственники оказывали всегда. Если кто приезжал издали, то ему почти все родственники шли навстречу, а также провожали его в дальнюю дорогу.

Общее понятие о родственной связи в Урахинском обществе принято было выражать следующими терминами: «тухум», «удзирши», «букурти», «нушила джинц», «нушила», «нушила ГИлабти», «нушила кицти», «нушила ургабти», «нушила бухІнабти», «хьалавти», «тухумдиш», «вукурдиш», «киц-диш».

Значение терминов, применяемых для обозначения близких родственных связей в Урахинском обществе, было следующее:

«тухум» – родственники; «удзирши» – братья, сыновья; «вукурти» – родственники; «нушила джинц» – наш круг людей, наш род; «нушала ахьлу» – то же самое, наш круг людей, наш род; «нушила ГИлабти» – за нами находящиеся, стоящие за нами; «нушила кичти» – наши близкие; «нушила ургавти» – наша среда, между нами находящиеся; «нушила вухІнавти» – внутри нас находящиеся; «хьалабти тухум» – близкие родственники; «тухумдиш» – родство; «вукурдиш» – тоже самое, родство; «кицдиш» – близость; «насав» и «тарап» – род, фамилия или племя [2, л. 5].

Все эти названия употребительны и в настоящее время, но «тухум» и «букурти» наиболее часто употребительны.

Термин «тухумдиш», родство, выражает исключительно только понятие о кровной связи, он никогда не обозначает определенной группы лиц, стоящих с кем-либо в родственной связи, а является понятием родственной связи вообще.

Термином «тухум», т. е. родня, род никогда не именуют некровных родственников, он не употребляется в смысле «племя».

У урахинцев степень родства велась только по крови или молоку – молочное родство.

Терминами «баГти» или «ада-аба» родители обозначают только родителей.

Термин племянник – «удзила урши» – сын брата, или «рудзила урши» – сын сестры всегда употребляется только в собственном смысле, а не в каком-либо ином.

Родня делилась на «рурсбела ГИлабти» – женская линия; «уршбела ГИлабти» – мужская линия; «адаГибти» – по отцу; «абаГибти» – по матери.

Виды отдаленного и близкого родства обозначались терминами: «гьаракъти тухум» – отдаленные родственники, «кицти тухум» – близкие родственники. «Кичтигъунти тухум» – ближайшие родственники, начиная с детей двоюродного брата и доходя до отцов и матерей; «гьаракъти тухум» – отдаленные родственники, все родственники, находящиеся за детьми двоюродных братьев; они и между собою и для первых – отдаленные родственники.

Потомство называлась терминами «акІунти тухум» – родственники, которые потом произошли. Дети назывались – «дурхІни».

Сирот называли термином «щурья», или по-арабски «ятим».

Близость и отдаленность степени родства в Урахинском обществе определяли по поколениям «джинц»: первые три поколения считались близкими родственниками, а остальные не такими близкими, чем дальше поколение, тем считалось родство более отдаленным.

Родство, которое в Урахинском обществе придерживались, бывало только кровным и молочным (братство или усыновление и родства по свойству не существовало), и оно различалось: первое гораздо ближе, чем второе, за вторым не признавались никаких прав на имущество других молочных родственников [3, с. 83].

Кровное родство по мужской линии считалось более близкой, чем женской. Мужская линия называлась «уршбела гИлабти агьлу» – родственники от сыновей, и женская «рурсбела гИлабти ахьлу» – родственники, произошедшие от дочерей. Как по женской, так и по мужской линии брак по шариату разрешался двоюродным братьям и сестрам.

Братья единоутробные считались более близкими, чем «однокровные» братья.

Родственникам по отцу придавалось более «близкое» значение, чем родственникам по матери. Первые назывались «адагИбти», вторые «абагИбти».

Как при личном обращении, так и за глаза употреблялись одни и те же термины для обозначения названия родственников.

Отец – ада

Мать – аба, адай

Сын – урши

Дочь – рурси

Дедушка по отцу – адала ада

Дедушка по матери – адйла ада, абала ада

Бабушка по отцу – адала аба

Бабушка по матери – абала аба, адайла адай

Брат – удзи, удзихьи

Сестра – рудзи, рудзихьи

Родственники отца – адала гИлабти

Родственника матери – адайла гИлабти

- Родственники мужа – мурьо гИлабти
 Родственники жены – хьуно гИлабти
 Брат отца – адала удзи, «адав`дзи»
 Брат матери – абала удзи, или адайла удзи, «абдзи»
 Сестра отца – адала рудзи, ададай, «адзизи»
 Сестра матери – абала рудзи, или адайла рудзи, «ава`дай»
 Двоюродный брат отца – адала удзикъар
 Двоюродный брат матери – абала удзикъар, или адайла уд-
 зикъар
 Двоюродная сестра отца – адала рудзикъар
 Двоюродная сестра матери – абала рудзикъар, или адайла ру-
 дзикъар
 Троюродный брат отца – адагИвли къариган
 Троюродный брат матери – абагИвли къариган, адайгИвли
 къариган
 Троюродная сестра отца – адагИрли къариган
 Троюродная сестра матери – абагИрли къариган, адайгИрли
 къариган
 Двоюродный брат – удзикъар
 Двоюродная сестра – рудзикъар
 Троюродный брат – къариган
 Троюродная сестра – къариган
 Четвоюродный брат – гариган
 Четвоюродная сестра – гариган
 Пятероюродные – туриган
 Шестероюродные – хIаркI-ихъан
 Семероюродные – дирхъа хус
 Сын отца брата – адала удзихъила урши
 Сын сестры отца – адала рудзхъила урши
 Сын брата матери – абала удзихъла урши, адайла удзихъла
 урши
 Сын сестры матери – абала рудзихъла урши, адайла рудзихъла
 урши
 Сын двоюродного брата отца – адала удзикъарлала урши
 Сын двоюродной сестры отца – адала рудзикъарлала урши

Сын двоюродного брата матери – абала удзикъарла урши,
адаила удзикъарла урши

Сын двоюродной сестры матери – абала рудзикъарла урши,
адаила рудзикъарла урши

Сын троюродного брата отца – адала къарига урши

Сын троюродного брата матери – абала къарига урши, адаила
къарига урши

Сын троюродной сестры отца – адала къарига урши

Сын троюродной сестры матери – абала къаригала урши,
адаила къарига урши

Отец жены – хъубиш ада

Мать жены – хъубиш ава

Брат жены – хъуно удзи

Сестра жены – хъуно рудзи

Дядя жены – хъуно адавзи

Тетя жены – хъуно абадай

Жена – хъунул

Муж – мургъул

Отец мужа – хъубиш ада

Мать мужа – хъубиш ава

Брат мужа – хъубиш урши

Сестра мужа – хъубиш рурси

Дядя мужа – муръо адавзи

Тетя мужа – муръо адарудзи, адзизи.

Сын мужа (сводный) – ув варгилбил угай урши

Дочь мужа (сводная) – ур раргилбил угай рурси

Сын жены (сводный) – гилавад хъибил угай урши

Дочь жены (сводная) – гиларад хъибил угай рурси

Зять – гуяв

Невестка – урше хъунул

Племянник – удзила урши или удзихъила урши

Внук – урше урши

Правнук – уршила урше урши

Праправнук – уршила урше урше урши

Молочный брат – ниъла удзи

Молочная сестра – ниъла рудзи

Молочные родственники – нийла кичти

Свояк – бажа

Свояченица – уцуб

Особые отношения были в Урахинском обществе с молочными родственниками «нийла кичти». Молочные братья «нийла удзби» с их родственниками по отношению друг к другу несли обязанности защиты и покровительства. Если у одной стороны был кровник, то у другой он также считался кровником [3, л. 8].

Кормилица с ее детьми и мужем считались в полном смысле слова родственниками, за исключением прав на имущество ребенка. Брак запрещался не только между молочными братьями и сестрами, но и между их родственниками до третьего поколения по шарияту. И это вошло в адат [3, с. 83] Урахинского общества.

Всю эту обширную родственную группу связывали близкие отношения, особенно по мужской ее части. Родственная солидарность между ними проявлялась в выполнении всех хозяйственных работ, а также в вопросах, касающихся семейной чести (кровная месть и пр.).

Таким образом, можно сделать вывод, что основной формой семьи в исследуемое время в Урахинском обществе была малая семья при остаточном сохранении рудиментов большесемейных организаций, что дает возможность предположить, что в далеком прошлом урахинцы, как и все другие народы Дагестана, жили большими патриархальными семьями.

За годы советской власти семья и семейные отношения в Урахинском обществе, как и у других народов страны, подверглись значительным изменениям, обусловленным в первую очередь изменениями в социально-экономической структуре общества. Современная семья – продукт новых социальных отношений. Советское государство приняло ряд декретов («О расторжении брака» от 28 декабря 1917 г., «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 29 декабря 1917 года и другие) [4, с. 106–118], которые устанавливали новые отношения в семье и сыграли решающую роль в формировании новой семьи. Изменения коснулись, прежде всего, структуры семьи. Собранный нами материал по Урахинскому обществу говорит об интенсивности

распада форм большесемейной организации уже в первые годы советской власти. Если еще в первой половине XX в. женатые братья жили вместе со своими родителями, то теперь таких семей становится все меньше.

Ускорение темпов социально-экономического и научно-технического прогресса привело к тому, что у представителей разных поколений резко дифференцировались уровни образования, культурные и эстетические вкусы, специфические интересы и потребности, ценностные ориентации и т. д., что создавали проблемы их совместного проживания. Молодые семьи все чаще стремились создать самостоятельные семейные ячейки еще при жизни родителей. Современные условия сельской жизни стимулируют отказ от форм большесемейных организаций. В наше время, когда все трудоспособные члены семьи могут получить индивидуальные доходы, каждая семья имеет возможность получать земельный участок и т. д., т. е. отпадают причины, заставлявшие людей объединяться в родственные организации.

На современном этапе в корне изменились внутрисемейные отношения – между свекровью и невесткой, мужем и женой, родителями и детьми и т. д. Отношения между свекровью и невесткой носят скорее дружеский характер. Молодые женщины участвуют в производственной и общественной работе, имеют самостоятельные заработки, что создает им независимое положение в семье.

Отношения между супругами основываются на принципах равноправия. Работа на производстве обеспечивает женщине экономическую самостоятельность, а в случае смерти мужа она становится главой семьи и распорядителем семейного имущества.

Изменилось и положение молодежи в семье. Взрослые дети в наше время пользуются равными с отцом правами в решении важных общесемейных проблем.

Но при всей общности основных тенденций в изменении норм взаимоотношений в семейном быту, уклад семейной жизни еще в значительной мере обладает национально-традиционной спецификой. В семейном быте сохраняются, в частности, традиционные особенности распределения обязанностей, специфика ведения хозяйства, некоторые связанные с этим этические нормы.

Изучение семьи и семейного быта Урахинского общества в XIX – начале XX в. позволяет сделать вывод, что становление семьи и взаимоотношений членов семьи прошли в своем историческом развитии несколько этапов, каждый из которых отражал различные формы ее исторических стадий.

Таким образом, во второй половине XIX в. изменившиеся условия социально-экономической жизни, развитие товарно-денежных отношений и проникновение капиталистических отношений привели Урахинское общество к интенсивному процессу разложения натурального хозяйства и усилению классового расслоения. Этот процесс ускорился и в связи с распадом большой или неразделенной семьи, бывшей некогда основной хозяйственной единицей общества.

В XIX – начале XX в. в Урахинском обществе преобладала малая семья. Так называемая неразделенная семья все еще имела место в своей пережиточной форме, но очень редко и даже в таких семьях общими были только уголья – сенокос, мельница и т. д., а стол и посев полей и огородов были отдельными.

В этот же период начали постепенно внедряться и российские законы, вместо адатов сельских общин. Но семейные традиции и степени родства все так же остаются неизменными, соблюдаются и в современных условиях.

Использованные источники и литература

1. См.: *Гаджиева С.Ш.* Указ. соч. С. 85–130; *Ризаханова М.Ш.* Лезгины. XIX начало XX века. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005. С. 122–137; Она же. Гинухцы. XIX начало XX века. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006. С. 86–88 и др.
2. РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.
3. Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы/Составитель *А. С. Омаров*. Махачкала.
4. Собрание указаний и распоряжений, 1917. № 10. С. 152, 3. 11. С. 160. По: *Томин В.* Семья под защитой государства // Семья сегодня. Народонаселение. М., 1979.

М. Х. Тезиева
(г. Владикавказ, Россия)

К ВОПРОСУ О «ТАВРСКОМ» КОРПУСЕ ОСЕТИНСКИХ ФАМИЛИЙ

Сама постановка вопроса о «таврском» корпусе осетинских фамилий может показаться странной, экстравагантной, ведь принято считать, что тавры смешались с окружающими их народами еще в первом веке нашей эры.

Однако факты говорят о том, что в первой половине XIX века осетины-дигорцы еще хранили память о «таврском» корпусе осетинских фамилий. Это зафиксировал в 1837 году академик Андрей Шегрен. Сохранилась его дневниковая запись от 22 мая 1837 года: «Визит старшины этой местности; это скромный и учтивый, но слепой старик из рода **Чергессата**. Он рассказал, что его предки прежде жили у Черного моря. Оттуда переселились три брата, из которых двое осели здесь, а один в Кабарде: род их прежде назывался **Таврас** и только позже принял нынешнее имя» [1].

В 1998 году был введен в научный оборот документ (так называемое «Прошение Чергезетов») от 31 декабря 1859 года: «Его Сиятельству Наместнику Кавказскому Господину Генералу от Инфантерии Генерал-адъютанту и Кавалеру Князю Барятинскому Дигорского ущелья дворян по фамилии Карабугаевых, Таймазовых и Кантемировых Прошение» [2]. Это и есть те фамилии (Чергессата, род Царгасата), представитель которой поведал А. Шегрену, что «род их прежде назывался **Таврас** и только позже принял нынешнее имя (*Чергессата*, – выделено мною)».

Итак, что же сами Чергезеты говорят о своем происхождении?

«Прошло тому назад много веков, как племя Чергезетов населяло часть Кавказских гор, омываемых с юго-западной стороны Черным морем. Будучи теснимы Римскими народами, Чергезеты, оставив родину, удалились в пределы Персии и здесь долго были покровительствуемы Персидскими Государями» [3].

Очевидно, в этом отрывке речь идет о середине первого века нашей эры, когда римляне закрепились на южном побережье Крыма, и начался процесс романизации тавров. Однако Чергезеты утверждают, что они не подпали под римлян, а, напротив, удалились от них в пределы Персии. Персия, как известно, это страна в юго-западной части Малой Азии (нынешний Иран). То, что Чергезеты сообщают о себе, что Государи Персидские покровительствовали им, свидетельствует о том, что задолго до этого между ними уже существовали определенного рода связи (возможно, родственные).

Но кровавые междоусобицы и в Персии не давали им покоя. «Они опять возвратились под защиту скал Кавказских гор. Время умножало Чергезетов, и они не только были опасны отважностью своею другим горским народам, но даже Цари заискивали дружбу их вождей... Имена вождей их были грозой для других племен и потому часто приставали побеждаемые к ним; таким образом, из Чергезетов составила́ся целая масса народа. Последние из вождей их, предводительствовавших ими в кочевой их жизни, были два брата: Чергезия и Шавраш... Чергезия и Шавраш, избрав лучшие для заселения ущелья и долины, лежащие по ту сторону гор, отделявших Абхазо-Карталинское царство от Кабардинских народов, начали поселяться, будучи прельщены дикостью природы не обитаемых до того никем мест. Но младший брат Шарваш оставил Чергезию и с частью пожелавших следовать за ним пошел к берегам Черного моря отыскивать родину своих предков. Найдя ее, он вместе с тем нашел там и народ. Покорив его силою оружия, он начал здесь поселяться и впоследствии сделался властелином не только приведенных

с собою и покоренных, но и смежных с населяемой им землей племен. Этот Шавраш есть родоначальник ныне светлейшего князя Шервашидзе» [4].

История о том, как Шавраш пошел к Черному морю отыскивать родину своих предков, заставляет нас вспомнить нартковский эпос осетин: историю о том, как братья Ахсар и Ахсартаг пошли к морю отыскивать родину своих предков по линии матери Дзерасы, дочери морского владыки Донбетра.

Интересно, что царгасата донесли память о родстве с абхазской княжеской фамилией Шервашидзе-Чачба до наших дней [5].

Далее авторы Прошения повествуют о периоде дружбы с Имеретинскими и Карталинскими Царями: «Имя Чергезия было уже известно не как предводителя, а как великого вождя свободного племени. Он оказывал дружбу искавшим его у нее, наказывал тех, которые нападали на слабых. Такие правила Чергезия обратили внимание Царей Карталинских и Имеретинских, и они не прочь были оказывать ему милости свои; он пользовался ими для блага управляемого им народа и в преклонных уже годах, прославляемый всеми, отошел в вечность, оставив после себя трех сыновей: Карабга, Таймаза и Кантемира, от коих происходя, мы носим настоящие фамилии (Карабугаевых, Таймазовых и Кантемировых, – прим.авт.)» [6].

Большой интерес вызывает та часть документа, где повествуется о взаимоотношениях с Баделидзе (баделята): «Мы сказали, что прославившийся Чергезия оказывал искавшим у него дружбу; те же правила перешли к детям его, отчего многие скитавшиеся племена были приняты со своими вождями в заселенные ими места Дигоррии. Обязанные почтением к Чергезии, как к основателям Дигоррии, они не лишались однако же права владеть приведенными ими народами, и потому в Дигоррии, кроме фамилии владетелей Чергезидзе, обосновались и другие, получившие впоследствии название Баделидзе» [7].

В Прошении подробно сообщается о принадлежности роду Чергезидзе верхнерачинских (имеретинских) деревень Геби, Чирори, Гловли (район Рача-Лечхума) с правом наследования: «На-

грады и милости Царские изобильно осыпали как самих Владетелей, так и подвластный им народ, над которым самим Царем они были признаны Владетелями с правом наследия деревень в Имеретии: Геби, Чиора и Гловли, а вместе с тем и первостепенное дворянство. Этому же самого не были лишены и внуки и правнуки Чергезидзевых и при царе Соломоне 1-м» [8]. Таким образом, указаны не только названия верхнерачинских (имеретинских) деревень Геби, Чиора и Гловли, но и временной отрезок, когда права на них устурдигорских феодалов Чергезидзеникем не оспаривались: это отрезок времени от Баграта IV до Соломона I.

«...Рассмотрение вопросов взаимоотношений грузинского и осетинского народов в основном ограничивается отношениями осетин с Картли-Кахетией. Однако это вовсе не означает, что политические отношения осетин с западным грузинским миром были исключены», – писал в свое время историк Г. Д. Тогошвили [9].

У В. И. Абаева нет специальных трудов, посвященных таврам и их языку. Однако в своих статьях он неоднократно возвращался к вопросу о соотносительности осетинского (староосетинского), аланского и таврского языков, а также к проблеме расселения тавров. В статье «Культ «семи богов» у скифов» ученый констатирует: «Анонимный автор Перипла Понта Эвксинского (V в.н.э.) сообщает, что город Феодосия в Крыму «называется на аланском или таврском языке Ардавда»» [10]. В переводе, считает Абаев, «Ардавда» означает «Семибожий». «Авд» по-осетински – «Семь». Однако есть и другое толкование названия этого города как «семистенный» – «Ардабда» (версия доктора исторических наук Алана Сланова).

Большой вклад в разработку обозначенной темы внесли российские палеорусисты, ставя проблему языка тавров, готов и алан, однако тема эта настолько сложна, что требует отдельного рассмотрения.

Если часть ученых считает, что история тавров началась и закончилась в Крыму, то большинство придерживаются иной

версии. В Приднепровье, например, обитало племя, для которого был характерен культ Скота, что дало в свое время возможность М. И. Ростовцеву по-новому подойти к разъяснению названия жителей Крыма по Геродоту – ταυροί [11]. М. И. Ростовцев высказал догадку, что ταυροί представляет грецизацию местного названия народа, туземного произношения которого мы пока не знаем. Ученый имел в виду тот случай, который принято называть лексической адаптацией. Развивая его мысль, В. И. Абаев замечает: «Не исключено, однако, что ταυροί – не адаптация, а перевод местного названия, которое означало «почитающие Быка» или просто «Быки» (хорошо известны случаи, когда племя называет себя по имени того животного, которое играет особую роль в его мифологических и религиозных представлениях)» [12].

Естественно, что многие исследователи обращали внимание на то, что этноним ταυροί перекликается с известным топонимом Ταυρος в Малой Азии. По мнению В. И. Абаева, связь может быть этимологическая: «Ταυρος тоже может быть связано с индоевропейско-семитическим ταυρ «бык». Что касается возможных исторических связей (переселение крымских тавров из Малой Азии или обратно), то на этот счет не имеется никаких данных, и гадания на эту тему беспредметны» [13].

Однако позволим себе не согласиться с этим мнением. Текст рассматриваемого нами «Прошения Чергезетов» свидетельствует об обратном. Чергезидзе рассказывают о большом временно отрезке, когда они жили в Персии (Малая Азия). Фактов о связи крымских и малоазийских тавров становится все больше и больше. Впрочем, это тема отдельной статьи.

Использованные источники и литература

1. Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен: Исследование. Тексты. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С.105.

2. ЦГА РСФСР-А. Ф.262. Оп.1. Д.1. Л.110–111.

3. *Марзоев И.-Б.* Царгасата-Карабугаевы. Из истории осетинских фамилий. Журнал «Дарьял», 1998, №4. С. 244.
4. Там же.
5. Информатор: Фуза Текон, 1931 г.р., РСО-А, Владикавказ.
6. *Марзоев И.-Б.* Царгасата-Карабугаевы. Из истории осетинских фамилий. Журнал «Дарьял», 1998, №4. С. 245.
7. Там же. С. 245.
8. Там же. С. 246.
9. *Тогошвили Г.Д.* Избранные труды по кавказоведению. Т.1. Владикавказ, 2012. С. 260.
10. *Абаев В.И.* Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, издательство «ИР», 1990. С.89.
11. *Ростовцев М.И.* Новая книга о Белом острове и Таврике // Известия Археологической Комиссии. Петербург, 1919, выпуск 65.
12. *Абаев В.И.* Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, издательство «ИР», 1990. С.100.
13. Там же. С.101.

БИОГРАФИИ

М. С. Арсанукаева
(г. Москва, Россия)

**ТАШТЕМИР ЭЛЬДАРХАНОВ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

В начале XX в. в общественной жизни дореволюционной России произошли события, положившие начало формированию политической и правовой культуры, традиций прав человека и гражданина. В условиях начавшейся буржуазной революции 1905–1907 гг. российскому правительству пришлось пойти на некоторые уступки народным массам. В дни Октябрьской Всероссийской политической стачки объявляется Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», которым впервые в истории Российского государства провозглашались некоторые фундаментальные гражданские и политические права и свободы, включая неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Необходимость разрядить сложную ситуацию в стране, заставляет власть сделать еще один важный шаг – созвать Государственную Думу с широким представительством от различных категорий подданных [1].

Все эти события нашли широкий отклик во всех регионах

Российской империи, в том числе и тех, которые совершенно недавно вошли в ее состав, например в горских районах Северного Кавказа. Начальник Терской области и наказной атаман Терских казачьих войск в приказе от 14 декабря 1914 г., обращаясь к казакам, отмечал: «Государь Император наш, хорошо видя все настроение земли русской, решил передать правление судьбами нашего Отечества в руки самого народа, для чего повелел из народных представителей собрать Государственную Думу, которая будет сама создавать все необходимые законы и сама устраивать жизнь народную». Подчеркивалось, что российским подданным предоставлено право свободно «высказываться о тех законах, которые надо издать, и о тех порядках, которые надо завести», «решать свою судьбу и управляться в том или ином духе» [2].

Горские народы Терской области возлагали большие надежды на Государственную Думу и активно использовали предоставленную им возможность для решения наиболее важных проблем (земельных, социальных, культурных и др.), обращаясь к депутатам. На местах появились избирательные комиссии, руководствовавшиеся высочайше утвержденными 2 февраля 1906 г. Правилами о применении к губерниям и областям Кавказского края Положения о выборах в Государственную Думу [3]. В состав выборщиков вошли горцы, отвечающие предъявляемым требованиям. Так, накануне выборов в I Государственную Думу в соответствии с п. 10 указанных правил Грозненская окружная комиссия составила список землевладельцев из 34 фамилий, большинство которых составили чеченцы. В частности, в него вошли Чермиевы, Курумовы, Адуевы, Шамурзаевы, Эльмурзаевы, Мустафиновы и др. Все они приняли участие в работе Грозненского окружного избирательного съезда землевладельцев [4].

Особое внимание Государственной Думой первых двух созывов (1906 г. и 1907 г.) было уделено обсуждению актуальных вопросов, связанных с положением различных этносов и религиозных групп Российской империи. Права и интересы горцев Северного Кавказа в Думе защищал депутат от Терской области Т. Эльдарханов, чья политическая и просветительская деятельность вызывает в последние годы большой интерес ученых раз-

личных научных направлений: историков, юристов и филологов [5].

Народы Северного Кавказа, в большинстве своем вошедшие в состав Российской империи в XVIII – середине XIX вв., находились на различных стадиях социального развития: от разложения феодальных отношений разной степени зрелости, отягощенных пережитками родоплеменной организации, до формирования капиталистических отношений. Подавляющая часть горцев не владела русским языком, русской грамотой и была оторвана от общественно-политической жизни России. Горская интеллигенция, готовая понять и отстаивать интересы своих народов, только формировалась. Однако горцам всегда был характерен интерес ко всем наиболее важным событиям (политическим и военным), происходившим в регионе, на собственной земле и способным повлиять на их положение и повседневную жизнь. Н. Семенов, автор известного исследования о горцах Северо-Восточного Кавказа, отмечает, в частности, характерную для чеченцев чуткость к вопросам общественно-политического характера и способность «сообразовывать свои действия с существующим положением» [6].

На протяжении всей истории отношений с Россией и российского подданства горцам приходилось отстаивать свои права и интересы, участвуя для этого в переговорах с кавказской и местной администрациями. Известны соглашения, достигнутые между ними в разные исторические периоды.

За относительно короткое время российского подданства жизнь горских народов претерпела серьезные изменения. На этот факт указывали представители от горцев Терской области, участвовавшие в совещании по вопросу о введении воинской повинности для горцев, состоявшемся в Тифлисе 18 ноября 1883 г. В течение всего лишь двадцати лет после окончания Кавказской войны горским народам «пришлось пережить чрезвычайные реформы, к которым народы подготавливаются веками и ускоренными темпами приобщиться «к благам цивилизации и науки...» [7]. Имелись в виду административные, судебные-правовые, земельные, социальные, культурные и другие реформы, которые прово-

дились в горских округах по инициативе российского правительства кавказской и местной администрациями.

В начале XX в. наметился новый этап консолидации горских народов Северного Кавказа, осознания ими себя как подданных Российской империи, понимания насущных проблем в различных сферах их жизни и попытках их решения. Так, в декабре 1905 г. во Владикавказе состоялись совещания горских представителей, в основном от осетин, которые проходили в редакции газеты «Весь Кавказ». Главной целью совещаний было «желание выяснить нужды народностей и причины, препятствующие мирному развитию и улучшению их быта». На деле, по мнению областного начальства, задача состояла в том, чтобы «объединить всех туземцев области и даже Дагестана» [8]. В работе совещаний интерес чеченцев представлял учитель Грозненской горской школы Таштемир Эльдарханов, будущий депутат от горцев всей Терской области в Государственной Думе первых двух созывов. Вместе с ним в совещаниях участвовали: житель селения Шали мулла Сугаип Гайсумов и селения Старого Юрта – Мусса-Хаджи [9].

О Т. Эльдараханове сохранились следующие официальные сведения: «Эльдараханов Таштемир Эльджуркаевич, родом чеченец, 36 лет, вышел из бедной семьи; окончил курс в тифлисском учительском институте; был учителем в городских школах городов Грозного и Майкопа; в 1905 году за участие в революционном движении ему предложено выйти в отставку» [10]. В стенографических отчетах II Государственной Думы указываются его вероисповедание («мусульманин»), род занятий («народный учитель»), деятельность в составе мусульманской фракции и факт членства в Государственной Думе I созыва [11].

Т. Эльдарханов родился 1 апреля 1870 г. в селении Гехи (нынешний Урус-Мартановский район Чеченской республики) в обычной горской семье. Как и многие сверстники, начал учебу в местной арабской школе. Однако узкий круг знаний, получаемых в сельском медресе, не устраивал любознательного мальчика, и отец отдает его в Грозненскую горскую школу. После ее окончания Т. Эльдарханов поступает во Владикавказское ремесленное училище, открытое в 1868 г. начальником Терской области генералом

М. Т. Лорис-Меликовым. По уставу, составленному самим М. Т. Лорис-Меликовым, училище ставило задачу дать образование детям всех жителей Терской области независимо от национальности. 12 октября 1868 года по Высочайшему повелению за его заслуги «к устройству и упрочению существования» училища оно получило название Лорис-Меликовского [12]. Во время учебы Таштемир много работает над собой, углубляет знания русского языка, увлеченно читает произведения классиков русской литературы (Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Чернышевского и др.), воспринимает передовые мысли русских просветителей XIX в.

Т. Э. Эльдарханов

Приезжая на каникулы в родные места, Таштемир видел тяжелое положение, неграмотность и невежество чеченского народа. Этим объясняется решение Эльдарханова стать народным учителем. Он поступает в Александровский учительский институт в Тифлисе, открытый 15 мая 1872 г. на базе Александровской учительской школы, содержавшейся за счет средств Общества восстановления христианства на Кавказе [13]. Четыре года обучения в институте (1889–1893 гг.) стали новой значительной

вехой в его жизни. В Тифлисе Эльдарханов еще ближе знакомится с произведениями русских и грузинских просветителей, русской и грузинской художественной литературой, собирает и публикует чеченские народные сказки, легенды, сказания. Он много работает в архивах, изучает историю народов Кавказа, в т. ч. историю русско-кавказских отношений. Вслед за известными просветителями 70-х годов XIX в. – П. К. Усларом, А. И. Бартоломеем, У. Лаудаевым – Т. Эльдарханов пытается воплотить в жизнь идеи просвещения чеченского народа, работает над чеченским букварем на основе русской графики [14]. Букварь и книга для чтения издаются им в Тифлисе в 1911 г. [15].

Окончив учительский институт, Т. Эльдарханов в течение пяти лет (1893–1898) работает учителем горских школ города Майкопа, чем вносит существенный вклад в формирование первого поколения интеллигенции адыгского народа. Сохранились прекрасные отзывы об Эльдарханове как педагоге и просветителе его бывших учеников, в будущем также известных педагогов Адыгеи – Х. Нефляшева и С. Сиюхова [16]. Неоценимую роль в будущей государственной, политической и просветительской деятельности имели опыт и знания, приобретенные им за время работы непосредственно на исторической родине. С 1898 г. Т. Эльдарханов работает учителем Грозненской горской школы [17].

Вместе с другими представителями первой чеченской интеллигенции – братьями Ахметханом и Исмаилом Мутушевыми, Тапой Чермоевым, Ибрагим-беком Саракаевым, братьями Денилбеком, Заурбеком и Асламбеком Шериповыми – Т. Эльдарханов становится основоположником общественно-политической мысли чеченцев конца XIX – начала XX вв. [18].

На рубеже XIX – XX веков Т. Эльдарханов становится видным общественным деятелем и принимает участие в революционном движении на Северном Кавказе, приобретает известность не только как выразитель настроений и интересов чеченцев, но всех остальных горцев. В этой связи становится понятным факт избрания Эльдарханова в 1906 г. депутатом I Государственной Думы от горских народов Терской области, а именно ингушей, кабардинцев, кумыков, осетин и чеченцев. Следует отметить, что от Терской области было избрано еще два депутата: от казаков – П. П. Демиров, от остального русского населения – А. П. Маслов [19]. В составе Государственной Думы первого созыва от горских народов Северного Кавказа принимал участие лишь один чеченец (0, 2% депутатов) [20] и это был Т. Эльдарханов. Он вошел во фракцию партии народной свободы (кадетов) [21].

В Государственной Думе I созыва Т. Эльдарханов выступает с яркой, принципиальной и содержательной критикой политики, проводимой на Северном Кавказе. Его речи содержат примеры тяжелого положения горских народов, их унижения и притеснения со стороны местной администрации. В выступлении от 12 июня

1906 г. он, в частности, подчеркивал: «...Прошло полстолетия с тех пор, как мы, маленькая кучка народностей, подпали под власть России. Мы надеялись под сенью великой державы отдохнуть, надеялись найти покой и счастье, и надежды не оправдались». Рассуждая о том, в чем же причины столь бедственного положения горцев, главную из них он видит в том, малые народы «с самых же дней присоединения к России очутились в лапах всемогущей бюрократии». Страстно критикуя имперскую власть, Т. Эльдарханов отмечал: «Управляют нами военные чины, отбросы армии, которые ничего общего с народом не имеют, не заинтересованы в судьбах народа, и в деле смягчения нравов и обычаев народов ими не сделано буквально ничего». Неизбежными последствиями подобных действий местных чиновников, по мнению Эльдарханова, стали разбои, грабежи и убийства. В ответ местная администрация не пытается решить проблемы горцев, а только «разоружает мирных жителей, проводит экзекуции, высылки невинных людей без суда и следствия» [22].

Выступления Т. Эльдарханова в стенах Государственной Думы снискали ему большой авторитет и уважение не только среди горских народов Северного Кавказа, но также и в самых различных политических кругах России. Период депутатской деятельности Эльдарханова ознаменовался серьезными событиями, оказавшими влияние на судьбы народов России. В их числе особое место занимает первая русская революция 1905–1907 гг., получившая широкий размах и на его исторической родине [23].

Известно, что для подавления крестьянских волнений в Центральной России администрация Терской области организовала вербовку добровольцев в Чечне, Ингушетии и Осетии. Возмущенные этим фактом, представители чеченской интеллигенции направили телеграмму депутату Т. Эльдарханову, которая была оглашена им в стенах Государственной Думы 23 июля 1906 г. В ней, в частности, говорилось следующее: «Со времени покорения Кавказа правительство всеми мерами заграждало доступ к просвещению покоренным народностям. Политика правительства направлена была к поддержанию антагонизма между завоевателями и жертвами». В телеграмме вполне обоснованно высказы-

вались опасения, что горцев «хотят рассеять за пределы Кавказа», сделать из них «страшилище для всего русского народа, а этот последний вооружить незаслуженным негодованием против горцев. Административные агенты увлекают темный чеченский народ перспективой блестящего будущего, нанимают их в число стражников, которым сулят чины, ордена, почет, и отправляют на службу...» [24].

По данному обращению группа депутатов Государственной Думы из 40 человек направила запрос председателю Совета Министров, требуя предоставить ответ на следующие интересующие их вопросы:

1) «С чьего ведома правительственные агенты вводят в заблуждение чеченский народ, суля ему почетную службу, знаки отличия, чинопроизводство, а в действительности готовят из них погромщиков мирных русских граждан?»

2) Намерен ли председатель Совета министров принять меры к немедленному возвращению стражников-горцев и к прекращению преступной агитации правительственных агентов для набора новых?» [25].

В итоге вербовка чеченцев, ингушей и осетин была прекращена. Анализируя создавшуюся ситуацию, Т. Эльдарханов в своей речи на сессии Государственной Думы отметил: «Наряду с именем палачей современного освободительного движения, которые нагайками и расстрелами стараются заглушить самосознание крестьян, впервые стали произносить имена горцев Терской области: чеченцев, ингушей и осетин, которые в качестве ревнивых оберегателей имущества помещиков, творят суд и расправу над бедными крестьянами, братьями своими по нужде и несправии» [26].

Депутат Эльдарханов осудил попытки обвинения горцев в том, «что они проливают кровь ради удовольствия, что в природе этих народностей есть кровожадность» и заявлял, «что горцы Кавказа жаждут мирной и спокойной жизни, и ни явной, ни скрытой вражды к кому бы то ни было не питают; что свободолюбивые горцы ничего общего не имеют с горстью несчастных сыновей своих, по неведению играющих позорную роль черносотенцев» [27]. В его речи выражалась надежда на то, «что рус-

ский народ, по крайней мере, сознательная часть его, не перенесет вину нескольких негодяев среди горцев на весь чеченский, ингушский и осетинский народы. Это было бы равносильно тому, если бы за черную сотню и погромщиков стал отвечать весь русский народ» [28].

Как народный учитель Т. Эльдарханов был прекрасно осведомлен о низком уровне светского образования у горцев. В невежестве подавляющей части горцев он видел немаловажную причину неурядиц на Северном Кавказе. «Доложу, что за пятидесятилетний промежуток времени открыты только две школы для детей миллионного населения», – отмечал Т. Эльдарханов [29]. Он имел, вероятно, в виду Грозненскую и Назрановскую горские школы, открытые, соответственно 28 ноября 1863 г. и 22 декабря 1870 г. [30].

К 1896 г. в селениях (аулах) Терской области, где преимущественно проживало горское население, дети горцев обучались в 30 низших учебных заведениях. Из них большая часть – 24 заведения, рассчитанные на 1921 человек, – приходилась на осетинские селения и содержалась на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе. И лишь шесть учебных заведений на 458 учащихся предназначались для детей кабардинцев, чеченцев, ингушей, кумыков и др., численность которых составляла до 421 128 душ обоего пола. Терская областная администрация вынуждена была признать низкий уровень их культурного развития и острую потребность в развитии образования [31].

Несмотря на сопротивление областной администрации, 6 февраля 1907 г. на Терском избирательном собрании вместе с Г. А. Горбуновым (от русского населения) и М. А. Карауловым (от казаков) Т. Эльдарханов (от горцев) избирается депутатом II Государственной Думы [32]. По официальным данным от Терской области во 2-й Думе состояло 3 человека [33]. В стенограмме третьего заседания 2-й сессии от 24 февраля 1907 г. указывается, что Т. Э. Эльдарханов включен в 8-й отдел (из 11 отделов) [34]. На 5-м заседании Думы, состоявшемся 6 марта 1907 г., докладчик от 9 отдела Долгов сообщил, что никаких жалоб от избирателей Терской области не поступало, выборы признавались правильными, и предлагалось

утвердить список депутатов. По предложению председательствующего он утверждается общим голосованием [35].

Группа депутатов Второй Государственной думы

На этот раз Т. Эльдарханов принял активное участие в обсуждении аграрного вопроса. Выступая на 32 заседании II Государственной Думы 3 мая 1907 г, он указывал на безвыходное положение крестьян и долг депутатов «помочь им в их острой земельной нужде». Для чего предложил «сойтись на одном законопроекте, который являлся бы практически осуществимым в существующих условиях». Особое внимание им было уделено вопросу обеспечения земель горцев Терской области, который, несмотря на принятые меры, оставался нерешенным. По его словам, вся область делилась на две части: плоскостную и горную. «В плоскостной части острую нужду испытывают чеченцы и ингуши, имеющие на одну мужскую душу от двух до трех десятин земли,

считая и непригодные. Трудно себе представить более худшие условия, какие имеются налицо в нагорной полосе области...», – сообщает он. Обработка этих крохотных участков земли, часто мало пригодных для возделывания требовали чрезвычайных усилий простых горцев, труд которых обозначен не иначе как каторжный. Скудный урожай обеспечивал лишь полуголодное существование. Меры по урегулированию земельного вопроса в Терской области, принятые в 60-х гг. великим князем Михаилом Николаевичем, по мнению Т. Эльдарханова, не дали ожидаемого результата. В 80-х гг. аграрный вопрос обострился, так как земли в нагорной полосе были отобраны правительством под предлогом неправильного пользования лесами [36].

Решение аграрного вопроса в горских районах Терской области усложнялось также в связи с широко развернувшейся в конце XIX – начале XX вв. разведкой и добычей полезных ископаемых, промышленным освоением нефтяных месторождений, в том числе в районе Грозного [37]. В своей речи от 3 мая 1907 г. Т. Эльдарханов сообщает: «Правительство заявило свою претензию на эти недра земли, сказав: «земля вам принадлежит, но мы вам заплатим только за порчу поверхности, а недра и богатства, находящиеся внутри земли, принадлежат казне». От имени избирателей он ходатайствует о том, чтобы расхищение природных богатств края было приостановлено до окончательного разрешения аграрного вопроса [38]. «Ввиду того, что издание земельного закона затянется на долгое время, а нужда на местах так сильна, ... необходимо вернуть туземцам немедленно отобранные у них незаконным образом земли и урегулировать арендные цены», – призывал в своей речи Эльдарханов. Завершая выступление, он предложил «дело аграрной реформы» перенести на места, и поручить ее проведение местным земельным комитетам». По представлению Т. Эльдарханова, следовало обеспечить «широкое местное самоуправление и узаконить основные свободы» [39].

Попытки депутатов от народов Северного Кавказа поднять аграрный вопрос в стенах Думы, их предложения, по мнению А. Б. Гамзаевой, «следует изучить и взять на вооружение» даже в современных условиях [40].

Кроме Т. Эльдарханова в Государственной Думе права и интересы народов Северного Кавказа отстаивали также другие депутаты: И. П. Покровский (II и III созыв), М. А. Караулов (II и IV созыв) от Терской области, И. И. Гайдаров (III созыв), М. М. Далгат (IV созыв) от Дагестанской области и Закатальского округа.

Как отмечает С. В. Дарчиева, Эльдарханов «совершенно не желал никаких кровопролитий и смуты» [41]. Во 2-й Государственной Думе он входил в состав мусульманской фракции [42].

В речах Т. Эльдарханова прослеживается вера в возможность, используя трибуну Государственной Думы, добиться улучшения положения горских народов не только Терской области, но и всего Северного Кавказа. Перед российским правительством, кавказской и местной администрациями ставились актуальные задачи совершенствования системы местного управления, организации судоустройства и судопроизводства, решения аграрных проблем, развития образования в горских районах. Часть запросов горских обществ не рассматривалась и не обсуждалась в Государственной Думе, проблемы, указанные в них, остались не решенными, что не способствовало стабилизации ситуации в регионе и подрывало доверие населения к высшему представительному органу России начала XX в.

После роспуска II Государственной Думы Т. Эльдарханов возвращается в Грозный. Из-за активной контрпропаганды администрации среди населения Терской области он не проходит в III Думу [43]. Не получив разрешение на преподавание в школах области, уезжает в Баку, где преподает в одном из городских училищ, а позже занимает должность инспектора Геокчайского высшего народного училища [44].

Т. Эльдарханов с большим воодушевлением воспринял Февральскую революцию 1917 г. [45]. Чеченский съезд в Грозном, состоявшийся в марте 1917 г., отправил телеграмму членам Особого Закавказского Комитета (ОЗАКОМ) М. Ю. Джафарову и М. И. Пападжанову с просьбой отправить его для работы инспектором начальных училищ в Чечне [46]. Он принимает участие в работе первого съезда народов Чечни. В марте избирается комиссаром Грозненского округа и членом Чеченского народного ис-

полкома. Создает Общество распространения просвещения среди чеченцев и руководит его работой. В июне того же года назначается инспектором народных училищ Грозненского и Веденского округов. В июле назначается на ответственную должность заместителя председателя исполкома Совета Чечни (Чеченского комитета) [47].

В 1920 г. Т. Эльдарханов избирается председателем Чеченского ревкома. Затем возглавляет исполком Чеченской автономной области (образована 30 ноября 1922 г.) [48] и Национальный совет Северокавказского крайисполкома (Ростов-на-Дону). В 1929 г. начинает работать в аппарате управления объединения «Грознефть». Не однократно избирался делегатом Всероссийских съездов Советов и членом ВЦИКа [49], депутатом Всесоюзных съездов Советов и членом ЦИК СССР. Умер в 1934 г. [50].

Таштемир Эльдарханов по праву является достойным представителем горских народов Северного Кавказа, посвятившим всю свою жизнь защите их прав и законных интересов, в т. ч. на свою государственность, участие в управлении, решение аграрного вопроса, получение достойного образования и т. д. Особенно значимы его заслуги перед чеченским народом.

Использованные источники и литература

1. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 25 (1905 год). Ст. 26805. СПб.: Б. и., 1908. С. 754.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1540. Лл. 5–5 об.
3. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 26 (1906 г.). Отд. 1. Ст. 27318. СПб.: Б. и., 1909. С. 69–72.
4. См.: Терские ведомости. – 1906. – № 53. – 8 марта.
5. См., напр.: *Туркаев Х. В.* Путь к художественной правде. Грозный, 1987; *Его же.* Возвращение к народу // Грозненский рабочий, 19 декабря 1990 г; *Его же.* Таштемир Эльдарханов: жизнь, подвиг и судьба // Вайнах. – 2005. – № 2–4; *Гакаев Ж.* Он достоин памяти народной. Грозный, 1991; *Шунов И.* Таштемир

Эльдарханов. Грозный, 1960; *Айдаев Ю., Исараев С.М.* Т. Эльдарханов: «Со кегичу халкьин векал ву». Парваьллачу революционеран серлончийн дахаран агӀонаш // Ленинан некъ. – 1990. – 30 марта; *Арсанукаева М.С.* Таштемир Эльдарханов и «горский вопрос» в Государственной Думе первых двух созывов // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 6. В трех (четырёх) томах. Т. 1. М., 2006. С. 31–35; *Арсанукаева М.С.* «Горский вопрос» в Государственной Думе первых двух созывов (начало XX в.) // «Kompromis czy konfrontazija?». Wydawnictwo uniwersytetu M. K.-Sklodowskiej. Lublin, 2009. С. 142–156 и др.

6. *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.: Тип. Хомского и К°, 1895. С. 96–97.

7. Архив внешней политики Российской империи МИД Российской Федерации. Персидский стол. Ф. 144. Оп. 488. 1984 год. Ед. хр. 417. Л. 66 об.

8. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1540. Л. 1.

9. Там же. Л. 1 об.

10. Члены 2-й Государственной Думы. Биографии. Сравнительная характеристика членов I и II Государственной Думы. Алфавитный указатель. СПб.: Гос. тип., 1907. С. 104.

11. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 год. Заседания 1–53 (2 февраля – 21 июня 1907 г.). СПб.: Гос. тип., 1907. С. 22.

12. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 43 (1868 год). Ст. 46349. СПб.: В Тип. С. Е. И. В. Канц., 1873. С. 341.

13. ПСЗ-2. Т. 47 (1872 год). Ст. 50835. СПб.: В тип. С. Е. И. В. Канц., 1875. С. 536.

14. См.: *Шаипов И.* Таштемир Эльдарханов. С. 5.

15. *Ибрагимова З.Х.* Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. Монография. М.: ПРОБЕЛ, 2006. С. 610.

16. См.: *Шаипов И.* Таштемир Эльдарханов. С. 36–39.

17. Терский календарь на 1905 год. Вып. 14. Владикавказ, 1905. С. 27.

18. См.: *Туркаев Х.В.* Таштемир Эльдарханов: жизнь, подвиг и судьба // Вайнах. – 2005. – №2. – С. 48.

19. См.: *Гакаев Ж.* Он достоин памяти народной. С. 11.
20. *Бородин Н. А.* Государственная Дума в цифрах. СПб.: Тов-во «Обществ. Пользы», 1906. С. 16.
21. Там же. С. 48.
22. Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия первая. Т. 2. М.: Гос. тип., 1906. С. 1235–1236.
23. См., напр.: *Киреев Е. П.* Пролетариат г. Грозного в Революции 1905–1907 гг. Грозный, 1955; *Колосов Л. П.* Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893–1917 гг.). Грозный, 1965; *Шигабуудинов М. Ш.* Борьба рабочих Северного Кавказа накануне и в период революции 1905–1907 гг. Махачкала, 1964; *Хасбулатов А. И.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX – начало XX в.). М., 1994; *Арсанукаева М. С.* Грозненский кооператив и его роль в борьбе промысловых рабочих за социальные и экономические права (начало XX в.) // Вестник АН Чеченской Республики. – 2008. – №2. – С. 200–213 и др.
24. Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия первая. Т. 2. С. 1237.
25. Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия первая. Т. 2. С. 1694.
26. Там же. С. 1695.
27. Там же.
28. Там же.
29. Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия первая. Т. 2. С.1236.
30. См.: *Ибрагимова З. Х.* Чеченская история. Политика. Экономика. Культура. Вторая половина XIX века. М., 2002. С. 356; *Музаев Т. М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказ. 1917 – март 1918 г. М.: Патрия, 2007. С. 462.
31. Терский календарь на 1896 год. Владикавказ. 1895. С. 64.
32. См.: Члены II Государственной Думы. Биографии. С.104.
33. См.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Второй созыв 1907–1913 гг./сост. М. М. Боивич. М.: Изд-во Тов-ва И. Д. Сытина, 1907. С. 11.
34. См.: Государственная Дума. Второй созыв. Стенографи-

ческие отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. I. СПб.: Гос. тип., 1907. С. 51.

35. См.: Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. I. С. 88–89.

36. См.: Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Том II. СПб.: Гос. тип., 1907. С. 76–77.

37. См.: *Колосов Л. Н.* Из истории захвата монополиями нефтеносных земель в Чечено-Ингушетии (1895–1917 годы) // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. 2. Вып. 1 [редкол.: А. А. Саламов (отв. ред.) и др.]. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1960. С. 31–45.

38. *Жутикова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. Т. 1. М., 2006. С. 80.

39. Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Том II. С. 78–79.

40. См.: *Гамзаева А. Б.* Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I–IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса: автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2002: сайт. – URL: <http://cheloveknauka.com/deyatelnost-deputatov-ot-severnogo-kavkaza-v-i-iv-gosudarstvennyh-dumah-po-resheniyu-agrarnogo-voprosa>.

41. См.: *Дарчиева С. В.* Деятельность депутатов Государственной Думы от Северного Кавказа в разрешении национального вопроса: автореф. дисс. канд. ист. наук. Владикавказ, 2006: сайт. – URL: <http://cheloveknauka.com/deyatelnost-deputatov-gosudarstvennoy-dumy-ot-severnogo-kavkaza-v-razreshenii-natsionalnogo-voprosa>.

42. См.: *Дарчиева С. В.* Аграрный вопрос в работе северокавказских депутатов Государственной Думы России (1906–1907 гг.) // Известия СОИГСИ. 2015. № 18 (57). С. 46.

43. См.: *Дарчиева С. В.* Деятельность депутатов Государственной Думы от Северного Кавказа в разрешении национального вопроса: автореф. дисс. канд. ист. наук. Владикавказ, 2006: сайт. –

URL:<http://cheloveknauka.com/deyatelnost-deputatov-gosudarstvennoy-dumy-ot-severnogo-kavkaza-v-razreshenii-natsionalnogo-voprosa>.

44. *Шаунов И. Т.* Эльдарханов – первый чеченский депутат общероссийского масштаба: сайт. – URL: <http://checheninfo.ru/18504-t-eldarhanov-pervyy-chechenskiy-deputat-obscherossiyskogo-masshtaba-zhzl.html>; *Алиева С. И.* Азербайджано-чеченские взаимосвязи в XIX – начале XX веках // Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность. 2-е Кадыровские чтения. Мат-лы Всероссийской научно-практ. конф., посв. 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики. Грозный, 20 марта 2003 года. Грозный: ФГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2004. С. 104.

45. См.: *Гакаев Ж.* Таштемир Эльдарханов: сайт. – URL: <http://archive.ec/iMaul#selection-1283.0-1283.20>.

46. См.: *Алиева С. И.* Азербайджано-чеченские взаимосвязи в XIX – начале XX веках. С. 104.

47. См., напр.: *Хасбулатов А. И.* Февральская революция в России и ее особенности в Чечне (февраль–сентябрь 1917 г.) // Научная мысль Кавказа. 2002. № 4. С. 78–79; *Нунуев С.-Х.* Чеченцы. М.: ГОЛОС-ПРЕСС, 2008: сайт. – URL: <http://romanbook.net/book/8101969/?page=59>; *Музаев Т. М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказ. 1917 – март 1918 г. М.: Патрия, 2007. С. 463–464; *Алиханова М. Х.* Чечня от Февраля к Октябрю 1917 г.: сайт. – URL: [http://kaspy.asu.edu.ru/files/4\(33\)/389-395.pdf](http://kaspy.asu.edu.ru/files/4(33)/389-395.pdf).

48. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 65. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

49. Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: стенографический отчет (22–29 декабря 1920 года). М.: Гос изд-во, 1921. С. 255; Десятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23–27 декабря 1922 года): Стенографический отчет с приложениями. М.: ВЦИК, 1923. С. 220 и др.

50. См.: *Музаев Т. М.* Союз горцев. С. 464.

Е. В. Брацун
(г. Краснодар, Россия)

ЛИЧНОСТЬ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА КОЗЬМЫ (ГУЙМАНА) ИВАНОВИЧА ЗАНКИСОВА (1823–1885 ГГ.)

Справедливо замечено, что «единица измерения истории – это человек». В XX в. по идеологическим и политическим причинам из истории России были вычеркнуты многие выдающиеся личности и целые социальные группы населения. Прежде всего представители военных интеллигенций самых разных народов России. Не обошел этот процесс и осетин. Осетинская военная интеллигенция дала России в XVIII–XX вв. множество выдающихся военных, учёных, писателей. Особая категория среди выдающихся осетинских военных – это осетины-казаки из станиц Чернойрской и Ново-Осетинской. Одним из самых выдающихся офицеров из указанной группы был генерал Козьма Иванович Занкисов (1823–1885 гг.). Его осетинское имя Гуйман. Фамилия в осетинской традиции скорее всего звучит как Дзанкисов.

Ранее личность генерала К. И. Занкисова освещалась в трудах прежде всего осетинских историков. В дореволюционный период З. В. Сосиева, на современном этапе Г. Т. Дзагуровой и Ф. Х. Гунтовым. Небольшой вклад в исследование данной личности внесла и кубанская историографии в трудах историков И. Я. Куценко и В. Н. Ратушняка. Стоит, однако, отметить, что все указанные историки очень поверхностно касались личности К. И. Занкисова. Например, период его службы на Кавказе в годы Кавказской вой-

ны XIX в. и вовсе не получил освещения. Не лишены некоторые труды и советской идеологической парадигмы, характерной для оценки «царских офицеров», участников событий на Кавказе и в Царстве Польском в XIX в.

Новизна нашего исследования заключается в привлечении к исследованию данной темы большого числа архивных и иных источников, ранее не введённых в научный оборот. Они позволяют по новому взглянуть на личность выдающегося, но забытого осетинского генерала середины XIX в.

Родился К. И. Занкисов 9 октября 1823 г. (по старому стилю), происходил из дворян Терского войска, вероисповедания православного. Стоит отметить, что в предыдущих исследованиях, прежде всего Г. Т. Дзагуровой, дата его рождения указывалась 1821 г. Но точные его годы жизни – 9 октября 1823 г. – 10 июня 1885 г. Эти даты высечены на его могиле на старом кладбище станицы Черноярской, которую автор посетил в начале апреля 2016 г.

Вот краткое прохождение службы К. И. Занкисова в военных чинах. В военную службу вступил в Горский казачий полк казаком 1 января 1842 г. Урядником служил с 31 декабря 1843 г. Произведён в хорунжие 4 июня 1848 г. За отличие против горцев произведён в сотники 28 ноября 1851 г. Предписанием наказного атамана Линейного казачьего войска от 8 октября 1852 г. за № 5113 утверждён начальником станиц Черноярской и Ново-Осетинской и вступил в эту должность 15 октября 1852 г. Командовал станицами по 6 марта 1854 г. Произведён в есаулы 18 декабря 1856 г. Представлением командира Горского полка от 7 марта 1855 г. назначен начальником тех же станиц и вступил в должность 13 марта 1855 г. По воле начальства командирован в Сводно-Иррегулярный дивизион 28 мая 1858 г. Прибыл в дивизион в Варшаву 6 сентября. По высочайшему повелению объявленному в предписании управляющего делами Императорской главной квартиры от 16 февраля 1860 г. № 188 прикомандирован к Л.-Гв. Кавказскому эскадрону Собственного Его Величества конвоя, куда прибыл 17 февраля 1860 г. [1].

20 апреля 1863 г. К. И. Занкисову всемилостивейше разрешено носить пожалованный великим герцогом Ольденбургским

орден заслуг Герцога Петра Фридриха Людвига. Награждён орденом Св. Анны 3-й степени 3 сентября 1863 г. За отличие против Польских мятежников награждён золотой шашкой с надписью «За храбрость» 31 января 1864 г. Произведён в подполковники 11 февраля 1864 г. Награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с Императорскою короной и мечами над орденом 18 сентября 1864 г. Всемилоостивейше разрешено носить орден, пожалованный Его Величеством королём Ганноверским, кавалерийский крест ордена Гвельфов и Великим Герцогом Его Высочеством Саксен Ольденбургским кавалерийский крест 1-го класса Саксен Эрнестинского домашнего ордена и Его Высочеством Саксен Веймарским орден Белого Сокола 1 ноября 1864 г. [2].

Весь период службы К. И. Занкисова можно условно разделить на два этапа. Это служба на Кавказе с 1841 по 1858 гг. и в Царстве Польском с 1858 по 1870 гг.

Будучи казаком Горского полка и служа в его 6-й сотне, которая была укомплектована осетинами-казаками станиц Чернойрской и Ново-Осетинской, К. И. Занкисов принял участие в бою, который надолго остался в памяти казаков указанных станиц. Так в его послужном списке значится: «В походах против неприятеля находился с 3 марта 1843 г. в делах со значительной хищнической партией, напавшей на станицу Луковскую и Моздокские хутора»[3]. Речь идёт о бое 3 марта 1843 г. сотни осетин-казачков с тысячной партией мюридов имама Шамиля. В бою погибла половина сотни, а среди уцелевших был и К. И. Занкисов. З. В. Сосиев отмечал по этому поводу: «Окружённые со всех сторон тысячной толпой хищников, ободряемые сотенными командирами и младшими офицерами сотни (есаул Гокинаев, сотник Тускаев и хорунжий Гажеев), они с удивительным бесстрашием и со замечательным упорством выдерживали натиски хищников. Наконец когда партия смешалась с нашей сотней, каждый казачок, как богатырь, стал пробивать себе путь отступления среди массы хищников. Много казачьей крови пролилось на том месте, много казачьих тел потом было перевезено с поля сражения, но ни один казачок не отдался живым. Из сотни вернулось не более полусотни, а остальные люди приняли славную смерть, оставив потомству

в назидание славный пример того, как должно жертвовать собой для защиты знамени и долга» [4]. Этот бой ярко иллюстрирует психологию службы и доблести осетин-казаков, к рядам которых принадлежал и К. И. Занкисов. В начале апреля 2016 г. автору удалось посетить станицы Ново-Осетинскую и Черноярскую (они находятся под г. Моздоком) и найти памятный знак, установленный в 1903 г. в память об этом бое.

Другие важные эпизоды службы и отличий К. И. Занкисова на Северо-Восточном Кавказе. 14 мая 1844 г. он состоял в Назрановском отряде, под начальством полковника Нестерова при движении в Хохинский лес для действия с отрядом начальника левого фланга генерал-майора Фрейтага в Малой Чечне. Отличился при переправе через р. Апсу и при расположении войск у бывшего аула Ах-Берзой к бывшему селу Гехал, в схватке кавалерии с конными шайками чеченцев и преследовании их до р. Валерик и овладении с боя переправой через эту реку и вступлению в лес, в котором было жаркое сражение. Участвовал в отражении нападений чеченцев на боковые цепи отряда и отчаянном нападении их на обоз и арьергард, бывший под начальством полковника барона Вревского. 19 мая К. И. Занкисов участвовал в обратном движении войск и переправе через р. Гойту под неприятельскими выстрелами и отличился в бою с огромным скопищем чеченцев в Гойтском лесу при взятии неприятельских завалов. Отличился при рукопашном бою и отражении нападений на арьергард от атак конницы горцев.

С 18 по 28 января 1846 г. отличился при вырубке леса и истреблении его, при обоюдной канонаде и при беспрерывных перестрелках с чеченцами при переправе воинского отряда через р. р. Гойту и Гехи колонны, возвращавшейся из укрепления Воздвиженского в отряд. 25 января участвовал в жарком и удалом деле на р. Натхой с чеченцами колонны возвращавшейся под начальством полковника барона Вревского для прикрытия водопоя и отражения нападений неприятельской кавалерии. 28 января в бою с огромной партией горцев, колонны, возвращавшейся из укрепления Воздвиженского, под начальством полковника барона Меллера-Закомельского; 29 января участвовал в движении

отряда к укреплению Грозному при перестрелках с чеченцами на р. Гойт и поражении неприятеля пушечным огнём.

1847 г. 7 мая участвовал при соединении на р. Сунже последнего эшелона войск Чеченского отряда и 8 мая в выдвигании этого отряда под начальством генерала Нестерова из станицы Сунженской к аулу Аху-Берзой, где 9 числа заложена новая станица, названная Осетинской; 25 мая при истреблении небольшой партии кабардинских абреков близ разорённого аула Сямаушки.

17 сентября 1847 г. К. И. Занкисов принимал участие в сосредоточении отряда князя Эристова на Кумском посту для прикрытия Карачая и Кисловодской линии от покушения Магомет Амина; участвовал в движении на Большой Валерик – к укреплению Каменноосткому на соединение с отрядом полковника Васмунда; с 8 по 11 октября – в движении к Ташевскому аулу и истребление имущества непокорных зутаров при перестрелках 11 ноября.

27 апреля 1851 г. К. И. Занкисов участвовал при отражении сильной партии горцев, пробиравшейся на Кумыкскую плоскость и обращении её в бегство резервами из укрепления Куринского и поста Карасинского; 28 апреля при перестрелке с неприятелем колонны, выходившей из укрепления Воздвиженского за дровами. 1 мая при отбитии неприятельских партий, нападавших на скот гарнизона Хасафа резервом из укрепления и прикрытием; 8 июня участвовал при отражении неприятельской партии резервами из укрепления Воздвиженского и отбитием у него захваченного скота; 11-го при истреблении на р. Терек партии абреков казаками Кизлярского полка, а 25-го в набеге полковника Берсева к бывшему аулу Большой Чечен и отбитии неприятельского скота; 28-го в сильном и блистательном движении, совершённом генерал-майором князем Барятинским к Герменчику и Автуру до р. Хунхуру и оттуда к Шалинской поляне и за отличие в этом деле произведён в сотники.

В 1852 г. К. И. Занкисов участвовал под начальством генерал-майора барона Вревского 17 и 21 мая при отражении нападения горцев на скот мирных чеченцев при укреплении Воздвиженском и укреплении Урус-Мартановском. В ночь с 1 на 2 июня в сосредоточении отряда в укреплении Грозном по случаю появле-

ния Шамиля в Булутском ущелье 2 в движении к укреплению Назрановскому, 3 при ночёвке и возвращение в укрепление Грозное и роспуск их по своим квартирам; 5 июля участвовал при канонаде по укреплению Титликичу, в отражение неприятеля выстрелами крепостных орудий; 10, 13, 14 в перестрелках с неприятелем команд высланных из укрепления Куринского и Воздвиженского для рубки дров; 24 канонада по аулу Нат-Су, неприятель прогнан подоспевшими подвижными резервами из укрепления Куринского; 7 июля в движении войск из укрепления Воздвиженского верховьями Гойты для уничтожения посевов при перестрелке близ укрепления Воздвиженского; 16 при отражении нападения чеченцев на оказию следовавшую из Гирзель аула к укреплению Воздвиженскому; 28 при истреблении большого количества сена на Шалинской поляне, колонной полковника Ляшенко; 29 в движении к аулу Бильгаты такую же целью и за отличие оказанное в этих делах К. И. Занкисов был награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость»[5].

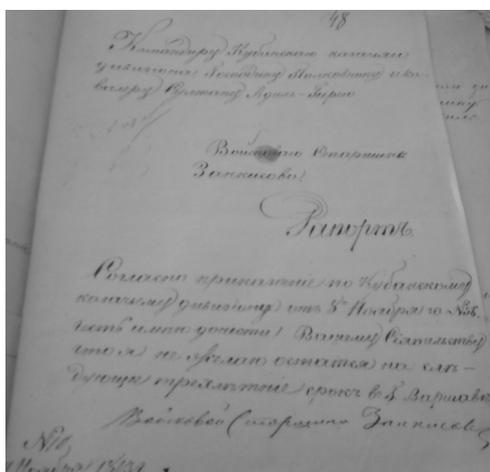
За время своей службы на Северо-Восточном Кавказе К. И. Занкисов не был ранен и пенсию на рану к 1857 г. не получал [6]. Как видно из участия его в боевых действиях, он получил солидный опыт в борьбе против партизанских отрядов имама Шамиля. Также, будучи командиром станиц Чернойорской и Ново-Осетинской, опыт военно-административного управления. Этот опыт пригодится ему в его последующей службе в Польше.

В 1858 г. есаул К. И. Занкисов по воле начальства был командирован в Сборно-Линейный дивизион в Варшаву. Начинался «Польский» период его службы. Несколько слов об этом дивизионе. В нём, созданном ещё годы Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., проходили службу многие терские казаки из осетин, кабардинцев и других представителей народов Северного Кавказа, зачисленных в казачье сословие. Историограф Кавказской войны XIX в. В. А. Потто отмечал: «Это были две новые части, производившие, по словам современника, необыкновенное впечатление богатством азиатской одежды, ловкостью всадников и подвижностью их коней»[7]. В 1842 г. был образован Кавказский Сводно-Иррегулярный полк, куда вошел указанный дивизион и Кавказский

Конно-Горский дивизион. В 1856 г. после расформирования Конно-Горского дивизиона в Варшаве остался служить в Сводно-Иррегулярном дивизионе. С 1861 г. Терское казачье войско было освобождено от обязанности посылать в него казаков для службы, и дивизион стал пополняться исключительно кубанскими казаками и получил наименование Кубанский казачий дивизион при 1-й армии [8]. Однако в офицерском составе служило большое количество кавказских офицеров. В разных источниках дивизион именовали по разному – Сборно-Линейный, Кубанский и т. д. В сентябре 1862 г. состоявший по армейской кавалерии и при военном министерстве адыгский полковник Султан Адиль-Гирей был назначен командиром Кубанского казачьего дивизиона на место войскового старшины Заварова.

В начале 1860 г. К. И. Занкисов по высочайшему повелению прикомандирован к Л.-ГВ. Кавказскому эскадрону Собственного Его Величества конвоя, но 15 сентября того же года, за неимением в эскадроне вакансии, отчислен обратно в Кубанский казачий дивизион и в 1862 г. за отличие по службе произведен в войсковые старшины. В своём рапорте за осень 1863 г. К. И. Занкисов, однако, указывал полковнику Султан Адиль-Гирею: «Согласно приказания по Кубанскому казачьему дивизиону от 8 ноября за № 56 честь имею донести Вашему Сиятельству что я не желаю остаться на следующий трёхлетний срок в г. Варшаве»[9], вероятно, желая вернуться на Кавказ.

В 1863 г. когда началось восстание в Польше для К. И. Занкисова открывается широкое поле для партизанских действий: его назначают самостоятельным начальником летучего отряда, составленного из сотни Кубанских и

полусотни Донских казаков, дав ему при этом открытый лист на требование пехоты, где она понадобится, от ближайших к месту его нахождения пехотных частей [10]. В архивных документах он именовался как: «начальник летучего отряда Кубанского Линейного дивизиона»[11].

Назначенный 13 сентября 1863 г. самостоятельным начальником летучего отряда, Занкисов 16 сентября уже доносит о поражении конной шайки Орловского, оставившей 100 человек ранеными и убитыми в Варшавской губернии при деревне Бышеве. 16 сентября при поражении отрядом майора Топчевского конной шайки при деревне Пржыпк близ Торчина [12].

22 декабря в совершенном поражении и уничтожении шаек Бертрама и Косы в Люблинской губернии при деревне Оземкувке [13]. 30 декабря того же года К. И. Занкисов вновь отправлен из Варшавы для розыска мятежников. 7 дней он преследовал конную банду Шидловского, но на пути, напав на след и другой шайки, называвшейся литовской кавалерией, догоняет ее, 7 января совершенно уничтожает, забирает 4 офицеров в плен. Отряд этот был под начальством Кванишевского и составляла конвой полковника Врублевского, воеводы Люблинского и Подлянского. Сам Врублевский был ранен Занкисовым, но успел скрыться в густых кустарниках. На следующий день, 8 января, получив известие, что в лесах между деревнями Устимовым и Любартовым есть несколько конных и пеших банд, Занкисов отыскивает поляков и, несмотря на сильный встречный огонь, налетает на них, не дает опомниться и совсем уничтожает их. Вот как доносил Занкисов об этом деле: «Кзаки бросились на неприятеля и вытиснули его на чистое поле, не обращая внимания на сильный беглый огонь, открытый по нас мятежниками. Я подъехал к ним на 30 шагов, предложил сложить оружие, но они на это отвечали выстрелами; тогда, чтобы не допустить их до близ лежащего леса, я воспользовался временем, когда большая часть мятежников заряжала ружья, и во главе своих молодцов с громким гиком бросился на них в шашки и, не смотря на упорную защиту штыками, в одно мгновение вся эта толпа обратилась в кровавую кучу тел, над которой при громком «ура» развился наш победоносный белый значок.

Шайка эта, состоявшая из 87 человек пехоты и 10 кавалеристов, совсем уничтожена, и только начальник оной капитан Качинский с 6 верховыми ускакали еще до начала дела и успели скрыться в соседнем лесу»[14].

Успех К. И. Занкисова в делах с польскими мятежниками сделал популярным имя его во всем Варшавском округе; народная молва создала из него сказочного непобедимого героя. В Варшаву многие приезжали для того только, чтобы посмотреть на него; и, действительно, проведя и 1864 г. в непрерывных поисках, уничтожая шайки польских мятежников, Занкисов со своим отрядом не имел ни одного неудачного дела. Командированный 28 января с 120 линейными и 20 донскими казаками для поимки шайки Гонсовского, состоявшей из 100 человек пехоты на подводах и 80 человек кавалерии, Занкисов 1 февраля, найдя след шайки, в двое суток нагоняет ее, сделав 225 верст (1 верста = 1066 м.) со взводом пехоты, следовавшей на подводах: «3-го февраля, в 11 часов утра, – доносит Занкисов, – подъезжая к м. Головачеву, мы увидели неприятельский пикет, а вскоре показалась самая банда, выходявшая из дер. Липо. Бросив пехоту, я приказал распустить страшный для мятежников наш белый значек и с казаками поскакал вперед, чтобы не дать мятежникам дойти до леса и скрыться в нем. Однако, пока мы подскакали, мятежники успели рассыпать стрелковую цепь в лесной местности по опушке и встретить нас частым беглым огнем. Не теряя времени, я с казаками с криком «вперед» бросился на них в кусты, где еще до прибытия пехоты всех изрубили. Оставалось их около 10 человек, когда подоспели пешие стрелки. Тогда, предоставив им окончательное уничтожение пехоты, я с казаками бросился по следам кавалерии. Кавалерия эта была преследуема 24 версты и совершенно уничтожена»[15]. Вся потеря поляков состояла из 110 убитых и раненых и 5 пленных, а со стороны летучего отряда убит один урядник, ранены 3 казака и один стрелок, контужен и ранен сам подполковник Занкисов и контужены 6 казаков,

30 марта 1864 г. штаб войск в Царстве Польском посылает К. И. Занкисова в распоряжение военного начальника Радомского отдела с таким предписанием: «Главкомандующий, коман-

дировав из гор. Варшавы в гор. Родом временно в распоряжение ваше подполковника Занкисова с 50-ю линейными казаками, желает, чтобы ваше высокопревосходительство поручили ему, как офицеру, приобретшему опытность при действиях в труднопроходимых горах и лесах, пехотный отряд, придав ему линейных казаков, и указали бы ему, в каких именно местностях он должен искать шайки мятежников, укрывающихся в лесах от преследования наших отрядов; при этом, дабы в случае настойчивого преследования не изнурять пехоты, главнокомандующий просит вас дать подполковнику Занкисову открытый лист для требования пехоты в тех местах, где находятся войска, на смену частей пехоты, могущих придти в изнурение от продолжительного, или быстрого движения. При отряде этом, по приказанию главнокомандующего, будут находиться адъютант его сиятельства ротмистр фон-Валь и поручик князь Щербатов»[16].

Выступив 1 апреля в Радом, с 5 апреля Занкисов с отрядом из линейных казаков, 2-х рот пехоты и 1-го эскадрона совершает поиски до 1-го мая без дневок. Результатом этой экспедиции было: уничтожение банды Шемиата с пленением 26 повстанцев, пленение начальника банды Велкишина с адъютантами, ареста трех помощников, найдены и забраны три склада оружия, отбит обоз повстанцев и 62 лошади в Самсоновских лесах. В этой экспедиции при подполковнике Занкисове состоял Л.-Гв. Гродненского гусарского полка корнет М. Д. Скобелев, знаменитый в последующем Белый генерал. Донося о действиях отряда, Занкисов в конце рапорта прибавляет о нём: «При этом долгом считаю заявить, что самым деятельным и полезным помощником во всех вышеозначенных действиях были мне – адъютант военного генерал-губернатора, майор граф Генризов, а также состоящей при мне Л.-Г. Гродненского гусарского полка корнет Скобелев и адъютант дежурного генерала, поручик князь Щербатов»[17].

К.И. Занкисов доносил командиру Кубанского дивизиона 28 ноября 1864 г. о действиях своего летучего отряда: «Честь имею донести Вашему Высокоблагородию, что часть казаков в числе десяти человек и обоза, под командою хорунжего Желябов-

ского отправлена в г. Варшаву. Я же с остальной частью останусь для преследования Бжоска в окрестностях М. Соколова»[18].

За отличия против поляков К.И. Занкисов был награждён: орденом Св. Анны 3-й степени, золотой шашкой с надписью «За храбрость», чином подполковника и иностранными орденами. О них речь пойдёт ниже.

Высочайшим приказом К.И. Занкисова был назначен командиром Кубанского казачьего дивизиона 12 октября 1866 г. В своём рапорте начальству К.И. Занкисов указывал: «Имею честь донести В. Превосходительству, что при приёме Высочайше вверенного мне Кубанского казачьего дивизиона от Свиты Его Величества г.-м. Султан Адиль Гирея мною начат и окончен 16 числа сего октября на законном основании под квитанцию при сём в копии представленном за № 782». Состав принимавшегося Занкисовым дивизиона был такой: «с прикомандированными обер-офицеров 9, лекарь 1, нижних чинов: урядников 11, трубачей 3, приказных и казаков 243, цирюльник 1, фельдшер 1, писарь 1. Лошадей: строевых казачьих 258 и вьючных 26.»[19].

К.И. Занкисов командовал Кубанским казачьим дивизионом ещё три года, а в 1869 г. вышел в отставку. Этим же годом датирован его последний послужной список. Однако некоторое время генерал Занкисов состоял чиновником по особым поручениям при командующем Варшавским военным округом. Особо нужно отметить что К.И. Занкисов не получал специального военного образования, и дослужился до генерал-майора от рядового казака.

За свою службу К.И. Занкисов был награждён следующими наградами: орденами Св. Станислава 2-й ст. с императорской короной и мечами над орденом. Св. Анны 3-й и 4-й ст. с надписью «За храбрость». Иностранными: орденом за службу герцога Петра Фридриха Людвига, кавалерского креста ордена Гвельфов, кавалерского креста 1-го класса Саксен Эрнестинского домашнего ордена и Белого Сокола, Греческого ордена Спасителя 2-й степени, золотой шашкой с надписью «За храбрость». Указанные иностранные ордена ему было разрешено принять и носить вместе с Российскими, о чём объявлялось в приказе по Кубанскому казачьему войску № 13 от 29 января 1865 г. [20]. Также награж-

дён медалями Серебряной «За покорение Чечни и Дагестана», в 1857, 1858, 1859 гг., бронзовой в память о Крымской войне 1853–1856 гг., и за усмирение Польского мятежа в 1863–1864 гг., и крестом за службу на Кавказе.

Нужно также обратить внимание на те оценки, что дают К.И. Занкисову разные историки. Так, историограф Кубанского казачества советского периода И. Я Куценко, например, указывает, комментируя фотопортрет генерала от 1868 г. с дарственной надписью императору Александру II, (он хранится в Государственном архиве Российской Федерации): «Перед нами – отвратительное порождение самодержавного тоталитаризма, винтик чудовищно политической машины помещичье-буржуазной государственности». Дальше профессор Куценко высказывает уверенность, что «руками таких как Занкисов царизм осуществлял кровавый геноцид кавказских народов, прежде всего адыгов, беспощадно душил свободу Польши»[21]. Между тем, следует помнить, что К. И Занкисов не служил на Северо-Западном Кавказе в период завершения Кавказской войны XIX в. В тот период времени он служил в Польше. При рассмотрении участия К.И. Занкисова в Кавказской войне на Северо-Восточном Кавказе следует помнить, что он начинал службу рядовым казаком, и не следует забывать того значения, которое оказал в судьбе осетин-казаков бой 3 марта 1843 г. Ведь многие погибшие имели родственников, и помня об этом, осетины-казаки проявляли усердие в боях с мюридами Шамиля, в том числе и из мести за своих родных. Также в военной службе К.И. Занкисова были эпизоды защиты мирных чеченцев от мюридов Шамиля.

Во время Польской компании К.И. Занкисов и его летучий отряд отличился в борьбе против военных отрядов поляков, не совершая преступлений против мирного населения. К тому же, для К.И. Занкисова было характерно личное благородство и уважение побеждённого противника, как например в следующем эпизоде, который приводит Г.Т. Дзагурова: «Он лично рубился на саблях под Парысевом с командиром повстанческого отряда и одним из предводителей восстания, принадлежавшим к крылу «красных», Павлом Ландовским. Раненому Ландовскому удалось скрыть-

ся. Позднее он попал в плен под Смоленскими и был приговорен к смертной казни через повешение. Его спас от смерти Занкисов, который находился во дворце наместника Царства Польского графа Берга, когда пришла бумага с известием о помиловании «бунтовщика» и замене смертной казни, назначенной именно на этот день, каторгой. Узнав от адъютанта о помиловании, Занкисов вырвал у него из рук документ и, вскочив на лошадь, помчался в крепость, находившуюся на далекой окраине Варшавы. Не успей он, – акт о помиловании пришел бы уже после приведения смертного приговора в исполнение»[22].

В архивных источниках разнятся данные о жене и детях К.И. Занкисова. Так, в его послужном списке за 1869 г. указано: «Женат на дочери казака Габеева Ульяне Давыдовне. Жена вероисповедания православного»[23]. В семейном списке дворян Горского казачьего полка от 1876 г. указывалось: «Подполковник Казьма Иванович Занкисов 45 лет, жена его Агафья 44 года, дочь их Анна. Прав на дворянство не отписывал и свидетельств от Войскового правления о происхождении не просит»[24].

Памятник К. И. Занкисову в с. Черноярской

Умер генерал К. И. Занкисов в станице Чернойарской 10 июня 1885 г. В начале апреля 2016 г. автору удалось посетить старое кладбище станицы Чернойарской. Могила К. И. Занкисова находится в самом центре кладбища, вокруг неё полуразрушенная старая ограда и рядом несколько могил других представителей рода Занкисовых. На надгробном камне такая надпись: «Генерал-майор кавалер орденов русских и иностранных имевший золотую шашку за храбрость Кузьма Иванович ЗАНКИСОВ, род. 9 октября 1823 г. скон. 10 июня 1885 г. Дорогому другу от любящей жены».

К сожалению, формат статьи не позволяет нам включить и рассказать обо всех наших находках о личности выдающегося представителя осетинской военной интеллигенции середины XIX в., каким был К. И. Занкисов. Очень мало данных о его роде и предках, а также о потомках. Известно, что у генерала была дочь и по сообщению Г. Т. Дзагуровой сын. Всё это открывает перед нами поле для новых исследований, а приведённый в статье материал послужит базой для дальнейшего исследования и написания отдельной биографии генерала.

В своей статье мы сделали упор на освещение именно традиций военной службы К. И. Занкисова. К. И. Занкисов был выдающимся представителем особой группы казачества, а именно осетин-казаков на службе в Терском казачьем войске. Служа всю жизнь и командуя казаками, его имя и судьба олицетворяют опыт боевого единения и сотрудничества осетин и казаков на благо России. На наш взгляд, в наше сложное время, опыт подобного единения очень актуален. Актуально увековечивание памяти о забытых и вычеркнутых из военной истории России имён, таких как генерал К. И. Занкисов.

Использованные источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.396. Оп.2. Д.259. ЛЛ.2–13.
2. Там же.
3. Там же.

4. *Сосиев З. В.* Станица Черноярская // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С.40.
5. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.259. ЛЛ.2–13.
6. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф.2. Оп.1. Д.111. Л.41 об.
7. *Потто В. А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т.2. С.24.
8. *Шенк В. Х., Казин В. Х.* Казачьи войска. СПб., 1912. С.157.
9. ГАКК.Ф.401. Оп.1. Д.1. Л.48.
10. *Сосиев З. В.* Указ. соч. С.43.
11. ГАКК. Ф.401. Оп.1. Д.2. Л.22.
12. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.259. ЛЛ.2–13.
13. Там же.
14. *Сосиев З. В.* Указ. соч. С.43–44.
15. Там же.
16. Там же. С.45.
17. Там же.
18. ГАКК. Ф.401. Оп.1. Д.2. Л.22.
19. ГААК.Ф.401. Оп.1. Д.5. ЛЛ.2–3.
20. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1864 г. Екатеринодар, 1865.
21. *Ратушняк В. Н.* Классово-обвинительная история казачества // Родная Кубань. Краснодар, 2010. №3. С.138.
22. *Дзагурова Г. Т.* Занкисов Казьма (Григорий) // Осетины [сайт] URL: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=158> (дата обращения 30.04.2016).
23. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.259. ЛЛ.2–13.
24. ЦГА РСО-А. Ф.13. Оп.1. Д.503. Л.44 об.

Ф. С. Киреев
(г. Владикавказ, Россия)

АТАМАН ТЕРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ГЕРАСИМ АНДРЕЕВИЧ ВДОВЕНКО

Из всех Войсковых Атаманов Терского казачьего войска дольше всех этот пост занимал генерал Герасим Андреевич Вдовенко. Именно при нем терские казаки сражались в годы Гражданской войны, отстаивая свое право на существование, при нем же Терское войско как организованная структура было ликвидировано советской властью. Генерал Вдовенко продолжал руководить терцами и в эмиграции, пытаясь сохранить единство в их рядах в сложнейших политических условиях 30–40-х годов.

Более 25 лет Герасим Андреевич был Войсковым Атаманом, но о нем самом мало что известно, при этом его судьба как офицера, как политика требует изучения, для полноценного анализа истории терского казачества.

Герасим Андреевич Вдовенко родился 4 марта 1867 г. в станции Государственной (ныне Советская) Терской области. Учился во Владикавказском реальном училище, затем поступил в Ставропольское казачье юнкерское училище, которое окончил в 1889 г. по 1 разряду.

Став офицером, он начал службу в 1-м Кизляро-Гребенском полку. 1 июня 1894 г. был произведен в сотники, 1 июня 1903 г. – в подъесаулы. В 1896 г. был награжден орденом св. Станислава 3-й ст. [1].

В составе своего полка Герасим Вдовенко принял участие в русско-японской войне 1904–1905 гг. За боевые отличия он был награжден орденом св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», орденом св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом и был произведен в есаулы. Позднее, за отличия по службе, он был награжден св. Станислава 2-й ст. [2].

В начале 90-х годов Герасим Андреевич женился на Евгении Константиновне, дочери мирового судьи 3-го участка Владикавказского судебного округа титулярного советника Константина Николаевича Сапронова. У них родились дети: Всеволод (1892), Борис (1895), Ольга (1898). [3].

К началу Первой мировой войны войсковой старшина (с мая 1914 г.) Вдовенко служил в составе 1-го Волгского казачьего полка ТКВ. С объявлением мобилизации он был назначен помощником командира полка по хозяйственной части. [4].

В этом же полку служил младшим офицером 2-й сотни старший сын Герасима Андреевича – хорунжий Всеволод Вдовенко, выпускник Владикавказского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища. [5]

В самом начале войны, 5 августа 1914 г., у селения Верховцы в ночном разъезде хорунжий Всеволод Вдовенко и казак Баранников были убиты [6]. Хорунжий Вдовенко стал первым терским офицером, погибшим в этой войне.

В боях 1914 г. войсковой старшина Вдовенко показал себя отважным воином, опытным командиром. Командуя двумя-тремя сотнями, он весьма успешно действовал в боевой обстановке.

Так, 17 августа 1914 г. от 1-го Волгского полка был выслан дивизион в составе 1-ой и 3-ей сотни и дивизионной конно-саперной команды, под командой войскового старшины Вдовенко для разрушения железной дороги у станции Выбрановка. После короткого, но решительного боя, станция, находившаяся в тылу австрийских войск, была взята, а все станционные сооружения – разрушены [7].

В деле 11 сентября 1914 г. цепи казаков 2-й, 3-й и 6-й сотен и сотни 16-го Донского полка под общей командой войскового старшины Вдовенко, ворвались на австрийскую батарею, захва-

тив пять орудий. За храбрость и отвагу в этом бою войсковой старшина Вдовенко был награжден Георгиевским оружием [8].

В бою 11 декабря 1914 г. казаки Волгского полка понесли большие потери, включая убитого командира полка полковника Пацапай. После его гибели во временное командование полком вступил войсковой старшина Вдовенко, оставаясь в должности до 1-го января 1915 г. [9].

В течение 1915 г. в боях и походах Герасим Андреевич не раз проявлял мужество и отвагу, талант командира, о чем свидетельствуют полученные награды: ордена св. Владимира 4-й ст. с бантом, св. Анны 2-й ст. с мечами, мечи к ордену св. Станислава 2-й ст. [10], мечи к ордену св. Владимира 4-й ст. с бантом [11], три Высочайших благоволения [12].

С июля 1915 г. в 1-м Волгском полку начал служить еще один сын Герасима Андреевича – хорунжий Борис Вдовенко.

31 марта 1916 г. произошли изменения в командном составе терских частей – полковник Тускаев был переведен в Западный фронт и в должности командира 3-го Волгского полка на Кавказском фронте его сменил полковник Герасим Вдовенко [13].

Спустя год, 27 февраля 1917 г., полковник Герасим Вдовенко был назначен командиром 2-й бригадой 4-й Кубанской казачьей дивизии, действующей в Персии.

В марте 1918 г., следуя со своей бригадой в Кубанскую область, на станции Армавир он был арестован и заключен в тюрьму. Как-то сумев освободиться, он приезжает на Терек и включается в подготовку восстания казаков против советской власти [14].

С началом восстания полковник Вдовенко становится начальником Моздокской линии, командует Прохладненским отрядом. Он руководил разгромом большевиков под Прохладным 30 июня 1918 г. и в ряде дальнейших успешных боях.

Осенью 1918 г. полковник Вдовенко заболел и не смог руководить своими частями, что вместе с другими причинами сказалось на боеспособности войск. Прохладненский фронт стал отступать. Казаки отступали и на других направлениях. Терцы стали покидать Терскую область. Герасим Андреевич уходит на Кубань, где соединяется с частями Добровольской армии.

18 января 1919 г. за отличия в борьбе с большевиками Главнокомандующим Вооруженными силами на юге России генералом Деникиным Г. А. Вдовенко был произведен в генерал-майоры. К этому времени терцы вместе с частями начали освобождать Терскую область от большевиков.

В конце февраля 1919 г. в Пятигорске собрался Большой Войсковой круг Терского казачьего войска, на котором среди прочих вопросов было избрание Войскового Атамана.

Выборы Войскового Атамана состоялись 1 марта 1919 г. Подачей записок было намечено пять кандидатов – генерал-майор Г. А. Вдовенко – 112 записок, полковник А. Г. Блазнов – 95, генерал-майор Н. В. Складаров – одной, полковник А. Д. Данильченко – одной и генерал-майор И. Н. Колесников – одной. Результаты заставили последних трех снять сейчас же свои кандидатуры, и на баллотировку были поставлены только первые две. Большой популярностью в войске пользовался командовавший войсками во время терского восстания полковник Н. К. Федюшкин. Но он в эти дни тяжело болел и категорически отказался выставить свою кандидатуру.

Голосование дало такой результат: за Вдовенко было подано 192 голоса «за» и 22 «против», при участии в голосовании 214 депутатов. Это было большинство, и кандидатура А. Г. Блазнова, которую весьма поддерживал Кизлярский отдел и часть Сунженского, была забаллотирована. Избранным оказался Герасим Андреевич Вдовенко [15].

3 марта 1919 г. после молебна в соборе, присяги атамана и парада, Круг вручил избраннику грамоту о производстве его в генерал-лейтенанты. Атаман Вдовенко вступил в должность и сформировал войсковое правительство.

В нелегкие времена генералу Вдовенко пришлось возглавить Терское войско. Требовалось восстановить порушенное и утраченное в боях в 1918–1919 гг. Даже историческую резиденцию атаманов ТКВ во Владикавказе Герасим Андреевич не мог занять, так там царил полный разгром. Кроме этого требовалось мобилизовывать терцев на фронт, при этом в самой Терской области еще было беспокойно – половина терских частей находились на

Тереке для поддержания порядка. Острым был и вопрос взаимодействия войска с командованием Вооруженными силами на юге России. Донцы и кубанцы постоянно требовали большей самостоятельности, а терцы были более лояльны к власти Деникина.

Как вспоминал генерал Деникин, взаимоотношения Южной власти с казачьими областями не были одинаковыми. «После ухода генерала Краснова трения с Доном потеряли прежнюю свою остроту; так же удовлетворительны, хотя и достаточно неопределенны, были, в конце концов, отношения с Тереком; только кубанское правительство и Рада находились в постоянной оппозиции, вернее, непрекращающейся борьбе с командованием и правительством Юга» [16].

Периоды острой опасности, нависавшей временами над Доном и Тереком, территории которых почти все время были театром войны или находились в прифронтовой полосе, побуждали эти области к большей сговорчивости и укрепляли в них чувства благоразумия и осторожности.

Генерал Вдовенко смог наладить хорошие отношения с Деникиным, весьма успешно сдерживал местных самостийников и налаживал дружбу с горскими народами.

«На Терекке более, чем в других казачьих землях, чувствовалась неразрывная и не ослабленная лихолетием связь с общерусской государственностью – в психологии казачества, в речах на Круге и в правительственной деятельности. Терская власть почитала своей первой и важнейшей задачей интересы борьбы, полагая, что «только решительная победа над большевизмом и возрождение России создадут возможность восстановления мощи родного Войска, обескровленного и ослабленного гражданской борьбой. Терская власть, ввиду непрекращающейся борьбы с чеченцами и ингушами, была озабочена численным увеличением казачества и привлечением в свою орбиту соседей – союзников. Так в Терское войско был включен караногайский народ; после продолжительных переговоров Терский Круг выразил принципиальное согласие на присоединение к Войску «на равных правах» осетин и кабардинцев», – вспоминал генерал Деникин [17].

Оставаясь последовательным сторонником сотрудничества с

Деникиным, в начале 1920 г., генерал Вдовенко был в числе инициаторов Союза Дона, Кубани и Терека. Но уже ничто не могло остановить повсеместного отступления белых частей. В марте 1920 г. терцы начали покидать родные края.

К этому времени во Владикавказе терцев скопилось несколько тысяч. Правда, осмотревшись здесь и продумав предстоящие перспективы скитания по чужим землям, значительная часть их стала уходить в леса и горы к соседям кабардинцам, осетинам и чеченцам. В Грузию ушли немного больше двух тысяч терцев, считая и беженцев.

Войсковой Атаман генерал Вдовенко никому не возбранял оставаться в родном краю, но и не препятствовал уходить за границу. У него, как и у войскового правительства, к тем и к другим установилось одинаково доброжелательное отношение и желание помочь, чем только можно. Так, во Владикавказе было роздано всем служащим ликвидационное пособие, независимо от того, шел ли данный казак в эмиграцию или оставался в Войске. Пособия раздавались широко как уходившим, так и оставшимся. Специально было выдано пособие семьям офицеров и чиновников. Все уходившие получили, кроме того, по десять тысяч руб. на человека [18].

Тем временем, генерал Вдовенко вел переговоры с Грузией о пропуске через границу и, наконец, 9 марта 1920 г. момент этот настал. Еще задолго до рассвета у кадетского корпуса началось сосредоточение уходивших, откуда утром по несколько повозок рядом сплошной колонной, попеременно с танками, артиллерией, автомобилями, конницей и пехотой и в сопровождении густой ленты по обочинам дороги беженцев с котомками за плечами, протянулись на несколько верст по Дарьяльскому ущелью.

На самой границе грузины потребовали сдачу вооружения и военного снаряжения. Новые переговоры ни к чему не привели. Перед терцами стояли три решения: принять условия и разоружиться или пренебречь грузинским суверенитетом и пробиваться к Батуму вооруженною силою, или, наконец, возвращаться назад и искать иного пути. Враг не наседал, и Владикавказ еще много дней красными войсками занят не был. Зная это, возможно, что

многие предпочли бы вернуться, нежели сдавать оружие. Ночь и все утро казаки обсуждали, какое принять решение. Уже поздним утром большинство склонилось к выполнению требования Грузии, лишь бы идти вперед. За ними последовали и все остальные.

Чтобы не досталось оружие грузинам, многие бросали его в Терек, ломали и всячески приводили в негодность. Заняв вдоль пути несколько пунктов заставами, грузины подвергали проходивших поголовному обыску. Отбирали найденное вооружение до понравившихся кинжалов включительно, воинское снаряжение и всякое имущество, так или иначе относившееся к предметам военного обихода. Не говоря уже о танках, бронеавтомобилях, артиллерии, интендантских и артиллерийских обозах, тянувшихся в большом количестве, которые, как явно военное имущество, были отобраны без всякого рассуждения. У проходивших были отняты походные кухни, лазаретные обозы, грузовые автомобили, везшие запасы продовольствия и фуража, лошади и легковые автомобили и все, что вообще понравилось грузинам. Реквизировали и все 17 грузовых автомобилей Терского войска, груженных продуктами. Обоз войскового правительства, в котором везлись необходимые дела канцелярии и деньги, несколько раз подвергался обыску, но обыскивающие не решились конфисковать его.

Вынужденный покинуть Терек, генерал Вдовенко отправляется в Крым, где 22 июля 1920 г. подписал с другими атаманами казачьих войск соглашение с генералом Врангелем о статусе казачьих войск и их поддержке Русской армии.

В ноябре 1920 г. вместе с другими частями армии генерала Врангеля Герасим Андреевич эвакуируется из Крыма в Константинополь.

В конце ноября 1922 г. Войсковой Атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант Герасим Андреевич Вдовенко с супругой Раисой Андреевной, дочкой Ириной и личным адъютантом есаулом Лялякиным прибыл в Дубровник (Югославия). 2 декабря атаман приобрел дом в районе порта Груж («Villa Missoni»), в котором поселилась его семья и несколько русских беженцев. Позднее он переселился в Белград.

Здесь необходимо отметить, что первая жена Герасима Андреевича – Евгения Константиновна умерла во Владикавказе 21 августа 1915 г. от сердца, переживая гибель сына. Другой сын был на фронте, а дочь Ольга осталась жить с родителями матери. Она так и осталась во Владикавказе, когда отец и брат ушли в эмиграцию.

Выяснить когда Герасим Вдовенко женился на Раисе Андреевне, пока не удалось. Она была на много моложе его, 1890 г.р., а дочь Ирина 1911 г. Таким образом, получается, что Ирина не родная дочь, а усыновленная.

В Белграде жил и сын атамана – Б.Г. Вдовенко. В 30-е годы он руководил казачьим хором терской станицы Белграда. Борис также писал списки. Он начал публиковаться еще будучи кадетом и продолжал писать и в эмиграции.

В эмиграции генерал Вдовенко был авторитетным казачьим лидером. В 20–30 гг. им был написан ряд статей на тему будущего казачества, очерк «Борьба терских казаков с большевиками в 1918 году» [19].

Он относился сочувственно к возрождению казачьего национализма и осенью 1938 г. оказался единственным из всех казачьих генералов, открыто протестовавших против истязаний в белградской полиции руководителей и сторонников Вольно-казачьего движения.

В феврале 1939 г. терцы Белграда отметили двадцатилетней юбилей пребывания Г.А. Вдовенко в должности Войскового Атамана и пожелали ему здоровья, сил и успеха в работе на пользу родному Войску и всему Казачеству.

По некоторым сведениям в 1941–1945 гг. он поддерживал создание казачьих частей в составе Вермахта, в которых в числе терцев служил его сын Борис.

В 1944 г., уже в преклонном возрасте, Герасим Андреевич не ушел из Белграда на Запад. Вскоре, после вступления советских войск в Белград, 14 января 1945 г. генерал Вдовенко был арестован ГУ контрразведки «Смерш» НКВД СССР. 28 августа 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР за участие в белогвардейской террористической организации, то есть по ст.

58–4, 58–8 ч.1 ст. 58–6, 58–11 УК РСФСР приговорён к 10 годам лишения свободы.

Из Бутырской тюрьмы Г. А. Вдовенко был отправлен в Мордовию в Темлаг, куда прибыл 9 октября 1945 г.

22 января 1946 г. Герасим Андреевич Вдовенко скончался в 5-м лагпункте Темлага НКВД [20].

Судебный процесс над ним был закрытым и получилось, что он просто пропал из Белграда. Семья тоже не имела о нем сведений. Лишь в начале 50-х годов терские казаки получили подтверждение о том, что генерал Вдовенко был вывезен в СССР, где сгинул в лагерях. После этого в 1953 г. новым Войсковым Атаманом был избран генерал К. К. Агоев.

Раиса Андреевна Вдовенко продолжала жить в Белграде. Ее дочь Ирина Герасимовна была замужем за профессором Белградского университета, академиком Доброславлевицем. В 1976 г. терские провели операцию по вывозу в США штандарта 1-го Кизляро-Гребенского полка, который хранился в семье Вдовенко. Сделать это удалось лишь при участии лиц с дипломатической неприкосновенностью.

С возрождением казачества на Тереке в начале 90- годов имя генерала Вдовенко, как бывшего Войскового Атамана вновь стало на слуху. Но употребляли его имя казаки весьма осторожно, так как в советской историографии генерал Вдовенко неизменно обвинялся в сотрудничестве с немцами в годы Второй мировой войны.

Особенно бурные дебаты на эту тему разгорелись после идеи установки в Эссентуках памятной доски георгиевским кавалерам Волгских полках, в числе которых было и имя генерала Вдовенко. Местные власти не желали видеть на памятных досках человека, осужденного за сотрудничество с немцами. В ходе выяснения того, за что же был осужден Герасим Андреевич стало известно, что он был осужден за участие в белом движении и реабилитирован по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13.04.2009 на основании ст. 3 и 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» [21].

Выяснилось, что этого решения добился внук Атамана Всево-

лод Владимирович Быстров. На момент реабилитации ему было 89 лет, и он проживал на Украине. Всеволод Быстров был сыном Ольги Герасимовны Вдовенко которая осталась в СССР, вышла замуж, стала музыкальным работником.

Лишь после этого в Пантелеймоновском храме Эссентуков в 2012 г. была установлена памятная доска, на которой впервые был упомянут последний выборный Атаман независимого Терека Герасим Андреевич Вдовенко. Его имя было увековечено по инициативе Олега Глухова и других казаков-эссентучан на памятной доске среди командиров Волгских полков – Георгиевских кавалеров. Благословение дал епископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт.

Так славное имя Терского Атамана вернулось на Терек. Но еще предстоит работа по дальнейшему выяснению подробностей его жизненного пути, выявлению и анализу его публикаций. Еще предстоит узнать судьбу архива, который хранился у него дома в Белграде. Нет достоверных сведений и о его сыне полковнике Борисе Вдовенко, который также был арестован в 1945 г. и вывезен в СССР.

Использованные источники и литература

1. Список есаулам гвардейских и армейских казачьих частей по старшинству в каждом войске. Составлен по 10.01.1914. С-Петербург, 1914. С. 123.
2. Высочайший приказ от 06.05.1914.
3. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А) ф.54, оп. 3, д. 800, л. 6.
4. ЦГА РСО-А ф.54, оп. 10, д. 263, л. 1.
5. *Стрелянов (Калабухов) П. Н., Киреев Ф. С., Картагузов С. П.* Кубанские, терские и уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 года. М.: Рейтар, 2007. С. 196.
6. ЦГА РСО-А ф.54, оп. 10, д. 263, л. 12.
7. *Зимин Н. И.* 1-й Волгский Наследника Цесаревича Алексея

Николаевича казачий полк в боях и походах 1914–1918 гг. // Наши вести № 289, июль 1970.

8. Приказ по 8-й армии от 23 ноября 1914 № 210.
9. ЦГА РСО-А ф.54, оп. 10, д. 263, л. 43.
10. Высочайший приказ от 17.03.1915.
11. Высочайший приказ от 14.07.1915.
12. Высочайшие приказы от 24.04.1915, 21.05.1915, 06.11.1915.
13. Высочайший приказ от 31.03.1916.
14. Памяти годовщины восстания терского казачества 23 июня 1918–23 июня 1919. Пятигорск, 1919. С. 5.
15. Терский казак № 35, февраль 1939, Белград.
16. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. В 5 т., Минск, 2002. Т. 4. С. 201.
17. *Деникин А. И.* С. 217.
18. Терский казак № 41, август 1939, Белград.
19. Россия № 11, 1931, Париж.
20. Ответ архива ФСБ России.
21. Там же.

И. Т. Марзоев
(г. Владикавказ, Россия)

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗМАИЛА ХАКЯССОВИЧА КАРАБУГАЕВА

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения известного административного деятеля начала XX века на Кавказе, выдающего представителя фамилии Карабугаевых второй половины XIX – нач. XX вв. – майора Измаила Хакяссевича Карабугаева (1866–1918).

Родился Измаил Хакяссевич в 1866 г. в родовом селении Карабугаевых – Стур-Дигоре в Дигорском обществе Северной Осетии. Согласно традициям его сословия, поступил на военную службу. В 1886 г. состоял на службе в 149-м Черноморском полку [1].

С 1905 г. возглавлял 3-й участок Владикавказского округа. В том же 1905 г. году им подписано прошение наместнику на Кавказе И. И. Воронцову-Дашкову об отмежевании дигорским царгасатам земли под названием «Харес» [2].

С января 1906 г. И. Х. Карабугаев являлся чиновником осо-

С. Алонкин ВЛАДИКАВКАЗЬ.

Измаил Хакяссевич Карабугаев

бых поручений при генерал-губернаторе Терской области и наказном атамане Терского Казачьего войска.

В «Списке лиц мусульманского вероисповедания, занимающих административные должности в Терской области», составленном в октябре 1911 г. значится начальник 2-го участка Владикавказского округа коллежский регистратор И. Х. Карабугаев [3].

Высочайшим приказом по Военному ведомству от 29 января 1912 г. Измаил Карабугаев, исправляющий должность участкового начальника Владикавказского округа, произведен из коллежских регистраторов в губернские секретари [4].

Высочайшим приказом по Военному ведомству от 17 ноября 1913 г. Измаил Карабугаев, исправляющий должность участкового начальника Владикавказского округа, произведен из губернских секретарей в коллежские секретари [5].

Высочайшим приказом по Военному ведомству от 30 октября 1916 г. № 50 было утверждено пожалование главнокомандующим Кавказской армией за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны, участковому начальнику Нальчикского округа, коллежскому секретарю Измаилу Карабугаеву ордена Св. Анны III ст. [6].

Был женат на дочери тагаурского алдара Фатиме Заурбековне Дударовой. В декабре 1918 г. был зверски убит большевиками-керженистами [7].

Родился Измаил в семье прапорщика Хакяссы Дакоевича Карабугаева (род. в 1829 г.). Из послужного списка урядника 2-й сотни Терской Постоянной милиции Х. Карабугаева на ноябрь 1868 г. следует, что 3 мая 1861 г. он поступил в службу в Терско-Горский Конный Иррегулярный полк. За отличие, оказанное при поиске и поимке абреков Умы и Атабая, 23 мая 1862 г., произведен в урядники. По упразднении одного полка, 23 апреля 1865 г. поступил в Терскую Постоянную Милицию [8].

В 1869 г. Х. Д. Карабугаев был зачислен в Конвой Его Императорского Величества. Звание оруженосца получил 8 сентября 1869 г., звание юнкера – 20 декабря 1869 г. Высочайшим приказом от 12 января 1871 г. произведен из юнкеров конвоя Его императорского Величества в прапорщики милиции [9].

Имел награды: серебряную медаль для ношения в петлице на Анненской ленте и такую же за покорение Чечни и Дагестана, крест с надписью «За службу на Кавказе». За отличную усердную службу награжден серебряной медалью с надписью «За усердие», о чем объявлено в приказе по Армии за № 58 от 30 марта 1868 г. [10].

Прапорщик Хакясса Карабугаев в числе представителей привилегированных фамилий Тагаурского, Куртатинского, Алагирского и Дигорского обществ Осетии подписал «Свидетельство» алагирским фамилиям Мзоковым и Аладжиковым от 10 мая 1871 г., о том, что «они издревле пользовались в Осетии всеми правами наравне с привилегированными осетинскими фамилиями» [11].

Был женат на дочери дигорского баделята, подпоручика Мимболата Кубатиева – Мелек-Хан.

У Измаила и его жены Фатимы родилось двое детей – Мурат и Лима.

Мурат Измаилович (14 января 1889–18 декабря 1976), первым браком был женат на Неонилле Александровне Морозовской (10 ноября 1898–31 мая 1986), вторым – на дочери дигорского баделята Фатиме Елкановне Кубатиевой (брак бездетен).

Лима Измаиловна (1896–1957), была замужем за тагаурским алдаром Камболатом Кас-

*Мурат Измаилович Карабугаев,
Неонилла Александровна Морозовская,
Лима Муратовна Карабугаева*

полатовичем Тхостовым. В 20-х гг. XX века офицер К. Тхостов вынужден был оставить жену с маленьким сыном Адиль-Гиреем и уйти в эмиграцию.

Данияр Муратович (1 июня 1930–25 ноября 2005), геофизик. Был женат на Нинель Захаровне Фрадкиной (род. 28 января 1933 г.).

Лима Муратовна (род. 24 ноября 1928 г.), лингвист, много лет преподавала немецкий язык на кафедре иностранных языков в Азербайджанском государственном университете (АГУ). Замужем за Тимуром Исмаиловичем Идаят-заде (род. 20 августа 1826 г.). Живет в г. Баку. Дети: Исмаил (род. 28. октября 1964 г.) и Заур (род. 8 мая 1968 г.). У Исмаила двое детей: дочь Натаван (род. 12 декабря 1990 г.) и сын Эмин (род. 11 декабря 2002 г.). Живет в г. Баку.

Лима Данияровна (род. 18 июля 1965 г.), живет в г. Москва. Дочери: Фариза (род. 30 августа 1995 г.) и Мадина (род. 12 сентября 2000 г.).

Фариза Данияровна (род. 3 августа 1968 г.), живет в г. Москва.

Использованные источники и литература

1. ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.93. Л.20 об.–21.
2. *Джанаев А. К.* Феодальное землепользование в Стыр-Дигории // Известия СОНИИ. Т.15. Вып.3. Дзауджикау, 1948. С.87.
3. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.1256. Л. 23.
4. Журнал «Разведчик» № 1111 за 14 февраля 1912 года.
5. Журнал «Разведчик» № 1205 за 3 декабря 1913 года.
6. Высочайшие Приказы о чинах военных за 1916 год.
7. ЦГА РСО-А. Ф.р.8. Оп.1. Д.20. Л.1.
8. НА СОНГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.289. Л.5.
9. НА СОГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.276. Тетр. 8. Л.80.
10. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.234. Л.41–42.
11. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.16. Л.165.

И. С. Тахушева
(г. Нальчик, Россия)

ВКЛАД ЕВГЕНИИ ДЖАМУРЗОВНЫ НАЛОЕВОЙ В РЕКОНСТРУКЦИЮ ГЕНЕАЛОГИИ КАБАРДИНСКИХ КНЯЗЕЙ: К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

24 декабря 2015 г. исполнилось 95 лет со дня рождения известной в широком кругу специалистов-кавказоведов Евгении Джамурзовны Налоевой (1920–2007), которая посвятила большую часть своей большой и содержательной жизни преподавательской деятельности.

Родилась Евгения Джамурзовна в 1920 году в с. Старый Урух – в период радикальных перемен в стране. Ее детство и юность прошли в нелегких условиях: род Налоевых властями того времени был причислен к категории «неблагонадежных», хотя реально он не представлял никакой опасности для нового режима. В 1929 г. Джамурза Кубатиевич – отец Евгении Джамурзовны – был осужден на 8 лет с конфискацией имущества. А семья, вынужденная укрываться, уехала в Душанбе к старшему сыну. В 1937 г. было вновь заведено уголовное дело. Джамурза Кубатиевич был арестован и постановлением НКВД по Кабардино-Балкарской АССР от 17 августа 1937 г. приговорен к расстрелу, что и было исполнено в тот же день.

В 1937 г. Евгения Налоева поступила на первый курс исторического факультета Таджикского государственного университета.

В 1940 г. она перевелась в Северо-Осетинский государственный педагогический институт им. К. Л. Хетагурова, где учебу совмещала с преподавательской деятельностью. После окончания пединститута в 1941 г. ее направили учителем истории в Цраускую среднюю школу Алагирского района.

Во время войны, в октябре 1942 г., Евгению репрессировали по политическим мотивам (обвинение в шпионаже в пользу Германии), но через восемь месяцев реабилитировали ввиду отсутствия каких-либо доказательств по предъявленному обвинению.

В 1945 г. она вернулась в г. Орджоникидзе, где трудилась методистом культурно-просветительской работы Управления культурно-просветительских учреждений при Совете министров Северо-Осетинской АССР. В 1948 г. ее пригласили в Кабардинский государственный пединститут ассистентом кафедры истории СССР.

Однако беды Евгении Джамурзовны на этом не закончились. В мае 1950 года ее вновь арестовывают органы госбезопасности за «антисоветскую агитацию». Особое совещание приговорило ее к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Отсидев полный срок, она выходит на свободу и сразу же едет в Сухуми. В Абхазии Евгения Джамурзовна надеялась поправить подорванное в лагерях здоровье. Работала разнорабочей, швейей-мотористкой и одновременно добивалась своей реабилитации. 16 апреля 1963 г. определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР Е. Дж. Налоева наконец была реабилитирована с правом восстановления на прежнее место работы и учебы.

Трагические изломы судьбы – ссылка, судимость, болезнь – не сломили дух сильной женщины, движимой горячим желанием подготовить квалифицированных специалистов-историков, в которых остро нуждалась республика, и с головой окунулась в работу. За годы научной работы Е. Дж. Налоева опубликовала девять статей [1, с. 48]. Неопубликованными оставались материалы диссертации, отдельные статьи по политической истории Кабарды и рукопись книги «Генеалогия кабардинских княжеских фамилий». Сегодня у нас, благодаря плодотворной научной деятельности сотрудников Кабардино-Балкарского института гуманитарных

исследований (Аслан Мирзоев), есть возможность ознакомиться со всеми изданными и неизданными трудами исследовательницы, опубликованными в честь ее юбилея отдельной книгой «Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории» [2], и оценить вклад Налоевой в изучении актуальных проблем истории Кабарды.

Свои исследования Налоева вела по трем основным направлениям истории Кабарды первой половины XVIII в.: социально-экономическому развитию, государственно-политическому строю и внешнеполитическому положению, однако, имеющиеся опубликованные материалы свидетельствуют, что Евгения Джамурзовна Налоева проводила кропотливый и емкий труд по выявлению генеалогии кабардинских князей.

На такую исследовательскую работу Налоеву, по ее словам, подвигло то, что, несмотря на большие успехи советского кабардиноведения, историческая литература по Кабарде была бедна людьми – творцами исторического процесса, а сведений о них было еще меньше и создавалось впечатление какого-то вакуума. Как отмечает Евгения Джамурзовна, «генеалогические исследования... как бы воскрешают людей того времени с их страстями, проблемами и методами их разрешения. Кроме того, генеалогические сведения подчас проливают свет на весьма отдаленные от задач генеалогии вопросы и приводят к неожиданным результатам. Предлагаемые схемы родословного древа, помимо узко генеалогической информации, косвенно освещают ряд неясных моментов истории Кабарды, такие как: вопрос о времени её обособления от западных адыгов, отделения от неё бесленеевцев, разграничения самой Кабарды на Большую и Малую и др.» [2, с. 151].

При разработке данной проблемы исследовательница использовала широкий спектр источников: Налоева привлекала родословные схемы кабардинских князей, составленные представителями русской военной администрации на Кавказе (русским генерал-майором Еропкиным, кавказским генерал-губернатором П. С. Потемкиным и др.); записи русских и иностранных путешественников (П. С. Палласа, Я. Потоцкого, Г. Ю. Клапрота), кри-

тически подходя к ним; более подробно проанализировала 28-ые главы общерусских родословных книг А. М. Пушкина и А. И. Лобанова-Ростовского под названиями «Род черкасских князей и мурз» и «Род кабардинских и черкасских мурз и князей» соответственно, впервые опубликованные С. А. Белокуровым, а затем вторично изданные в качестве приложения к I тому «Кабардино-русских отношений в XVI–XVIII вв.» в 1957 г.

Поиски производились Евгенией Джамурзовой в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Архиве внешней политики России (АВПР). Обнаруженные в фондах этих архивов официальные документы, обычные деловые бумаги, личные письма, доезды разведчиков, отписки воевод, походные журналы, реляции дипломатов и др. позволили восполнить недостающие колена и снабдить сведениями большинство изображенных на картах лиц. Работая в центральных архивах Москвы, Е. Дж. Налоева непрерывно дополняла и дорабатывала генеалогию, доведя ее до XVIII в. При этом она считала, что генеалогия еще требует дальнейших уточнений и доведения хронологических рамок до XIX в., но в силу разных обстоятельств ей не удалось это сделать [2, с. 160].

Ставшие плодом многолетней и кропотливой работы, генеалогические карты использовались в исследованиях Е. Дж. Налоевой как вспомогательный исторический источник для прояснения и понимания многих проблем политической истории Кабарды: система передачи власти верховного князя (пшышхо) Кабарды по старшинству лет и по боковой линии, право наследования семейной собственности, семейно-брачные отношения в среде социальных элит, особенности внутривнутриполитической борьбы княжеских фамилий, сюзеренно-вассальные и союзнические отношения кабардинских князей с соседними народами и государствами [2, с. 19].

Интерес к генеалогии в нашей стране имеет устойчивую тенденцию роста. Люди, осознавая свое место в связке: я – семья – род – народ, обращаются к истории своих предков. Проведенное Налоевой исследование предоставляет широкому кругу специалистов в области исторического кавказоведения, преподавателям,

студентам и тем, кто интересуется генеалогическими вопросами характеристику генеалогии кабардинских князей как исторического источника, генеалогические карты двенадцати знатных родов Кабарды – Иналов род, Идаров род, Битуев род, род Беслана I, род Беслана II, князей Шогенуковых, Атажукиных, Джамбулатовых, Мисостовых, Талостанов род, Келахстанов, Тохтамышша, а также большую общую схему генеалогии кабардинских князей от Инала (все ветви) до XVIII века включительно и родословную карту кабардинских князей 1744 г. с делением на Большую и Малую Кабарду.

Таким образом, доступное теперь широкой общественности издание, включающее в качестве отдельного приложения и альбом из 14 генеалогических карт, как первая попытка в историческом кавказоведении разработать научную генеалогию Кабарды в таком объёме, явилось полезной публикацией для всего научного сообщества в деле разъяснения злободневных вопросов истории Кабарды и исходной позицией для дальнейших изысканий исследователей.

К сожалению, наше поколение не застало Евгению Джамурзовну Налоеву, однако, каждый раз перелистывая страницы ее книги, перед нами будем вставлять образ этой замечательной и исполненной оптимизмом женщины, сквозь все трудности пронесшей дело служения науке.

Использованные источники и литература

1. *Мирзоев А. С.* О жизни и деятельности Евгении Джамурзовны Налоевой // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2015. №3 (26). С. 43–60.

2. *Налоева Е. Дж.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории/Сост. к.и.н. А.С. Мирзоев. Нальчик, 2015.

БИБЛИОГРАФИЯ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Р. М. Абрамян
(г. Москва, Россия)

**ИЗДАНИЯ ПО ГЕНЕАЛОГИИ
КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ
(НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)**

1. АЙДАБОЛОВА М. Род Айдаболовых: история и современность // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 1. – С. 32–45.
2. АЙШАЕВ О. О. К истории фамилии Айшаевых // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 120–122.
3. АЙШАЕВ О. О. Айшаевы – родом из Шыкы. – Нальчик, 2002. – 32 с. – 100 экз.
4. АЙШАЕВ О. О. Айшаевы – родом из Шыкы // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 4. – С. 51–60.
5. АЙШАЕВ О. О. Айдиновы (Айдынлары) // ГЮР. – Нальчик, 2004. – С. 89–92.
6. АКАЧИЕВА С. М. В творческой лаборатории писателя, ученого (на примере семьи Гуртуевых) // III Республиканская н.-теоретическая конф. «Сравнительная педагогика и проблемы образования в современном мире». Тез. док. – Карачаевск, 1997. – С. 11–14.

7. АКАЧИЕВА С. М. Акачиевы: семейная хроника // ГЮР. – Нальчик, 2004. – С. 94–97.
8. АКАЧИЕВА С. М. Семейная хроника Акачиевых // ГСК. – Нальчик, 2004. – № 12. – С. 78–81.
9. АКАЧИЕВА С. М. Семейный вклад в победу над врагом: история одной трагедии // Народы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Матер. Междунар. н. конф., посв. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Махачкала, 2005. – С. 176–178. [Акачиевы]
10. АКАЧИЕВА С. М. Офицеры Акачиевы: к 60-летию Великой Победы // ГСК. – Нальчик, 2005. – № 13. – С. 65–67.
11. АКАЧИЕВА С. М. Из истории рода Акачиевых // ГСК. – Нальчик, 2007. – № 18. – С. 66–74.
12. АКАЧИЕВА С. М. Слово о семье Акачиевых (на примере женщины-горянки) // ГНК. – Владикавказ, 2009. – С. 17–26.
13. АКАЧИЕВА С. М. Махачкалинские страницы семьи Акачиевых // ГНК. – Вып. II. – Владикавказ, 2010. – С. 23–41.
14. АКАЧИЕВА С. М. Краснодарские страницы Даута Акачиева // ГНК. – Вып. III. – Владикавказ, 2011. – С. 31–38.
15. АКАЧИЕВА С. М. Ближайшее окружение Ислам-бия Крымшамхалова // Известия Карачаевского НИИ. – Черкесск, 2012. – Вып. VIII. – С. 24–26.
16. АКАЧИЕВА С. М. История рода Акачиевых (поиски, находки, новые публикации) // ГНК. – Вып. V. – Владикавказ, 2013. – С. 25–30.
17. АКАЧИЕВА С. М. К родословной Даута Акачиева (методика исследования темы) // ГНК. – Вып. IV. – Владикавказ, 2013. – С. 13–19.
18. АКАЧИЕВА С. М., МАТУЛАЕВА Ф. Л. Творческая лаборатория национальной культуры и литературы (на примере семьи Берта Гуртуева) // Алиевские чтения: н. сессия преподавателей и аспирантов университета (22–26 апреля): матер. н. сессии. В 2 частях. – Ч. II. – Карачаевск, 2013. – С. 12–17.
19. АКАЧИЕВА С. М. Основатель рода Акачиевых: Даут

Магомедович, участник первой мировой войны (из опыта составления семейной истории) // Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность: сб. статей. – Владикавказ, 2014. – С. 181–187.

20. АЛИЕВ И. И., АЛИЕВА З. И. Карачаево-Балкарские имена и фамилии. Толковый словарь. – М., 2003. – 240 с. – 1000 экз.

21. АЛИЕВ К. М. К истории титула Крым-шаухал // Тюрки Северного Кавказа: история, археология, этнография: Сб. н. трудов. – М., 2009. – С. 110–115.

22. АЛИЕВ Р. М. Вклад У. Б. Алиева в развитие карачаево-балкарского языка // Этногенетические и культурные связи народов Северного Кавказа (на примере рода Алиевых). Матер. всерос. н. конф. – Карачаевск, 2014. – С. 13–20. [Алиевы]

23. АЛИЕВА З. И. Тамги карачаево-балкарских фамилий и сопоставление их с древнетюркскими рунами // Современные гуманитарные исследования. – М., 2008. – № 1. – С. 176–178.

24. АЛИЕВА С. Размышления о Зое Токовой, ее предках, родных и потомках // Ас-Алан. – М., 2000. – № 1 (3). – С. 156–165. [Хубиевы, Аппоевы, Токовы]

25. АСАНОВ Ю. Н. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. – Нальчик, 1990. – 269, [2] с. – 1000 экз.

26. АСАНОВ Ю. Н. Род Асановых. – Нальчик, 1998. – 93 с.

27. АТАБИЕВ Б. Атабиевы: Мухолская ветвь рода. – Нальчик, 2011. – 152 с. – 200 экз.

28. АХМАТОВА Ж. Ахматовы: род в истории народа // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 1. – С. 48–56.

29. БАЙЧОРОВА Б. Э. Эльмурза из рода Байчоровых // ГСК. – Нальчик, 2005. – № 13. – С. 61–64.

30. БАЙЧОРОВА Б. Э. Семья Эльмурзы. Поколенная роспись // ГНК. – Вып. III. – Владикавказ, 2011. – С. 51–73. [Байчоровы]

31. БАРАЗБИЕВ М. И. Карачаево-балкарские фамилии адыго-абхазского происхождения // Эльбрус. – Нальчик, 1999. – № 1 (10). – С. 135–141.

32. БАРАЗБИЕВ М. И. Балкаро-карачаевские фамилии за-

кавказского происхождения // Тез. док. Северо-Кавказской конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива – 2000». – Майкоп, 2000. – С. 29–32.

33. БАРАЗБИЕВ М. И. Кавказские фамилии карачаево-балкарского происхождения // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 114–115.

34. БАРАЗБИЕВ М. И. Национально-смешанные браки в этнокультурных связях балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII–XIX вв. // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 112–114.

35. БАРАЗБИЕВ М. И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII–XIX вв. – Нальчик, 2000. – 112 с.

36. БАРАЗБИЕВ М. И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 4. – С. 78–85.

37. БАРАЗБИЕВ М. И. Золотая Орда и Крымское ханство в генеалогических преданиях высшего сословия тюрков Центрального Кавказа (балкарцы, карачаевцы и ногайцы) // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Матер. междунар. н.-практ. конф., 10–11 апреля 2003 г. – М., 2003.

38. БАРАЗБИЕВ М. И. КБИРО: много свершений за короткий период деятельности // ГСК. – Нальчик, 2003. – № 6. – С. 13–15.

39. БАРАЗБИЕВ М. И. Сословие чанка в Балкарии и Карачае // Матер. Всерос. н. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Нальчик, 2005. – Т. 2. – С. 288–293.

40. БАРАЗБИЕВ М. И. Генеалогические предания о происхождении балкарско-карачаевского сословия чанка // АО. – Нальчик, 2007. – № 1. – С. 96–99.

41. БАРАЗБИЕВ М. И. Балкарские и карачаевские аристократы на военной службе Российской Империи // «Под Андреевским верным стягом...»: Матер. III Междунар. Дворянских чтений. – Краснодар, 2007. – С. 113–120.

42. БАРАЗБИЕВ М. И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев со сванами в XVIII–XX веках // ИВ. – Нальчик, 2007. – Вып. V. – С. 122–141.

43. БАРАЗБИЕВ М. И. Генеалогические предания о проис-

хождении фамилий высшего сословия Балкарии и Карачая // ГНК. – Владикавказ, 2009. – С. 33–42.

44. БАРАЗБИЕВ М. И. Карачаевские и балкарские аристократы – кавалеры знака отличия Военного ордена Св. Георгия и ордена Св. Георгия // «Под сенью Святого Георгия». Матер. V Международ. дворянских чтений. – Краснодар, 2009. – С. 60–70.

45. БАРАЗБИЕВ М. И. Отражение межэтнических контактов высшего сословия Балкарии и Карачая в генеалогических преданиях // Тюрки Северного Кавказа: история, археология, этнография: Сб. н. трудов. – М., 2009. – С. 116–125.

46. БАРАЗБИЕВ М. И. Христианство в среде княжеского сословия Балкарии в XIX веке: политико-правовой аспект // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX – начале XX века (Матер. Всерос. н. конф. 24–26 сентября 2009). – Карачаевск, 2009. – С. 51–56.

47. БАРАЗБИЕВ М. И. Военная и гражданская служба в Российской империи представителей карачаево-балкарской аристократии и их потомков как проявление миграционных процессов // Социокультурные и политические проблемы высокогорных районов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее (Матер. Всерос. н. конф.). – Карачаевск, 2010. – С. 72–80.

48. БАРАЗБИЕВ М. И. Генеалогия Таусултана Шакманова // ГНК. – Вып. II. – Владикавказ, 2010. – С. 46–51.

49. БАРАЗБИЕВ М. И. «Осетинские» – балкарские князья в грузинских русскоязычных документах XIX столетия // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии (Матер. Всерос. н. конф. с междунар. участием). – Карачаевск, 2010. – С. 31–34.

50. БАРАЗБИЕВ М. И. Представители рода балкарских таубиев Барасбиевых в Великой Отечественной Войне // ГНК. – Вып. II. – Владикавказ, 2010. – С. 42–45.

51. БАРАЗБИЕВ М. И. Привилегированные сословия Балкарии и Карачая // «Добродетель и честь должны быть одному правилами...»: дворянство Северного Кавказа на службе Российской империи (Матер. VI Междунар. дворянских чтений). – Краснодар, 2010. – С. 135–153.

52. БАРАЗБИЕВ М. И. Аристократия Балкарии и ее роль в

процессе исламизации балкарского этноса // Ислам в духовном пространстве Северного Кавказа: история, философия, социология (Матер. Всерос. н. конф.). – Карачаевск, 2011. – С. 88–91.

53. БАРАЗБИЕВ М. И. Карачаево-балкарские аристократы – ветераны Собственного Его Императорского Величества Конвоя // «Нам Богом и Царем, дарованная честь...» (к 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя). Матер. VII Междунар. Дворянских чтений. – Краснодар, 2011. – С. 59–71.

54. БАРАЗБИЕВ М. И. Брачные контакты представителей высших сословий тюркских народов Кавказа с кабардинцами в XIX – начале XX вв. // Известия Кабардино-Балкарского гос. у-та. – Нальчик, 2012. – Т. II. – № 1. – С. 53–55.

55. БАРАЗБИЕВ М. И., БЕГЕУЛОВ Р. М. Этнокультурные взаимосвязи карачаевцев и абхазов в досоветский период // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2012. – Вып. 1. – С. 23–30.

56. БАРАЗБИЕВ М. И. Таубии Хуламского и Безенгиевского обществ Балкарии – офицеры Российской Императорской армии // «Царствуй на славу, на славу нам!» (к 400-летию вступления на Престол династии Романовых. Матер. IX Междунар. Дворянских чтений). – Краснодар, 2013. – С. 192–198. [Шакмановы, Суюнчевы]

57. БАРАЗБИЕВ М. И. Брачные контакты представителей высших сословий тюркских народов Северного Кавказа с кабардинцами в XVI – начале XVIII вв. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. – Черкесск, 2014. – С. 115–118.

58. БАРАЗБИЕВ М. И. Таубии Урусбиевы – офицеры Российской императорской и Белой армии // «Беззаветно тебя мы любили, святорусская наша земля...»: матер. X Междунар. Дворянских чтений. – Краснодар, 2014. – С. 209–223.

59. БАТАШЕВ А. Баташ. Большой евразийский роман, или Опыт художественно-исторического исследования рода за пятьдесят пять веков. – М., 2001. – 448 с., илл. – 980 экз. [Боташевы]

60. БАТЧАЕВ Ш. М. Князя Крымшамхаловы (клан Бийнёгерлери) в русской армии // Вестник Карачаево-Черкесского

гос. историко-культурного и природного музея-заповедника. – Черкесск, 2004. – Вып. 1. – С. 8–10.

61. БАТЧАЕВ Ш.М. Родословная Ильяса Байрамукова // ГЮР. – Нальчик, 2004. – С. 98–101.

то же: // ГСК. – Нальчик, 2004. – № 12. – С. 87–92.

62. БАТЧАЕВ Ш.М. Джатдай. – Ставрополь, 2006. – 272 с. – 1000 экз. [Байрамуковы]

63. БАТЧАЕВ Ш.М. Генеалогические связи карачаевцев и кумыков // ГНК. – Владикавказ, 2009. – С. 27–32.

64. БАТЧАЕВ Ш.М. Князя Крымшамхаловы и шамхалы Тарковские: к вопросу о династических и этнокультурных связях карачаевцев и кумыков // Материалы междунар. н. конф. «Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая пол. XVI – первая пол. XVII вв.)», посвященной 460-летию Султан-Махмуда. – Махачкала, 2010. – С...

65. БАТЧАЕВ Ш.М. Мусульманские некрополи как генеалогический источник // ГНК. – Вып. II. – Владикавказ, 2010. – С. 62–65.

66. БАТЧАЕВ Ш.М. Представители рода Крым-Шамхаловых-Соколовых на службе в российской армии // «Добродетель и честь должны быть оному правилами...»: дворянство Северного Кавказа на службе Российской империи (Матер. VI Междунар. дворянских чтений). – Краснодар, 2010. – С. 87–93.

67. БАТЧАЕВ Ш.М. Князя Крым-Шамхаловы в войнах России XIX в. // ГНК. – Вып. III. – Владикавказ, 2011. – С. 74–86.

68. БАТЧАЕВ Ш.М. Князя Дудовы в войнах России XIX – начала XX вв. // ГНК. – Вып. IV. – Владикавказ, 2013. – С. 49–61.

69. БАТЧАЕВ Ш.М. Князя Дудовы в войнах России начала XX вв. // Проблема социально-политического развития народов Северного Кавказа в последней трети XIX – начале XX веков. Матер. Всерос. н.-практ. конф., посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. – Грозный, 2014. – С. 74–78.

70. БАТЧАЕВ Ш., ХАТУЕВ Р. Потомки уллу-бойнакских кумыков в Карачае // Таргу-Тау. – Махачкала, 2013. – Вып.1. – С. 13–14. [Азанчиевы, Кумыковы].

71. БАТЧАЕВ Ш.М. Участие представителей рода Соколовых-Крым-Шамхаловых в Первой мировой войне // «Беззаветно тебя мы любили, святорусская наша земля...»: матер. X Междунар. Дворянских чтений. – Краснодар, 2014. – С. 25–29.
72. БАШИЕВ А.М. Род Жерештиевых в Карачае // ГНК. – Владикавказ, 2009. – С. 43–50.
73. БАШИЕВ А.М. Род Чипчиковых в Карачае (на Хасауте) // ГНК. – Вып. II. – Владикавказ, 2010. – С. 66–77.
74. БАШИЕВ А.М. Князья (таубии) Боташевы в Балкарии // ГНК. – Вып. III. – Владикавказ, 2011. – С. 87–97.
75. БЕГЕУЛОВ Р.М. Военно-политические и родственные связи ногайцев с народами Северо-Западного Кавказа в 1630–1640-е гг. // De Caucaso: историко-этнографический альманах. – Карачаевск, 2013. – Вып. 5. – С. 15–17.
76. БИДЖИЕВА Ф.И. История возникновения и развития карачаевских фамилий (XVI – конец XX вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Пятигорск, 2002. – 205 с.
77. БИТТИРОВА Т.Ш. Урусбиевы в истории культуры Балкарии // В кн.: Актуальные проблемы литературы Кабардино-Балкарии. – Вып. 1. – Нальчик, 1991. – С. 41–71.
78. БИТТИРОВА Т.Ш. Биттировы: документы и устные источники // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – №1 (12). – С. 122–124.
79. БИТТИРОВА Т.Ш. К вопросу о генеалогии Кубадиевых из Черекского ущелья // ГСК. – Нальчик, 2003. – №5. – С. 114–119.
80. БИТТИРОВА Т.Ш. Поколенная роспись потомков Мисоста Абаева // ГЮР. – Нальчик, 2004. – С. 124–127.
81. БИТТИРОВА Т.Ш. Урусбиевы и история культуры Балкарии // В кн.: Этюды о Балкарии. – Нальчик, 2007. – С. 9–24.
82. БИТТИРОВА Т.Ш. Поколенная роспись потомков Мисоста Абаева // В кн.: Этюды о Балкарии. – Нальчик, 2007. – С. 190–192.
83. БОРЛАКОВА К.З. О комплектовании Госархива Карачаево-Черкесской республики документами, содержащими генеалогическую информацию // Вестник Архивиста. – М., 1999. – №6 (54). – С. 160–166.

84. БОТТАЕВ М. Родословная Боттаевых // ГСК. – Нальчик, 2006. – № 15. – С. 91–96.

85. БУГУЛОВА Т. А., АБАЕВ Ш. М. Генеалогические предания осетинской и балкарской аристократии: Бугуловых и Абаевых. – Ростов-на-Дону, 2014. – Т. 1. – 272 с. – 700 экз.

86. ГУРГУЕВ О. Келеметовы: История одной фамилии. – Нальчик, 2002. – 192 с. – 100 экз.

87. ДАСАНИЯ Д. М. Генеалогические связи между абхазскими и карачаево-балкарскими фамилиями // XVIII итоговая н. сессия [Абхазского института гуманитарных исследований АН Абхазии] (3–5 мая). Тез. док. – Сухум, 2005. – С. 31–32.

88. ДЖАЗАЕВ Б. Ю. Крепкие корни: (документальная повесть о фамильном роде Джжаевых). – Черкесск, 2014. – 265 с. – 500 экз.

89. ДЖАНИБЕКОВА М. Ю. Джанибек из рода Трам (историко-педагогический очерк). – Ставрополь, 2006. – 272 с. [Джанибековы, Джамбековы, Шайлиевы, Трамовы]

90. ДЖУРТУБАЕВ Х. Ч. Балкарские и карачаевские фамилии: Лексико-семантический анализ. – Нальчик, 1999. – 66 с.

91. ДУДОВ М. Дудовы в письменных источниках XIX – начала XX веков // ГНК. – Вып. II. – Владикавказ, 2010. – С. 126–136.

92. ЖАНГОРАЗОВА Н. А. Родословная Басията Шаханова (жизнь и творческая деятельность) // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 2. – С. 24–28.

93. ЖАНГУРАЗОВ М. Х-М. Жангуразовы. Фамильная энциклопедия – Нальчик-Минеральные Воды, 2006. – 688 с. – 200 экз.

Рец.: М. Х-М. ЖАНГУРАЗОВ. Фамильная энциклопедия Жангуразовых // ГСК. – Нальчик, 2007. – № 17. – С. 144–146.

94. ЖАНГУРАЗОВ М. Х-М. Историко-культурное наследие народов Центрального Кавказа. Серия документальные памятники. Вып. I. Посемейные списки селений Нальчикский округ 1886–1909 гг. – Нальчик-Владикавказ, 2013. – 271 с. илл. – 300 экз.

95. ЖАНГУРАЗОВ М. Х-М. Историко-культурное наследие народов Центрального Кавказа. Серия документальные памятники. Вып. II. Хуламское общество. Документы 1906 г. – Нальчик-Владикавказ, 2013. – 440 с. илл. – 300 экз.

96. ЖАНГУРАЗОВ М. Х-М. Историко-культурное наследие народов Центрального Кавказа. Серия документальные памятники. Вып. III. Чегемское общество. Документы 1906 г. – Нальчик-Владикавказ, 2013. – 736 с. илл. – 300 экз.

97. КАНАМАТОВ С. История рода Канаматовых. – Ставрополь, 2008. – 252 с.

98. КАНАМАТОВ С. И., ХАПАЕВ С. А. Маринская долина и маринцы. – Черкесск, 2011. – 512 с.

99. КАРАКЕТОВ М. От вооруженных столкновений до брачных связей: из жизни северокавказских элит в XVII–XIX вв. // Диаспоры. – М., 2004. – № 4. – С. 105–136.

100. КАРАКЕТОВ М. Д. Сословия чанков, тумачанков и тумов в социальной структуре карачаево-балкарских обществ (конец XVIII–XIX в.) // Исторический вестник. – Нальчик, 2005. – Вып. 1. – С. 145–170.

101. КАРАКЕТОВ М. Д., АДиль-ОГЛУ А., АЛИКБЕРОВ А. К., БАДЕРХАН Ф. Из карачаевских генеалогий, записанных в XIX в. // ГНК. – Вып. II. – Владикавказ, 2010. – С. 141–154. [Коркмасовы]

102. КАРАКЕТОВ М. Д. О семейно-брачных связях северокавказских элит в XVII–XIX вв. (генеалогический аспект на примере Карачая) // Вопросы тюркологии. – М., 2010. – № 1. – С. 105–129.

103. КАРАКЕТОВ М. Д. Письмена мухаджиров возвращаются на родину: «Кодекс Карчи» и родословие Джанибековых // Известия Карачаевского НИИ. – Черкесск, 2010. – Вып. VI. – С. 19–39.

104. КАРАКЕТОВ М. Д. Ногайско-карачаевские связи до начала XX века // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к будущему. – Черкесск, 2014. – С. 141–142.

105. КАТАНЧИЕВ С. Х. О потомках половецкого (кипчакского) ханского рода Котян (Кутен, Кётен) // Эльбрус. – Нальчик, 1999. – № 2 (11). – С. ...

106. КАТАНЧИЕВ С. Х. О потомках половецкого ханского рода Котян на Руси, Северном Кавказе и Венгрии // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 110–112.

107. КАТАНЧИЕВ С. Х. Потомки половецкого хана Котяна // Ас-Алан. – М., 2000. – № 1 (3). – С. 496–513.

108. КАТАНЧИЕВ С. Х. Александр Невский – правнук половецкого (кипчакского) хана Котяна // Ас-Алан. – М., 2001. – № 1 (4). – С. 546; № 2 (5). – С. 526–543; 2002. – № 3 (8). – С. 52–71.

109. КАТАНЧИЕВ С. Х. Половецкие компоненты в родословной Александра Невского // ЛКБ. – Нальчик, 2002. – № 4. – С. 132–139.

110. КАТАНЧИЕВ С. Х. Александр Невский – сын внучки половецкого (кипчакского) хана Котяна // Известия Кабардино-балкарского н. центра РАН. – Вып. 1 (11). – Нальчик, 2004. – С. 63–71.

111. КАТАНЧИЕВ С. Х. Александр Невский – сын внучки половецкого (кипчакского) хана Котяна. – Нальчик, 2008. – 248 с. – 1000 экз.

112. КИПКЕЕВ И. С. К генеалогии рода Кипкеевых (атаулы Бакулары и Бидалары) // Известия Карачаевского НИИ. – Черкесск, 2012. – Вып. VIII. – С. 79–95.

113. КИПКЕЕВ И. С. К генеалогии рода Кипкеевых // Известия Карачаевского НИИ. – Черкесск, 2013. – Вып. IX. – С. 58–68.

114. КОЙЧУЕВ А. Д. Койчуевы: генезис фамилии и современность. – Карачаевск, 2008. – 135 с., [8] л. илл.

115. КОЧКАРОВА А. М. Семейные хроники. – Черкесск, 2012. – 258 с.

116. КРЫМШАМХАЛОВА С. М. Этнокультурные контакты карачаевцев и балкарцев со Сванетией // Актуальные проблемы региональной истории. Матер. внутривузовской н. конф. студентов и аспирантов. – Карачаевск, 2015. – С. 48–51. [Дадешкилиани]

117. ЛАЙПАНОВ К. Т. Славен род Крымшамхаловых в Карачае // ВКНКО. – Махачкала, 2001. – № 6–7. – С. 17–19.

118. ЛАЙПАНОВ К. Т. О взаимосвязях кумыков, карачаевцев и балкарцев // ВКНКО. – Махачкала, 2002–2003. – № 8–10. – С. 95–96.

119. ЛАЙПАНОВ К. Т. Крымшамхаловы – потомки дяди пророка Мухаммата // В кн.: Карачай и карачаевцы. – Черкесск, 2005. – С. 40–49.

120. ЛАЙПАНОВ К. Т. Род Лайпановых // В кн.: Карачай и карачаевцы. – Черкесск, 2005. – С. 49–60.

121. ЛАЙПАНОВ К. Т. Список карачаевских фамилий и семей // В кн.: Карачай и карачаевцы. – Черкесск, 2005. – С. 200–272.

122. ЛАЙПАНОВ К. Т. Этногенетические корни старинных карачаевских фамилий // В кн.: Карачай и карачаевцы. – Черкесск, 2005. – С. 34–40.

123. ЛАЙПАНОВА Ф. Х. Не потерять фамилию // Этногенетические и культурные связи народов Северного Кавказа (на примере рода Алиевых). Матер. всерос. н. конф. – Карачаевск, 2014. – С. 59–60. [Алиевы]

124. МАМБЕТОВ Г. Х. Этнокультурные связи кабардинцев и балкарцев с соседними народами в XVII–XX веках // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 99–101.

125. МАРЕМШАОВА И. И. Исмаил Мизиев на родовом древе // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 118–120.

126. МАРЗОЕВ И. Т. Конфессиональный фактор в этнокультурных связях осетинских привилегированных сословий с аристократией Кабарды и Балкарии // Б. А. Калоев и проблемы современного кавказоведения: Сб. н. трудов. – Владикавказ, 2006. – С. 147–154.

127. МАРЗОЕВ И. Т. Религиозный аспект межэтнических связей привилегированных сословий Осетии, Кабарды и Балкарии // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2009. – Вып. 6 (2). – С. 49–53.

128. МЕДЖИДОВ М. М. Генезис фамилий дагестанского происхождения у карачаевцев // De Caucaso: Историко-этнографический альманах. – Карачаевск, 2011. – Вып. 3. – С. 31–34.

129. МЕДЖИДОВ М. М. К истории фамилий дагестанского происхождения в Карачае // Известия Дагестанского гос. педагогического у-та. – Махачкала, 2013. – № 1 (12). – С. 59–64.

130. МИЛЛЕР В. Ф., КОВАЛЕВСКИЙ М. М. В горских обществах Кабарды. Предание о происхождении балкарских феодалов (таубиев) // Вестник Европы. – СПб., 1884. – Т. 2. – № 4. – С. 540–588.

131. МИЛЛЕР В. Ф. В горских обществах Кабарды. Предание о происхождении балкарских феодалов (таубиев). Языческие

обряды балкарцев. Предания о водворении среди чегемцев феодальных властителей, так называемых таубиев (горских князей) // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. – Нальчик, 1985. – С. 106–116.

132. МОКАЕВА А. От имени к фамилии // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 1. – С. 153–157. [Мокаевы]

133. МУСУКАЕВ А. И. Из прошлого забытого (К вопросу изучения этнографии дореволюционной Балкарии). – Нальчик, 1975. – 100 с. – 1500 экз.

134. МУСУКАЕВ А. И. Балкарский Тукъум (Патронимическая организация и «фамилия» в системе сельской общины). – Нальчик, 1978. – 175 с. – 1000 экз.

135. МУСУКАЕВ А. И., ШАМАНОВ И. М. К вопросу о генезисе патронимической организации народов Северного Кавказа // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1987. – С. 107–114.

136. МУСУКАЕВ А. И. О семейных преданиях: К истории адыгских и карачаево-балкарских семей // Адыги. – Нальчик, 1991. – № 2. – С. 143–149.

137. МУСУКАЕВ А. И. К истокам семей. Предания и легенды. – Нальчик, 1992. – 88 с.

138. МУСУКАЕВ А. И. Века родословий. – Нальчик, 1997. – 460 с. – 4000 экз.

139. МУСУКАЕВ А. И., КУЗЬМИНОВ П. А. Карачаевские фамилии по материалам «Записок о горцах Баталпашинского уезда» Н. Петрусевича // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 115–118.

140. МУСУКАЕВ А. И. Кабардинские и балкарские фамилии грузинского происхождения // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 2. – С. 71–80.

то же: // ЛКБ. – Нальчик, 2002. – № 6. – С. 141–149.

141. МУСУКАЕВ А. И. Осетинские корни кабардинских и балкарских семей // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 2. – С. 80–88.

то же: // Вестник Кабардино-Балкарского гос. у-та. Сер. Гуманитарные науки. – Нальчик, 2002. – Вып. 7. – С. 25–28.

142. МУСУКАЕВ А. И. Фольклорно-этнографическая основа

фамильных преданий кабардинцев и балкарцев // ГЮР. – Нальчик, 2004. – С. 27–30.

143. МУСУКАЕВ А. И. Первые поселенцы в Баксанском ущелье // ГСК. – Нальчик, 2005. – № 13. – С. 119–127. [генеалогия жителей Баксанского ущелья]

144. МУСУКАЕВ А. И., МАКСИДОВ А. А. К вопросу о становлении и развитии кабардинской и балкарской генеалогии // ГСК. – Нальчик, 2006. – № 16. – С. 132–150.

145. ПОСЕМЕЙНЫЕ списки населенных пунктов Нальчикского округа 1886 год. – Нальчик, 2008. – Т. 4. – Ч. 1. – 565 с. – 500 экз. [Общество Безенгийское, поселки Куркужанское, Озроковское]

146. ПОСЕМЕЙНЫЕ списки населенных пунктов Нальчикского округа 1886 год. – Нальчик, 2008. – Т. 4. – Ч. 2. – 565 с. – 500 экз. [Общества Урусбиевское, Хуламское, Чегемское]

147. СБОРНИК документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг./Сост. Х. М. Думанов, А. И. Мусукаев, А. А. Максидов. – Нальчик, 2003. – Т.1. – 343 с. – 500 экз.

148. СБОРНИК документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг./Сост. Х. М. Думанов, А. И. Мусукаев, А. А. Максидов. – Нальчик, 2003. – Т.2. – 484 с. – 500 экз.

149. СОЗАЕВ А. Б. Из истории рода Созаевых селения Псыгансу // ГНК. – Вып. III. – Владикавказ, 2011. – С. 261–267.

150. СОЗАЕВ А. И. Род Созаевых. Говорю роду Созаевых // Эльбрус. – Нальчик, 1999 – № 1 (10). – С. 142–146.

151. СОЗАЕВА Ж. Слово о моем роде // ГСК. – Нальчик, 2006. – № 15. – С. 114–122.

152. ТАМБИЕВ И. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1931. – № 12. – С. 84–99.

153. ТОКБАЕВ А. Н., ТОКБАЕВ Х. А., ТОКБАЕВ М. М. Записки Токбаевых. – Нальчик, 2001. – 123 с. – 100 экз.

154. УЛЬБАШЕВ А. А., УЛЬБАШЕВ Р. Я., ЖАНГУРАЗОВ М. Х.-М. Ульбашевы. Семейная энциклопедия. – Нальчик-Минеральные Воды, 2010. – 588 с., илл. – 400 экз.

155. УРУСОВ К. С.-Б. К истории рода Урусовых: Семейная хроника. – М., 1993. – 53 с.

156. УРУСОВ К. С.-Б. Алиевы в истории // Этногенетические и культурные связи народов Северного Кавказа (на примере рода Алиевых). Матер. всерос. н. конф. – Карачаевск, 2014. – С. 61–70.
157. ХАБИЧЕВА А. А. История семьи Хабичевых как история народа // Грани таланта ученого: Сб. матер. о Хабичеве М. А. – Карачаевск, 2011. – С. 36–60.
158. ХАДЖИЕВ З. Откуда мы родом // ГСК. – Нальчик, 2004. – №9. – С. 81–93. [Будаевы]
159. ХАДЖИЕВА М. Х. «Его свободные сыны...». Багъатыр. – Кисловодск, 2004. – 84 с. [Богатыревы]
160. ХАДЖИЕВА Т. М. Из истории культуры Балкарии и Карачая (Исмаил Урусбиев и его сыновья) // В кн.: Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология и фольклор. – М., 2001. – С. 300–310.
161. ХАТУЕВ Р. Т. Хроника аланских царей. – Черкесск, 2007. – 118 с. – 300 экз.
162. ХАТУЕВ Р. Т. Из «арабских» генеалогий кавказской аристократии // Известия Карачаевского НИИ. – Черкесск, 2011. – Вып. VII. – С. 53–61.
163. ХАТУЕВ Р. Т. Семёновы. Краткая хроника рода. – Черкесск, 2012. – 44 с.
164. ХАТУЕВ Р. Т. Хубиевы: Краткий исторический очерк. – Нальчик, 2012. – 112 с. – 1000 экз.
165. ХАТУЕВ Р. Т. Из дневника этнографа: 1. Из истории карачаевских фамилий (Кулчаевы, Ахъяевы) // Известия Карачаевского НИИ. – Черкесск, 2013. – Вып. IX. – С. 78–86.
166. ХАТУЕВ Р. Т. Из дневника этнографа: 2. Кадии Карачая XIX – начала XX вв. // Известия Карачаевского НИИ. – Черкесск, 2013. – Вып. IX. – С. 87–94.
167. ШХАГАПСОЕВА Е. М. Архивные источники о выезде за границу жителей Кабарды и Балкарии, содержащие генеалогическую информацию // АО. – Нальчик, 2007. – №2. – С. 224–226.
168. ЭФЕНДИЕВ С. И. Жизнь и деятельность великого балкарского поэта К. Ш. Кулиева: родословная // ГСК. – Нальчик, 2003. – №5. – С. 103–108.

Условные обозначения

АН – Академия наук.

АО – Архивы и общество.

ВКНКО – Вести кумыкского научно-культурного общества.

всесоюз. – всесоюзная.

всерос. – всероссийская.

вып. – выпуск.

г. – город, год.

ГНК – Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Сборник статей.

ГСК – Генеалогия Северного Кавказа.

гос. – государственный (-ая)

док. – доклад (-ов, -ы)

изд. – издание.

илл. – иллюстрации.

конф. – конференция (-ии).

ЛКБ – Литературная Кабардино-Балкария.

М. – Москва.

матер. – материалы (-ов).

междунар. – международный (-ая)

н. – научный (-ая)

н. – практ. – научно-практическая.

общ. – общественных.

отт. – оттиск.

пам. – памяти.

посв. – посвященный (-ая)

практ. – практическая.

РАН – Российская Академия наук.

рег. – региональный (-ая)

ред. – редактор

рец. – рецензия.

с. – страница.

сб. – сборник.

сер. – серия.

сообщ. – сообщения.

сост. – составитель.

СПб. – Санкт-Петербург.

студенч. – студенческой

т. – том.

тез. – тезисы (-ов).

ун-т – университет (-та)

ч. – часть.

экз. – экземпляров.

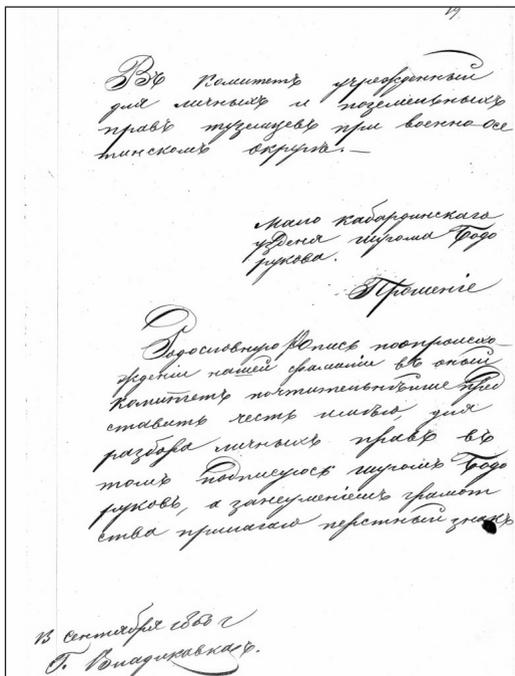
яз. – язык.

Р. К. Кармов
(г. Нальчик, Россия)

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В АРХИВАХ НЕИСЧЕРПАЕМЫ

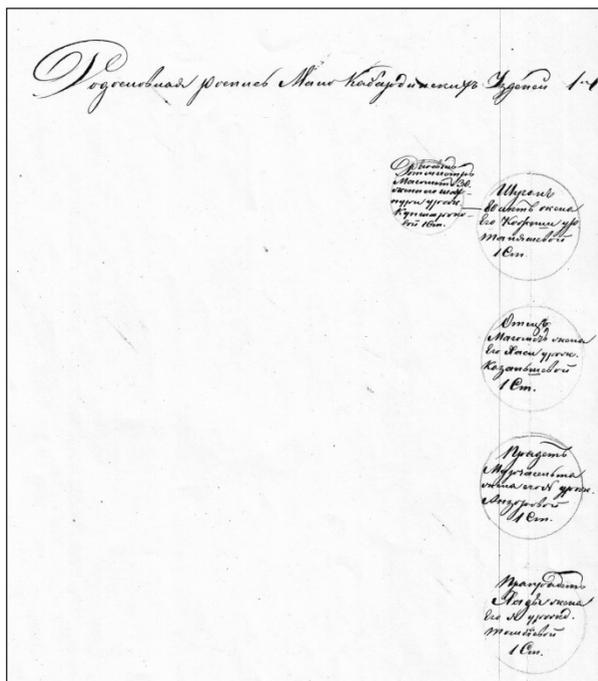
Информация, сосредоточенная в государственном архиве Грузии, не перестает удивлять исследователей. Каждая находка подстегивает к еще большим поискам и тем прекрасна работа в

архивах. Сегодня мы хотим познакомить исследователей с одной из таких находок, которая имеет неоценимое значение, как для любителей генеалогии в Кабардино-Балкарии, так и для коллег из Осетии.

В фонде «Кавказская археографическая комиссия», в которой сосредоточены документы, датированные 1864–1917 годами, опись 7, дело 121 оказалась подборка уникаль-

ных документов. В деле оказались прошения кабардинцев в комитет, учрежденный для изучения личных и поземельных прав туземцев при Военно-Осетинском округе. Кроме самого прошения к нему прилагались подробные родословные росписи, в которых указывались предки не только по мужской, но и по женской линии. Кроме этого, в некоторых росписях указан и возраст людей, что тоже является огромной находкой. Прогшения датируются 1863 годом.

Семья узденя 1 степени Заурбека Инарокова

Его жена – 1 степени Хуж Исмаилова

Сыновья: Эльжеруко, Жубата и Жанот

Отец Заурбека – Туко

Жена Туко – 1 степени Палахан Шхацева

Дед Заурбека, соответственно отец Туко – Магомет

Жена Магомета 1 степени Жандижа Кундатова
 Прадед Заурбека, соответственно отец Магомета – Казнак
 Жена Казнака – 1 степени Сосланова.

Семья 1 степени Асланмурза Кунижева – 70 лет

Его жена – Хамгура Муртазова
 Его сын юнкер Пшемахо
 Жена Пшемахо – Гукежева
 Отец Асланмурза – Долтуко
 Жена Долтуко – Гошемахо Гостанова
 Дед Асланмурза, соответственно отец Долтуко – Натша
 Жена Натша – Астемирова
 Прадед Асланмурза, соответственно отец Натша – Зикоко
 Жена Зикоко – Коголкина

Семья 1 степени поручика Каирбека Исламова – 41 год

Жена его – 1 степени Хажисат Эльтухова
 Сын его Науруз-4 года
 Отец Каирбека – Мусса
 Жена Муссы – 1 степени Амелкхан Худошетова
 Дед Каирбека, соответственно отец Муссы – Балахатан
 Жена Балахатана – Абаева
 Прадед Каирбека, соответственно отец Балахатана – Шалко-
 бан
 Жена Шалкобана – 1 степени Тамова

Семья поручика Гетагаж Абаева – 43 года

Жена его Гошана Буланова
 Сын его Озермек – 20 лет
 Жена его Кебехан Женокова
 Отец Гетагажа – Асланбек – 69 лет
 1 жена Асланбека – Дочкиз Уразданова (Алдарова)¹
 2 жена Асланбека – Госанаш Бидарова
 Дед Гетагажа, соответственно отец Асланбека – Шимахо
 Жена Шимахо – Минат Коголкова
 Прадед Гетагажа, соответственно отец Шимахо – Мо

Жена Мо – Гайсаниш Вукова
Прапрадед Гетагажа, соответственно отец Мо – Могомет
Жена Магомета – 1 степени Шланкус Исламова

В данном случае представлены имена целых шести поколений рода Абаевых. И если в 1863 году Асланбеку было 69 лет, то согласно правилам генеалогических исследований Магомет Абаев родился в 1704 году. И даже в данном случае уникальность не в том, что мы смогли понять год его рождения, а в том, что нам стало известно имя и фамилия его жены.

Думаем, представленная информация заинтересует многих любителей истории своей семьи и своего народа.

Примечания

1. Фамилия была записана в двух местах и два раза по разному (Р. К.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамян Рафаэл Михайлович – кандидат педагогических наук, председатель Армянского историко-родословного общества (г. Москва, Россия).

Арсанукаева Малика Султановна – доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент, профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва, Россия).

Асадов Юрий Андреевич – кандидат исторических наук, член Союза журналистов России (г. Балашиха, Московская область, Россия).

Брацун Егор Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры обществоведческих дисциплин и регионоведения ГБОУ «Институт развития образования» Краснодарского края. (г. Кореновск, Россия).

Гарсаев Лейчий Магомедович – доктор исторических наук, профессор ЧГУ, зав. отделом этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики (ИГИ АН ЧР) (г. Грозный, Россия).

Григорян Самвел Леонович – независимый исследователь. (г. Москва, Россия).

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Россия).

Джавахишвили Николай Георгиевич – доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили (ТГУ), главный научный сотрудник Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили (г. Тбилиси, Грузия).

Дзалаева Камила Руслановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СОИГСИ им. В. И. Абаева (г. Владикавказ, Россия).

Духаев Адам Идрисович – историк, писатель, публицист, фольклорист (г. Грозный, Россия).

Дзагалов Анатолий Сосланбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник института истории Национальной академии наук Украины (г. Киев, Украина).

Идрисов Юсуп Магомедович – кандидат исторических наук, Дагестанский государственный университет народного хозяйства (г. Махачкала, Россия).

Кармов Руслан Карнетович – начальник отдела Архивной службы КБР. (г. Нальчик, Россия).

Кафар-заде Ламия Расим кызы – доктор философии по истории, научный сотрудник Института Истории им. А. А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан).

Киреев Феликс Сергеевич – научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ, Россия).

Кулиев Муса Рагимоглу – доктор философии по истории, действительный член Азербайджанского историко-родословного общества, ведущий научный сотрудник Института истории, этнографии и археологии Нахичеванского отделения Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Нахичевань, Азербайджан).

Магальян Артак Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии Наук Республики Армения (г. Ереван, Армения).

Марзоев Ислам-Бек Темурканович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СОИГСИ им. В.И. Абаева, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества (г. Владикавказ, Россия).

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар, Россия).

Мусаева Салихат Ибрагимовна – доктор исторических наук, профессор факультета востоковедения Дагестанского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Республики Дагестан. (г. Махачкала, Россия).

Сухачева Елена Максимовна – Предводитель Краснодарского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз потомков Российского Дворянства – Российское Дворянское Собрание» – Дворянского Собрания Кубани, член Союза писателей Украины (г. Краснодар, Россия).

Тахушева Инна Сарабиевна – магистрант 1 г.о. направления «История» Института истории, филологии и СМИ Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. Научный руководитель: д.и.н., профессор Кузьминов П. А. (г. Нальчик, Россия).

Тезиева Мадина Хазбиевна – член Союза кинематографистов РФ, член Союза журналистов РФ, член гильдии кинорежиссеров РФ, член Ассоциации документального кино СК РФ (г. Владикавказ, Россия).

Цагараев Марат Асланбекович – кандидат политических наук, заместитель председателя Комитета РСО-Алания по делам молодежи (г. Владикавказ, Россия).

Научное издание

**ГЕНЕАЛОГИЯ НАРОДОВ КAVKAZA
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник статей

Выпуск VIII

Материалы публикуются в авторской редакции

*Технический редактор Е.Н. Маслов
Оформление обложки Е.Н. Макарова
Компьютерная верстка С.А. Булацева*

Подписано в печать 20.10.2016.

Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура «Times».

Усл. п.л. 16,0. Тираж 100 экз. Заказ № 79.

СОИГСИ ВНИЦ РАН
362040, г. Владикавказ. пр.Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3

